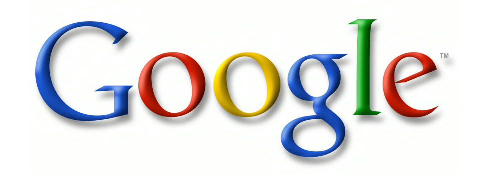

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ЖИЗНИ и ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
А. Д. ГРАДОВСКАГО.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ЧЕТЫРЕХЪ СТАТЕЙ А. Д. ГРАДОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1904.

wr

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

А. Д. ГРАДОВСКАГО,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

четырехъ статей А. Д. Градовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1904.

Отд. оттискъ изъ IX тома Собранія сочиненій А. Д. Градовскаго.

А. Трачевскій.

[illegible] С.Петербургъ, [illegible] № 7-8

[illegible]

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

А. Д. ГРАДОВСКАГО.

Настоящій очеркъ составленъ на основаніи довольно обширнаго матеріала, содержащагося какъ въ изданныхъ въ „Собраніи сочиненій А. Д. Градовскаго“ трудахъ его, такъ и въ многочисленныхъ публицистическихъ его статьяхъ, не вошедшихъ въ изданіе. Кромѣ того, въ распоряженіи составителя была нѣкоторая часть переписки А. Д. Градовскаго, а также рядъ печатныхъ и рукописныхъ статей, воспоминаній, характеристикъ и рѣчей, посвященныхъ покойному профессору [1]). Ограниченные размѣры, отведенные въ „Собраніи сочиненій“ біографическому очерку, не позволили воспользоваться всѣми этими матеріалами: самый очеркъ представляетъ изъ себя извлеченіе изъ

---

[1]) Отмѣтимъ здѣсь: статью М. И. Свѣшникова, *Александръ Дмитріевичъ Градовскій*, въ „Журналѣ гражд. и угол. пр.“, кн. I, 1890 г.; рѣчи И. Я. Фойницкаго, Н. М. Коркунова, М. И. Свѣшникова, К. К. Арсеньева и А. Ѳ. Кони, помѣщенныя въ сборникѣ, изданномъ Спб. Юридическимъ обществомъ, *Памяти Александра Дмитріевича Градовскаго*, Спб. 1890 г.; рѣчь В. А. Гольцева, *Памяти А. Д. Градовскаго* (чит. въ засѣд. Моск. Юрид. общ.), напеч. въ „Юридич. Вѣстникѣ“ 1889 г.„ декабрь; Б. Б. Глинскаго, *Александръ Дмитріевичъ Градовскій* (*Опытъ характеристики*), въ „Истор. Вѣстникѣ“, январь, 1890 г.; статью Н. М. Коркунова въ *Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго университета*, т. I, Спб., 1896 г.; его же статью *А. Градовскій*, въ „Юрид. лѣтописи“ 1890 г., январь; рѣчь проф. Ивановскаго въ засѣданіи Спб. Юрид. общества 4 дек. 1899 г.: *А. Д. Градовскій, какъ ученый*, Спб. 1900 г. Въ 1897 году вышелъ (неполный) *Библіографическій указатель трудовъ А. Д. Градовскаго* въ мартовской кн. „Журн. Мин. Юстиціи“ и отдѣльно, Спб. 1897 г.

болѣе обширной работы, которой, быть можетъ, суждено будетъ современемъ выйти въ свѣтъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми статьями публицистическаго характера, не помѣстившимися въ настоящемъ изданiи.

Высокiй интересъ, представляемый личностью и дѣятельностью Градовскаго для характеристики нашей общественности семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, вызоветъ, надѣемся, дополненiя къ настоящему очерку и рядъ критическихъ замѣчанiй: ими могъ бы воспользоваться будущiй составитель болѣе обширной его бiографiи.

„Всякiй смертный, сходя въ могилу,—говорилъ Градовскiй въ одномъ изъ неизданныхъ отрывковъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни, — имѣетъ право желать, чтобы его сѣтованiя, надежды и стремленiя остались въ памяти людей въ ихъ истинномъ видѣ“. Составитель, не знавшiй лично покойнаго ученаго и публициста, сильно опасается, осуществилось ли это законное желанiе Градовскаго въ настоящемъ бiографическомъ очеркѣ: пусть судятъ объ этомъ оставшiеся въ живыхъ его друзья и ученики.

Въ приложенiи помѣщаемъ четыре статьи, безъ которыхъ „Собранiе сочиненiй Градовскаго“ было бы крайне неполно: это—*Значенiе идеала въ общественной жизни* [1]), *Задача русской молодежи* [2]), *Памяти Юрiя Ѳедоровича Самарина* [3]) и *Графъ Кавуръ* [4]).

А. Ш.

---

[1]) Напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1877 г., январь, стр. 297—324; перепечатано въ сборникѣ „Трудные годы“ (Спб. 1880 г.).

[2]) Напечатано въ „Голосѣ“ за 1879 г., 1 августа, № 211, фельетонъ; перепечатано въ сборникѣ „Трудные годы“.

[3]) Напечатано въ „Голосѣ“ за 1876 г., 24 марта, № 84, фельетонъ; перепечатано въ сборникѣ „Трудные годы“.

[4]) Напечатано въ „Голосѣ“ за 1877 г., 1 и 2 дек., №№ 293 и 294; перепечатано въ сборникѣ „Трудные годы“.

I.

Эта жизнь представляетъ мало событій: она вся почти въ трудахъ его; весь свой интересъ она заимствуетъ отъ благороднаго дѣла, которому была посвящена.

Вилльмъ, Жизнь и сочиненія Гегеля (перев. Н. В. Станкевича).

Александръ Дмитріевичъ Градовскій родился 13 декабря 1841 года. Заботами отца своего, помѣщика Валуйскаго уѣзда, Воронежской губерніи, Дмитрія Дмитріевича, и матери, Анны Николаевны, рожденной Лосевой, онъ получилъ хорошее воспитаніе и образованіе, сначала дома, а затѣмъ, съ тринадцатилѣтняго возраста, въ харьковскихъ пансіонахъ Шульца и Пароенова и во II харьковской гимназіи. Окончивъ шесть классовъ гимназіи, онъ выдержалъ въ 1858 году вступительный экзаменъ въ Харьковскій университетъ, куда и былъ принятъ на юридическій факультетъ.

Къ первымъ годамъ студенчества Александра Дмитріевича относится нѣсколько любопытныхъ писемъ его къ брату, Николаю Дмитріевичу, бывшему на тринадцать лѣтъ старше его и пріобрѣтшему впослѣдствіи извѣстность въ юридической литературѣ своими изслѣдованіями о положеніи евреевъ въ Россіи. Изъ этихъ писемъ вырисовывается образъ симпатичнаго юноши, всецѣло отдавшагося освободительному направленію и горячо привѣтствовавшаго ожидавшіяся съ нетерпѣніемъ реформы. На третьемъ курсѣ (1861 г.) Градовскій работаетъ, подъ руководствомъ проф. Каченовскаго, надъ исторіей французской общины. „Вообще я намѣренъ посвятить свою жизнь наукѣ,—писалъ онъ брату въ мартѣ 1861 года,—и поэтому рѣшительно не хлопочу о своей будущности; былъ бы кусокъ хлѣба и только“.

Первымъ научнымъ трудомъ Градовскаго было его кандидатское сочиненіе, поданное въ 1862 году Каченовскому, *Очеркъ исторіи общинъ во Франціи* [1]).

По окончаніи курса Градовскій въ октябрѣ 1862 года получилъ назначеніе исправляющаго должность редактора „Харьковскихъ губернскихъ вѣдомостей". Вмѣстѣ съ этимъ оффиціальнымъ органомъ ему пришлось редактировать листокъ „Харьковъ", выходившій въ видѣ прибавленій къ губернскимъ вѣдомостямъ. Первый номеръ этого листка вышелъ за подписью и. д. редактора А. Градовскаго 5 октября (это № 97, 1862 года). Но еще раньше Градовскаго сблизила съ „Харьковомъ" первая его публицистическая статья, которую онъ передалъ редакціи, прикрываясь псевдонимомъ „Непослушный". Она была, однако, напечатана не сразу; ее пришлось подвергнуть разсмотрѣнію цензуры; только въ концѣ года появилась въ „Харьковѣ" статья подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ о политическомъ воспитаніи въ Россіи*. Эта статья, написанная по поводу рѣчи проф. Каченовскаго „О современномъ состояніи политическихъ наукъ на Западѣ Европы и въ Россіи", произнесенной на университетскомъ актѣ 8 сентября 1862 года, можетъ дать рядъ интересныхъ указаній для біографа Градовскаго, такъ какъ опредѣляетъ ту самостоятельную точку зрѣнія, на которую успѣлъ стать молодой публицистъ при обсужденіи развертывавшагося передъ нимъ общественнаго движенія. Каченовскій видѣлъ въ этомъ движеніи одну лишь отрицательную сторону — „всенипочемство" скороспѣлыхъ мудрецовъ, репетиловское вольнодумство легкихъ головъ; единственнымъ средствомъ къ спасенію общества отъ грядущихъ въ силу этого бѣдствій онъ усматривалъ въ основательномъ изученіи политическихъ наукъ и вообще въ научномъ образованіи. Градовскій утверждаетъ, въ противоположность своему учителю, что Россіи нужно гражданское воспитаніе, которое можно получить въ практической школѣ хорошихъ учрежденій, образующей превосходныхъ гражданъ, пріучая ихъ къ политической жизни. Начало необходимаго ряда такихъ учрежденій уже положено въ Россіи, гдѣ введены миро-

[1]) Сохранился въ бумагахъ покойнаго Градовскаго.

вые учрежденія и волостные суды, при чемъ въ виду имѣются реформы судопроизводства, городского общественнаго управленія и проч.

Въ качествѣ редактора „Харькова“, Градовскій старался оживить содержаніе этого провинціальнаго органа и въ одномъ изъ первыхъ номеровъ помѣщаетъ программу, которой будутъ слѣдовать эти прибавленія къ губернскимъ вѣдомостямъ: здѣсь самое видное мѣсто отводится обсужденію общественныхъ интересовъ и прежде всего новыхъ реформъ, сосредоточившихъ на себѣ эти интересы. Статья *Преобразованіе судебной части въ Россіи* (№ 102) принадлежитъ Градовскому: въ ней отразилось полное вѣры и надежды отношеніе къ предстоявшей реформѣ.

Въ январѣ 1863 года Градовскій былъ по прошенію уволенъ отъ должности редактора и зачисленъ въ число чиновниковъ канцеляріи харьковскаго губернатора, графа Сиверса. Но публицистическіе интересы не оставляли Градовскаго, что видно, между, прочимъ изъ статьи, написанной имъ въ серединѣ 1863 г., но почему-то не напечатанной [1]). Она вызвана появившеюся въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ знаменитою статьей Каткова „Что намъ дѣлать съ Польшей?“ и содержитъ данныя для характеристики тогдашнихъ взглядовъ Градовскаго, особенно интересныя при сопоставленіи ихъ съ послѣдующими его мнѣніями и политическими симпатіями. Важна эта статья между прочимъ и потому, что въ ней впервые затронутъ Градовскимъ національный вопросъ — одно изъ блистательныхъ порожденій политики послѣднихъ трехсотлѣтій, какъ онъ его опредѣляетъ. Главное содержаніе статьи—это выясненіе ближайшихъ задачъ нашей внутренней жизни: Польша не можетъ быть отторгнута отъ Россіи, но Россія должна быть преобразована, для того, чтобы ее соединяло съ Польшей такое политическое устройство, которое бы не было унизительно для обоихъ племенъ—русскаго и польскаго. Разсуждая объ этомъ политическомъ устройствѣ и возражая Каткову, Градовскій высказывается отрицательно о нашемъ прошломъ, о нашей „самобытности“. Мы должны созна-

---

[1]) Сохранилась въ бумагахъ покойнаго Градовскаго.

тельно подражать Западу, это выведетъ насъ на путь прогресса; намъ нечего пугаться заимствованія формъ политической жизни Запада, мы должны ихъ перенять такъ же, какъ желѣзныя дороги и другія культурныя пріобрѣтенія европейской цивилизаціи. Намъ нечего обольщаться мыслью, что совершившіяся реформы, равно какъ и прежнія наши государственныя учрежденія, составляютъ національное пріобрѣтеніе: все лучшее, что дало послѣднее царствованіе, заимствовано частью изъ Англіи, частью изъ законодательствъ другихъ европейскихъ государствъ.

II.

Біографъ Градовскаго назоветъ годы 1864 и 1865 годами перелома, перелома не только во внѣшней его жизни, но и во внутреннемъ его міросозерцаніи. Въ маѣ 1864 года Градовскій перевелся на службу въ Воронежъ, гдѣ занялъ мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ. Въ новой обстановкѣ, вдали отъ университета, отъ привычной ему научной атмосферы университетскаго города, онъ почувствовалъ внутренній съ самимъ собой разладъ, ярко отразившійся въ относящихся къ тому времени письмахъ. Этотъ разладъ былъ, вѣроятно, прямымъ слѣдствіемъ сознанія нѣкоторой оторванности отъ почвы, которое, конечно, не покидало чиновника особыхъ порученій, еще такъ недавно мечтавшаго о научной карьерѣ. Градовскій почувствовалъ себя тѣмъ лишнимъ человѣкомъ, къ образу котораго онъ такъ часто возвращался впослѣдствіи въ своихъ публицистическихъ статьяхъ: въ первое время своего пребыванія въ Воронежѣ онъ походилъ на Базарова, съ которымъ, судя по сохранившимся воспоминаніямъ, онъ именно тогда любилъ себя сравнивать; онъ носилъ въ себѣ, такимъ образомъ, ту болѣзнь, которую самъ впослѣдствіи опредѣлилъ, какъ послѣднее слово западничества, какъ послѣднее выраженіе идейной эмиграціи въ область „всеевропейскаго“. „Къ счастію для Россіи,—писалъ Градовскій въ 1880 г.,—въ то самое время, когда Тургеневъ выводилъ Базарова, уже начались тѣ реформы, которыя должны были возвратить домой этихъ невольныхъ эми-

грантовъ и обратить лишнихъ людей въ служителей отечества, приведя ихъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительными силами общества. Значеніе реформъ императора Александра II оцѣнено со многихъ точекъ зрѣнія, но не съ этой—а она представляется существенно важной. Эти преобразованія *возвратили отечество* многимъ людямъ, до тѣхъ поръ уходившимъ въ себя и стоявшимъ въ сторонѣ; они принесли первыя средства для врачеванія той тяжкой болѣзни, послѣднимъ симптомомъ которой былъ нигилизмъ" [1]). Мы думаемъ, что воронежская жизнь имѣла вліяніе на Градовскаго въ этомъ самомъ смыслѣ; онъ долженъ былъ придти здѣсь въ соприкосновеніе съ оживившимися общественными элементами: преобразованные суды наполнились новыми людьми, новыя мысли и идеи взволновали мѣстное общество, готовившееся встрѣтить земскія учрежденія и въ нихъ еще болѣе укрѣпить свою связь съ народомъ, начатую введеніемъ мировыхъ учрежденій. Весьма вѣроятно, что на Градовскомъ отразилось и то настроеніе, которое, по свидѣтельству современниковъ, охватило бо́льшую часть русскаго общества послѣ польскаго возстанія 1863 года [2]). Указанія на переломъ во взглядахъ Градовскаго въ періодъ 1864—1865 гг. мы находимъ, во-первыхъ, въ нѣсколькихъ письмахъ его отца, человѣка весьма религіознаго, высказывавшаго въ 1866 году радость по поводу замѣченныхъ имъ въ сынѣ перемѣнъ [3]); во-вторыхъ, въ дошедшей до насъ публичной лекціи о провинціальныхъ учрежденіяхъ Западной Европы, прочитанной Градовскимъ съ благотворительною цѣлью 13-го марта 1865 года; въ-третьихъ, въ его трудахъ, относящихся къ 1866, 1867 и послѣдующимъ годамъ. Объ этихъ

---

[1]) *Реформы и народность*, „Собр. соч." VI, 362.

[2]) „Польское дѣло,—писалъ Страховъ въ концѣ 1863 года,—разбудило и отрезвило насъ, точно такъ, какъ будитъ и отрезвляетъ размечтавшагося человѣка голая дѣйствительность, вдругъ дающая себя сильно почувствовать. На мѣсто понятій оно подставило факты, на мѣсто отвлеченныхъ чувствъ и идей—дѣйствительныя чувства и идеи, воплощенныя въ историческія движенія, на мѣсто воззрѣній—событія, на мѣсто мыслей—кровь и плоть живыхъ людей". „Борьба съ Западомъ въ нашей литер.", изд. 2-е, стр. 151.

[3]) Такъ, въ письмѣ отъ 22 августа 1866 года читаемъ: „зная тебя, что ты не лицемѣръ, какъ и прежде я писалъ тебѣ объ этомъ, я благодарю Бога, что ты наконецъ, свои убѣжденія перемѣнилъ на лучшія".

трудахъ скажемъ ниже, а здѣсь отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ въ лекціи 13 марта (напечатанной въ №№ 13 и 14 „Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей“ за 1865 годъ), имѣющихъ прямое отношеніе къ перемѣнѣ во взглядахъ Градовскаго.

Эта лекція начинается съ противоположенія германо-романскаго міра Западной Европы славянскому міру, господствующему на Востокѣ. Славяне раздѣляются на восточныхъ и западныхъ: послѣдніе подпали подъ неотразимое вліяніе католицизма и германства; такимъ образомъ „Польша сдѣлалась передовымъ постомъ католицизма противъ восточныхъ славянъ, а не оплотомъ противъ Запада“. „Только въ лѣсахъ и степяхъ Восточной Европейской равнины зрѣло государство, которому скоро суждено было стать *единому на свѣтѣ православному*, поддерживать славянъ на всемъ пространствѣ Европы и выработать единственную, истинно славянскую народность“. Національное единство и величіе верховной власти Градовскій признаетъ единственными пока произведеніями русскаго духа; государственное единство, „выразившееся въ самодержавной власти монарха“, Градовскій считаетъ національной нашей силой, воспитавшей нашъ народъ и сдѣлавшей его грознымъ для другихъ народовъ. „Инициатива каждой мѣры, клонившейся къ благосостоянію народа, истекала всегда отъ верховной власти“. Въ жизненности русскаго народа и въ созданномъ имъ крѣпкомъ административномъ единствѣ Градовскій ищетъ объясненія тому, что послѣднія реформы сложились „самобытно“, несмотря на иноземный ихъ источникъ. Изъ этихъ выписокъ ясно, что Градовскій, составляя свою воронежскую лекцію, находился подъ вліяніемъ славянофильскихъ ученій, отъ которыхъ онъ былъ такъ далекъ въ Харьковѣ. Тамъ онъ говорилъ объ отрицательномъ направленіи, какъ о „близкомъ сердцу современнаго человѣка“ (№ 101 „Харькова“), въ Воронежѣ мы слышимъ о православномъ государствѣ, призванномъ пещись объ единовѣрцахъ и вырабатывать самобытную народность. Въ 1865 году Градовскій говорилъ въ Воронежѣ о довѣріи народа къ власти, какъ о характерномъ явленіи нашей исторіи; въ 1863 году, въ Харьковѣ, онъ въ своихъ возраженіяхъ Каткову утверждалъ, что „до-

вѣріе возникаетъ вслѣдствіе извѣстнаго положенія вещей, внушающаго довѣріе".

Къ сожалѣнію, намъ недостаетъ данныхъ для болѣе рѣшительнаго утвержденія, что именно въ Воронежѣ началось знакомство Градовскаго съ славянофилами, но быть можетъ, современемъ выяснятся тѣ вліянія, которыя онъ могъ здѣсь испытать, выяснятся, напримѣръ, его отношенія къ Ив. Ник. Шидловскому, имѣвшему немаловажное значеніе въ жизни Ѳ. М. Достоевскаго, или къ помѣщику Агееву, настойчиво направлявшему Градовскаго на ученую дѣятельность [1]).

Публичная лекція 1865 года важна для біографа Градовскаго между прочимъ еще и потому, что она содержитъ какъ бы программу предстоявшей ему ученой дѣятельности: она вся сосредоточилась вокругъ тѣхъ вопросовъ, которые были имъ здѣсь затронуты, и съ увѣренностью можно сказать, что уже въ то время въ Градовскомъ созрѣлъ планъ нѣкоторыхъ изъ послѣдующихъ его работъ. Въ концѣ лекціи онъ прямо говоритъ, что предполагаетъ развить подробно впослѣдствіи одну изъ своихъ мыслей о нашемъ самоуправленіи. Невольно припоминаются слова Н. М. Коркунова, который въ 1889 году, указывая на стройность и цѣльность оставленнаго Градовскимъ научнаго наслѣдія, замѣтилъ: „Словно съ самаго начала онъ составилъ себѣ опредѣленный планъ работы на всю жизнь" [2]).

III.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ началѣ 1865 года у Градовскаго созрѣло рѣшеніе ѣхать въ Петербургъ, держать тамъ магистерскій экзаменъ и писать диссертацію. Это рѣшеніе онъ привелъ въ исполненіе осенью этого года. Проф. Андреевскій, къ которому онъ обратился, сразу оцѣнилъ способности и серьезныя стремленія даровитаго юноши. „Меня плѣнила въ немъ пылкость, энергія и острота ума, а равно вѣра въ вели-

[1]) Лекція 13-го марта посвящена Е. С. С.: подъ этими буквами скрывается имя Е. С. Сталинскаго, не безъизвѣстнаго провинціальнаго публициста.

[2]) „Памяти А. Д. Градовскаго", изд. Юрид. общ. Спб. 1890, стр. 9.

кія реформы того чуднаго времени, желаніе не быть празднымъ зрителемъ поражавшаго всѣхъ подъема русскаго общества, желавшаго дѣйствовать и работать“—вотъ что мы читаемъ въ дошедшемъ до насъ, благодаря М. И. Свѣшникову, разсказѣ И. Е. Андреевскаго о первомъ знакомствѣ его съ Градовскимъ [1]).

Весной 1866 года Градовскій выдержалъ съ полнымъ успѣхомъ магистерскій экзаменъ и тотчасъ же принялся за диссертацію, темой для которой онъ избралъ исторію учрежденія генералъ-прокуроровъ. Сначала онъ думалъ дать изслѣдованіе объ администраціи Россіи въ теченіе всего XVIII столѣтія, но обширность задачи побудила его искать между множествомъ институтовъ, создавшихся въ то время, такой, которымъ бы характеризовалась вся система тогдашней администраціи. Таковымъ онъ призналъ должность генералъ-прокурора, игравшую громадную, можно сказать, первенствующую роль въ администраціи XVIII вѣка. Несмотря на обиліе и сложность законодательнаго матеріала, подлежавшаго просмотру и изученію, Градовскій быстро справился со своей задачей. 31 августа диссертація была готова и представлена профессору Андреевскому. Лестный отзывъ, данный о ней этимъ послѣднимъ, побудилъ юридическій факультетъ пригласить Градовскаго тотчасъ же, не дожидаясь диспута, въ качествѣ временного преподавателя. 10 октября Градовскій прочелъ вступительную лекцію, напечатанную въ ноябрьской книжкѣ 1866 года „Журнала Министерства Юстиціи“ [2]). Лекція эта, содержавшая опредѣленіе того, чтò такое государство, обратила на себя общее вниманіе. Характеристично для тогдашняго настроенія Градовскаго то мѣсто въ началѣ этой лекціи, гдѣ онъ, обращаясь къ настоящему положенію Россіи, указываетъ на то, что страна вступила въ періодъ національнаго сознанія. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что каждый, сколько-нибудь значительный элементъ общества призванъ теперь къ дѣятельному участію въ государственной жизни. „Землевладѣнію и общинамъ отведена значительная доля участія въ мѣстномъ управленіи; талантамъ страны открыто широкое поле

[1]) „Журн. гражд. и угол. пр.“ 1890 г., кн. I, стр. 90—91.

[2]) Перепечатана въ *Собр. соч.* т. I, стр. 3—20.

адвокатуры; публицистамъ предоставлена свобода слова; реформы подвергаются предварительному обсужденію гласно и откровенно цѣлымъ обществомъ; общественная совѣсть въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей участвуетъ въ судѣ, отъ нихъ зависятъ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ объ имуществѣ и чести гражданъ; всѣ сколько-нибудь важныя силы страны заботливо организуются въ рядъ стройныхъ учрежденій". Въ этихъ словахъ, полныхъ юношескаго увлеченія, отразился, конечно, тотъ подъемъ духа, который двинулъ Градовскаго изъ губернаторской канцеляріи на университетскую каѳедру, и здѣсь поддерживалъ его силы въ широко раскрывшейся передъ нимъ дѣятельности.

8 ноября 1866 года Градовскій защитилъ свою магистерскую диссертацію. Оффиціальными оппонентами выступили профессора И. Е. Андреевскій и С. В. Пахманъ, недавно только перешедшій въ Петербургскій университетъ изъ Харьковскаго. Въ этой работѣ молодого ученаго легко прослѣдить то самое настроеніе, которое отмѣчено нами выше въ воронежской его лекціи. Реформы Александра II представляются логическимъ слѣдствіемъ нашего прошлаго; онѣ вытекаютъ изъ него; это является причиной ихъ успѣха, ихъ національнаго значенія. Въ концѣ своего изслѣдованія Градовскій дѣлаетъ обзоръ пройденнаго администраціей XVIII в. пути и устанавливаетъ общую связь разсмотрѣнныхъ имъ событій. Отмѣтивъ, что въ царствованіе Петра III случилось освобожденіе перваго государственнаго сословія отъ того тягла, которое оно несло въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, указавъ на то, что созданіе нашей общественности справедливо приписывается Екатеринѣ II, Градовскій замѣчаетъ, что освобожденіе дворянства должно было повести за собой освобожденіе приписаннаго къ нему сословія; но это случилось не скоро. Въ царствованіе Александра II, съ освобожденіемъ владѣльческихъ крестьянъ, „на русскую почву снова выступаютъ три великіе элементы, завѣщанные намъ исторіей, элементы, дружно работавшіе надъ собираніемъ земли, надъ отраженіемъ внѣшнихъ враговъ, надъ усмиреніемъ внутреннихъ крамолъ, надъ созданіемъ матеріальнаго благосостоянія страны... Сначала общины, дружина и князь, послѣ крестьянство, служи-

лые люди и царь составляютъ главнѣйшіе элементы нашего историческаго движенія... Съ половины XVIII столѣтія начинается освобожденіе сословій, созданіе земства, закончившееся освобожденіемъ крестьянства". „И снова предъ нами стоятъ,— восклицаетъ Градовскій, — три непреклонные элемента русской жизни, возставшіе теперь съ новою силою подъ дуновеніемъ свободы: общины и владѣльцы, слитые тѣсно въ общій земскій строй, и Особа Великаго Земскаго Царя!" [1]).

Послѣ защиты диссертаціи состоялось въ факультетѣ единогласное избраніе Градовскаго штатнымъ доцентомъ. Онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи 12 января 1867 года съ порученіемъ ему каѳедры государственнаго права на три года. 29 декабря 1866 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, гдѣ и началъ преподаваніе съ января 1867 года. 11 января 1869 года онъ былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета, 14 февраля — ординарнымъ профессоромъ Александровскаго лицея, а 22 ноября ординарнымъ профессоромъ университета.

Въ іюля 1867 года Градовскій женился на Ольгѣ Владиміровнѣ Шидловской, дочери помѣщика Бирюченскаго уѣзда Воронежской губерніи. Въ началѣ 1867 года скончался его отецъ, Дмитрій Дмитріевичъ. Послѣ этой смерти (матери онъ лишился еще раньше, въ 1861 году) Градовскій теряетъ прямыя связи съ Воронежскимъ краемъ, все болѣе и болѣе привязываясь къ Петербургу.

Въ теченіе трехъ лѣтъ со времени своей вступительной лекціи и защиты магистерской диссертаціи, несмотря на преподавательскую свою дѣятельность въ университетѣ и лицеѣ, несмотря на то, что ему приходилось много работать надъ своими курсами и почти сызнова создавать науку русскаго государственнаго права, Градовскій успѣлъ обогатить нашу ученую литературу цѣлымъ рядомъ выдающихся изслѣдованій. Сюда относятся:

[1]) Диссертація *Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры* вошла въ т. I *Собр. соч.*, стр. 37—297.

разборъ книги Чичерина „О народномъ представительствѣ“ (напечатанъ въ августовской и сентябрьской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ 1867 г.), далѣе критическій отзывъ о книгѣ Бюше „Traité de politique et de science sociale“ (ноябрьская и декабрьская книжки „Журнала Мин. Народн. Просв.“ 1867 г.) [1]). Этому своему отзыву Градовскій придалъ характеръ самостоятельнаго изслѣдованія и, задумавъ рядъ однородныхъ этюдовъ, далъ имъ общее заглавіе *Политическія теоріи XIX столѣтія.* Въ трудахъ французскаго политическаго мыслителя онъ нашелъ много общаго съ своими собственными взглядами, много общаго въ воззрѣніяхъ на государство и общество, прогрессъ и порядокъ: вслѣдствіе этого разсмотрѣніе ученія Бюше привело его къ изложенію и своихъ мыслей, вызвало также рядъ любопытныхъ отступленій, гдѣ молодой профессоръ государственнаго права высказался по волновавшимъ его вопросамъ религіозной и общественной нравственности, государственной политики, народнаго самосознанія. Міровоззрѣнія Бюше и Градовскаго соединяло общее тому и другому гегеліанство: ср. раздѣляемую и тѣмъ и другимъ теорію объ избранныхъ народностяхъ, осуществляющихъ разныя задачи общечеловѣческой цивилизаціи; ихъ сближало и критическое отношеніе къ тѣмъ формамъ, которыя приняла политическая жизнь Западной Европы. Источникомъ такого отношенія Градовскаго къ Западу было, конечно, ученіе славянофиловъ; въ этомъ легко убѣдиться изъ самой статьи его о Бюше, гдѣ развитъ цѣлый рядъ положеній славянофиловъ: отмѣтимъ противоположеніе православія католичеству и протестантству, характеристику послѣдняго, сильно напоминающую богословскія статьи Хомякова (протестантство — это порожденіе схоластики и индивидуально-критическаго духа, вызваннаго индивидуально-ретроградньмъ направленіемъ римскаго престола) [2]), разъясненіе значенія общинной формы землевладѣнія (благодаря тому, что консервативно-общинный элементъ остался у насъ фундаментомъ государственнаго зданія, государство вмѣстѣ съ высшими классами могло спокойно отдаться своему прогрессивному назначе-

---

[1]) Вошелъ въ т. III *Собр. соч.*, стр. 3–132.

[2]) *Собр. соч.* III, 64.

нію) [1]). Обсуждая отношенія общества къ правительству и находя, что обществу должно принадлежать право контроля (повѣрки), Градовскій не видитъ необходимости введенія конституціонныхъ формъ, парламентаризма. „Право петицій, сходокъ, адресовъ, свобода печати—гораздо надежнѣйшія условія хорошей повѣрки, чѣмъ пресловутыя палаты“ [2]). Это положеніе прямо ведетъ насъ къ К. Аксакову, къ его утвержденію, что „государству—неограниченное право дѣйствія и закона, землѣ—полное право мнѣнія и слова“.—Впрочемъ, эти общія со славянофилами воззрѣнія не даютъ намъ права зачислить Градовскаго конца шестидесятыхъ годовъ всецѣло въ послѣдователи ихъ ученія: его юридическое міровоззрѣніе удерживало его отъ крайностей, въ которыя впадали славянофилы при сужденіи о дѣлахъ государственныхъ. Такъ, критическое отношеніе къ Западу не шло у Градовскаго такъ далекó, какъ въ ученіи славянофиловъ: западное общество не обречено на гибель или разложеніе; оно нуждается только въ установленіи прочныхъ началъ соціологіи, ибо проведеніе этихъ началъ въ жизнь можетъ положить конецъ анархическому состоянію, въ которомъ оно обрѣтается.

Конецъ 1867 и первая половина 1868 года прошли для Градовскаго въ усиленныхъ занятіяхъ надъ докторскою диссертаціей. Предметомъ ея онъ избралъ широко задуманное изслѣдованіе — исторію русской губерніи, „съ цѣлью выяснить вопросъ о нашемъ мѣстномъ управленіи и преимущественно земствѣ“. „Понятіе о нашей губерніи, — читаемъ мы въ первомъ отдѣлѣ диссертаціи, — съ тѣхъ поръ, какъ земскія учрежденія получили законное существованіе, значительно усложнилось. Въ составъ ея вошли новые элементы, произошелъ рядъ новыхъ и сложныхъ комбинацій. Показать, *чтó такое* наша губернія въ ряду русскихъ учрежденій, значитъ покончить съ цѣлою массой недоразумѣній, порожденныхъ неясными понятіями о принципѣ и кругѣ дѣятельности прежнихъ и новыхъ установленій“ [3]). Градовскій берется поэтому за изслѣдованіе того, въ какой мѣрѣ

[1]) *Собр. соч.* III, 110.
[2]) Тамъ же, 130.
[3]) Тамъ же, II, 3.

каждое правительство нуждается въ самостоятельности мѣстныхъ учрежденій и дѣятельности общества, съ тѣмъ, чтобы потомъ отвѣтить, въ какомъ смыслѣ вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ исторіей русскаго народа. Градовскій видѣлъ передъ собою двѣ задачи: сначала разъяснить понятія, входящія въ составъ изслѣдуемаго вопроса, а затѣмъ прослѣдить ихъ въ исторіи русскихъ учрежденій. „Простое историческое изложеніе, — разсуждаетъ Градовскій, — никогда не поведетъ къ разъясненію вопроса"... „Идея, говоритъ Гегель, должна быть разграничена въ понятіи и бытіи" [1]). Это побуждаетъ автора разсмотрѣть сначала общія основанія, историческое происхожденіе и современное положеніе вопроса о провинціи. „Затѣмъ, — продолжаетъ онъ, — изслѣдованіе перейдетъ къ оцѣнкѣ конкретныхъ явленій, къ обсужденію мѣста губернскихъ учрежденій въ нашемъ государственномъ организмѣ". Начало этого обширнаго по замыслу трактата Градовскій помѣстилъ въ первыхъ трехъ книжкахъ „Русскаго Вѣстника" за 1868 годъ, давъ ему заглавіе *Государство и провинція:* здѣсь выяснены только общія основанія вопроса о провинціи. Историческое изслѣдованіе о происхожденіи русской провинціи начинаетъ печататься вслѣдъ за этимъ, въ майской, іюньской и іюльской книжкахъ „Журн. Мин. Народн. Просв." Подъ заглавіемъ *Общественные классы въ Россіи до Петра I* въ этихъ трехъ книжкахъ вышло введеніе къ исторіи русской губерніи. Введеніе это, по первоначальному предположенію автора, должно было „представить небольшую характеристику областного общества и мѣстной администраціи Московскаго государства". Но оно разрослось подъ перомъ Градовскаго въ размѣры обширнаго изслѣдованія. Это принудило его выпустить для диссертаціи отдѣльною книгой обѣ первыя части задуманнаго имъ труда. Онъ далъ всему труду заглавіе *Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи,* а выпущенную книгу назвалъ первымъ ея томомъ [2]). Вслѣдствіе этого измѣнился и первоначальный планъ изслѣдованія: исторія губерніи, оторванная отъ

---

[1]) *Собр. соч.* II, 3.

[2]) *Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. Томъ I. Введеніе. Уѣздъ Московскаго государства* — вошло въ т. II *Собр. соч.*

той части, гдѣ выясненъ составъ областного общества и уѣздной администраціи до-Петровской Россіи, должна была, по предположенію автора, составить второй томъ *Исторіи мѣстнаго управленія* (ср. въ предисловіи къ первому тому); въ третьемъ же томѣ предполагалось разсмотрѣть современное положеніе вопроса о провинціи въ Западной Европѣ [1]). Обсужденіе же мѣста русскихъ губернскихъ учрежденій въ современномъ государственномъ строѣ должно было составить, очевидно, содержаніе четвертаго тома. — Итакъ, первый и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный томъ *Исторіи мѣстнаго управленія* надо признать какъ бы введеніемъ къ задуманному труду—къ исторіи русской губерніи: здѣсь соединено введеніе къ изслѣдованію о современномъ положеніи вопроса о провинціи вообще съ введеніемъ въ исторію русской провинціи; обѣ части объединяются главною задачей автора, оставшеюся, впрочемъ, не выполненною, задачей выяснить вопросъ о современномъ нашемъ мѣстномъ управленіи; помѣстить во введеніи историческій очеркъ до-Петровской провинціи казалось тѣмъ естественнѣе, что Градовскій пришелъ въ немъ къ выводу о тѣсной связи нашихъ земскихъ учрежденій съ исторіей нашихъ сословій, восходящей къ Московской Руси.

Важно отмѣтить, что въ этомъ трудѣ Градовскаго наши земскія учрежденія, только что призванныя къ жизни, должны были найти свою апологію: это видно уже изъ I тома, гдѣ доказывается, что вопросъ о провинціи поставленъ въ Россіи (и Пруссіи) правильнѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Такое утвержденіе даетъ основаніе признать диссертацію Градовскаго (первую часть ея) одной изъ первыхъ попытокъ дать общія опредѣленія государственнаго права на основаніи русскаго государственнаго устройства. Замѣтимъ, что самъ Градовскій весьма рѣшительно осудилъ впослѣдствіи эту свою попытку: въ 1878 году, въ *Системахъ мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи*, онъ говорилъ, что въ высказанныхъ имъ

[1]) Это видно изъ вставки, сдѣланной авторомъ при перепечаткѣ статьи *Государство и провинція* въ томѣ I *Исторіи мѣстнаго управленія*. „Собр. соч." т. II, стр. 108—111 („Почти ни одно государство"... до словъ „Въ заключеніе остановимся"); здѣсь читаемъ: „всѣ эти различія и многія другія, о которыхъ мы скажемъ подробно въ третьемъ томѣ этого изслѣдованія".

въ 1867 г. мнѣніяхъ „выразилась скорѣе надежда на будущее, привѣтъ полезному во всякомъ случаѣ начинанію, чѣмъ результатъ теоретической и практической провѣрки основной мысли реформы“ [1]).

Во второй части диссертаціи наше вниманіе останавливаетъ на себѣ, между прочимъ, противоположеніе административной и сословной исторіи Россіи Западной Европѣ. Этимъ противоположеніемъ объясняется, почему у насъ, подъ вліяніемъ свободы, мирно совершается величайшая реформа, которая стоила Западу столько крови. „На Западѣ крѣпостное право уничтожилось довольно давно. Но личная свобода крестьянства тѣмъ сильнѣе заставляла его чувствовать привилегіи высшихъ классовъ. Въ Россіи личной свободѣ крестьянства соотвѣтствуютъ болѣе широкія права, которыя поведутъ къ полному слiянію земскихъ классовъ“.

Диссертація Градовскаго, защищенная имъ 29 сентября 1868 года, вызвала противъ него цѣлую бурю въ органахъ прогрессивнаго направленія; о ней появились рѣзкіе отзывы и въ „Дѣлѣ“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Въ апологіи Градовскаго земству авторы этихъ отзывовъ усматривали квіетизмъ самобытника, пренебреженіе къ выработаннымъ Западной Европой формамъ политической свободы, къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя одни могутъ служить гарантіей свободнаго развитія гражданской личности. Нападки на автора *Исторіи мѣстнаго управленія* обострились отчасти и подъ вліяніемъ тѣхъ рѣзкихъ выходокъ, которыя онъ себѣ позволялъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ современныхъ трудахъ, — выходокъ противъ отрицательнаго направленія, господствовавшаго въ нашей литературѣ [2]), противъ увлеченія политическими учрежденіями Запада, противъ непризнанія правъ нашихъ на самобытное развитіе. Въ *Исторіи мѣстнаго управленія* тяжелое впечатлѣніе произвело то мѣсто заключительной части введенія, гдѣ авторъ утвер-

---

[1]) Отмѣтимъ статью В. Скалона, вызванную новымъ изданіемъ магистерской диссертаціи Градовскаго (*Собр. соч.*, т. II), въ „Русск. Вѣд.“, 1899 г., № 111.

[2]) Ср. напр. замѣчанія о доморощенныхъ отрицателяхъ искусства въ статьѣ о Бюше, *Собр. соч.* III, 58 и сл.

ждалъ, что дарованіе земскихъ учрежденій нашимъ западнымъ окраинамъ можетъ повредить нашему государственному единству [1]). Градовскаго поспѣшно зачислили въ лагерь реакціонеровъ, проповѣдниковъ антипрогрессивныхъ идей, враговъ политической свободы.

Къ 1868 же году относятся два отзыва Градовскаго о магистерскихъ диссертаціяхъ М. И. Горчакова и В. И. Сергѣевича. Рецензія на книгу Горчакова „Монастырскій приказъ" помѣщена въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" [2]); она интересна между прочимъ по затронутому въ ней вопросу о слѣдахъ феодальныхъ отношеній въ древней Руси. Рецензія же на книгу Сергѣевича „Вѣче и Князь" (октябрьская книжка „Журн. Мин. Нар. Просв.") [3]) представляетъ самостоятельное изслѣдованіе о государственномъ устройствѣ древней Руси или, вѣрнѣе, о тѣхъ началахъ и элементахъ, которые вызвали къ жизни крѣпкій строй Московскаго государства.

Въ концѣ того же 1868 года Градовскій приготовилъ обширную статью, оконченную имъ въ слѣдующемъ году, о публицистическихъ трудахъ Бенжамена Констана [4]). Эта статья, объединенная съ статьей о Бюше, общимъ заглавіемъ *Политическія теоріи XIX вѣка* (см. выше), появилась въ первыхъ книжкахъ „Зари" за 1869 годъ. Поводомъ къ составленію очерка жизни и трудовъ Констана послужило вышедшее въ 1861 году, подъ редакціей Лабулэ, изданіе сочиненій этого политическаго дѣятеля и мыслителя.

Одновременно съ статьей о Констанѣ Градовскій напечаталъ въ „Зарѣ" (февральская книжка 1869 г.), подъ псевдонимомъ А. Оскольскій, рецензію на вышедшій въ 1868 году въ Берлинѣ этюдъ Шедо-Ферроти о русской общинѣ. Рѣзкій тонъ рецензіи свидѣтельствуетъ о раздраженіи, вызванномъ въ Градовскомъ чтеніемъ заграничной брошюры, толковавшей съ развяз-

---

[1]) *Собр. соч.* II, 112—113.
[2]) Тамъ же, I, 383—419.
[3]) Тамъ же, 339—381.
[4]) Тамъ же, III, 133—268.

ностью о сложномъ явленіи русской жизни и рекомендовавшей коренную передѣлку нашего общиннаго устройства.

Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1869 годъ появился *Историческій очеркъ учрежденія генералъ-губернаторствъ въ Россіи* [1]), составленный Градовскимъ съ цѣлью указать на практическія неудобства генералъ-губернаторской должности, обнаружившіяся въ особенности въ управленіи Прибалтійскимъ краемъ. Первыя главы этого очерка можно признать отрывкомъ или, точнѣе, сокращеннымъ изложеніемъ той исторіи русской губерніи, надъ которой, какъ мы видѣли, работалъ въ это время Градовскій. Послѣднія три главы относятся къ управленію Прибалтійскимъ краемъ, причемъ ясно, что и все предыдущее изслѣдованіе имѣло въ виду разрѣшить, главнымъ образомъ, этотъ современный вопросъ внутренней политики. Въ числѣ доводовъ въ пользу уничтоженія генералъ-губернаторской должности въ Прибалтійскомъ краѣ, Градовскій приводитъ соображеніе, что власть генералъ-губернатора нисколько не содѣйствуетъ обрусенію этого края. „Дѣло обрусенія можетъ подвинуться впередъ, когда къ этому великому дѣлу будутъ призваны всѣ общественные элементы, дружественные Россіи. Мы желаемъ обрусить разныя мѣстности. Но самое лучше средство для того— обращаться съ ними такъ же, какъ съ русскими областями, изгнавъ всѣ „мѣстныя условія“ изъ нашей политической практики“.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ завершился юношескій періодъ дѣятельности Градовскаго. Мы видѣли, какъ много успѣлъ сдѣлать Градовскій въ теченіе какихъ-нибудь четырехъ-пяти лѣтъ пребыванія своего въ Петербургѣ; мы поражаемся его успѣхами, удивляемся его силамъ. Но великія эпохи создаютъ сильныхъ людей: ихъ создаютъ идеи, дающія отпечатокъ и самымъ эпохамъ. „Идея, сдѣлавшаяся убѣжденіемъ,—говорилъ Градовскій,— охватываетъ все существо человѣка; она не оставляетъ ему досуга, извлекаетъ изъ него всѣ силы, двигаетъ впередъ, пока въ немъ есть сила“ [2]). Юноша Градовскій отразилъ въ своей дѣя-

[1]) *Собр. соч.* I, 299—338.

[2]) *Значеніе идеала въ общ. жизни* (1876 г.).

тельности настроенія породившей его эпохи. Мы видимъ извѣстную связь между мечтами студента-Градовскаго и начинавшимися въ то время реформами, между его отрицательнымъ настроеніемъ въ 1862—1863 годахъ и направленіемъ, охватившимъ въ то время русское общество, между его обращеніемъ въ 1864—1865 годахъ къ положительнымъ идеаламъ и отрезвленіемъ общества, вызваннымъ дѣйствіемъ благодатныхъ реформъ. „Благодатное время реформъ императора Александра II,—писалъ Градовскій въ 1881 году,—направило здоровую часть общества къ положительнымъ идеаламъ...; значеніе отрицательныхъ ученій упало съ первыми же шагами зиждительной работы, веденной въ духѣ преобразованій. Зиждительная работа правительства въ освободительномъ смыслѣ пробудила здоровые консервативные инстинкты въ нашемъ обществѣ и отрицательныя направленія были бы поглощены *преобразовательно-охранительнымъ* направленіемъ, если бы путь, избранный правительствомъ въ 1861 году, остался его путемъ и въ позднѣйшее время" [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что Градовскій въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ примкнулъ именно къ этому преобразовательно-охранительному направленію: вотъ разгадка того соединенія націоналистическихъ интересовъ, благоговѣйнаго отношенія къ нашей самобытности, поклоненія великимъ устоямъ земли русской, которыя мы видимъ у него, съ вѣрой въ совершавшіяся преобразованія, въ возрожденіе духовныхъ и нравственныхъ силъ страны, черезъ освобожденіе личности человѣческой и призваніе ея къ свободному участію въ общественномъ дѣлѣ.

Но дѣятельности правительства, такъ же какъ вызванному ей направленію, предстояло тяжкое испытаніе: событіе 4-го апрѣля 1866 г. — выстрѣлъ Каракозова, — положило рѣзкую черту между двумя частями царствованія Александра II; оно послужило основаніемъ къ принципіальному осужденію преобразованій: реформы пріостановились, началась реакція. Вскорѣ послѣ первыхъ правительственныхъ актовъ, свидѣтельствовавшихъ о перемѣнѣ настроенія въ правящихъ сферахъ, настало испытаніе и для Градовскаго: ему пришлось оглянуться назадъ, оцѣнить пройденный

---

[1]) *Записка* Градовскаго, относящаяся къ марту 1881 года.

путь, пересмотрѣть положительныя идеи. Изъ этой повѣрки, сопряженной, конечно, съ мучительной борьбой, прежнее направленіе не могло выйти безъ измѣненія, безъ коренного обновленія: преобразовательное начало взяло верхъ надъ охранительнымъ и направило Градовскаго на борьбу съ реакціей. Но въ процессѣ повѣрки погибли не всѣ положительныя идеи: Градовскій выдвигаетъ между ними одну—идею народности и еще долгое время работаетъ надъ согласованіемъ ея съ идеей реформъ, видя въ этомъ согласованіи главную задачу своей публицистической дѣятельности.

IV.

Мы находимъ рядъ основаній для утвержденія, что указанная перемѣна въ настроеніи Градовскаго случилась въ началѣ семидесятыхъ годовъ, что именно въ это время наступилъ для него періодъ провѣрки и критики, смѣнившій періодъ вѣры и положительныхъ идеаловъ. Такъ, въ началѣ 1871 года Градовскій выпускаетъ въ свѣтъ сборникъ подъ заглавіемъ *Политика, исторія и администрація*: здѣсь помѣщено почти все написанное имъ съ 1866 по 1870 годъ (исключая, конечно, диссертацій). Изучая текстъ нѣкоторыхъ статей сборника сравнительно съ первыми ихъ изданіями, мы видимъ серьезную редакціонную работу надъ ними. Направленіе работы ясно: Градовскій опускалъ то, что было выраженіемъ пережитыхъ, уже не жившихъ въ немъ чувствъ и мыслей. Въ статьѣ о Бюше онъ опускаетъ нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ, касающихся польскаго вопроса, въ статьѣ о Констанѣ выпущены всѣ возраженія, вызванныя взглядомъ этого мыслителя на религіозную свободу [1]). Очевидно, Градовскій, подводя итогъ своей дѣятельности за истекшія пять лѣтъ, сознавалъ самъ рядъ перемѣнъ въ своемъ міровоззрѣніи, перемѣнъ, вызванныхъ зрѣлымъ размышленіемъ и жизненнымъ опытомъ. Редакціонной работѣ надъ сборникомъ 1871 года можно было бы не придавать особеннаго значенія, если бы одновременно

---

[1]) Въ *Собр. соч. III*, 1—268 эти мѣста не приведены, такъ какъ издатели придерживались исправленнаго авторомъ текста.

вниманіе наше не останавливало другое обствоятельство: въ 1873 году выходитъ новый сборникъ статей Градовскаго, озаглавленный *Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ*. Сюда вошли статьи и лекціи по одному только вопросу, всецѣло поглощавшему тогда составителя сборника. И такъ, изъ всего множества вопросовъ, затронутыхъ Градовскимъ въ ученыхъ и публицистическихъ статьяхъ до 1870 года, онъ выдвигаетъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ одинъ центральный: національный вопросъ будетъ предметомъ его изслѣдованія и послѣ 1873 года; при особыхъ обстоятельствахъ онъ вернется къ нему въ 1876 году. Для насъ ясно, что направленіе мыслей Градовскаго и его настроеніе съ начала семидесятыхъ годовъ иное, чѣмъ то, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и которое не оставляло его и здѣсь нѣкоторое время, чѣмъ то, которое онъ самъ охарактеризовалъ какъ охранительно-преобразовательное. Впрочемъ, его направленіе оставалось преобразовательнымъ: правда, совершившіяся реформы вызывали раньше его апологіи, ему казалось, что многое уже достигнуто, что всѣ сколько-нибудь важныя силы страны заботливо организуются въ рядъ стройныхъ учрежденій; правда, что теперь теоретическая и практическая повѣрка реформъ, повѣрка, первый толчекъ къ которой былъ данъ реакціей, показала, что реформы только еще начаты, что ихъ необходимо продолжать, что рядомъ съ строемъ новыхъ учрежденій осталась цѣпь старыхъ установленій, что благодаря этому старое зло не изгнано, но воскресло въ новыхъ формахъ. Но тѣмъ не менѣе Градовскаго не оставляетъ увѣренность, что Россія вступила въ 1856 году на вѣрный путь внутренняго обновленія и что, только оставаясь на этомъ пути, она завершитъ всѣ тѣ задачи, которыя предстоятъ новому государственному типу, вырабатываемому нашимъ временемъ, типу всесословно-общественному [1]). Охранительно-преобразовательное направленіе Градовскаго смѣнилось направленіемъ *національно-преобразовательнымъ*.

Перемѣнѣ во внутреннемъ настроеніи соотвѣтствовали и нѣ-

---

[1]) *Ср. Собр. соч.* VI, 294.

которыя перемѣны во внѣшней дѣятельности Градовскаго: съ начала семидесятыхъ годовъ онъ, оставаясь на университетской каѳедрѣ ученымъ, становится публицистомъ, собирающимъ вокругъ себя все болѣе и болѣе обширную аудиторію. Сближеніе Градовскаго съ редакціей газеты „Голосъ“ и начало постояннаго въ ней сотрудничества его сложились при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ концѣ 1869 года министерство внутреннихъ дѣлъ приготовило ко внесенію въ государственный совѣтъ проектъ о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ законахъ о печати. Князю Урусову было поручено составить коммиссію для разсмотрѣнія этого проекта и начертанія новыхъ законовъ о печати. Въ серединѣ ноября появляются въ „Судебномъ Вѣстникѣ“ (отъ 13, 14 и 15 ноября) статьи Градовскаго *По поводу пересмотра нашихъ законовъ о печати.* 22-го ноября академикъ Никитенко заноситъ въ свой дневникъ слѣдующій о нихъ отзывъ: „Превосходная статья Градовскаго въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, въ которой разбирается вопросъ: совмѣстна ли свобода печати съ самодержавіемъ? Авторъ рѣшаетъ вопросъ, конечно, утвердительно“. 29 ноября появляется въ „Голосѣ“ новая статья Градовскаго по тому же предмету *По поводу толковъ о свободѣ печати*; за ней слѣдуютъ въ „Голосѣ“ же статьи *Отношеніе печати къ администраціи* (5 декабря), *О направленіяхъ печати* (18 декабря). Ясно, что превосходныя статьи „Судебнаго Вѣстника“ обратили на себя вниманіе не одного Никитенки: редакція „Голоса“ поспѣшила сблизиться съ ихъ авторомъ и, угадавъ въ немъ великій, неистощимый талантъ публициста, уже никогда не разставалась съ тѣхъ поръ съ его блестящимъ перомъ. Съ редакціей „Голоса“ Градовскаго связали не какіе-нибудь партійные интересы, не какая-нибудь общая политическая программа: ни одна другая газета не была способна такъ широко понять идею реформы, уясненную себѣ Градовскимъ, какъ понималъ ее „Голосъ“. „Желая опредѣлить въ двухъ словахъ значеніе „Голоса“ въ исторіи русской печати, необходимо сказать, что онъ былъ созданъ реформой и всегда служилъ реформѣ“—такъ характеризовала свою дѣятельность сама редак-

ція въ 1878 году [1]). Вспомнимъ, что публицистическія статьи Градовскаго появились почти одновременно съ основаніемъ „Голоса“, вспомнимъ, что отношеніе Градовскаго къ реформамъ Александра II опредѣлило какъ первые, такъ и всѣ послѣдующіе шаги его дѣятельности—и мы поймемъ смыслъ той неразрывной связи Градовскаго съ „Голосомъ“, которая окончилась только въ 1883 году насильственнымъ прекращеніемъ этой газеты.

Но если съ редакціей „Голоса“ Градовскій былъ связанъ идеей реформы, то указанная нами выше національная идея, идея народности тѣснѣйшимъ образомъ сближала его съ публицистами другого лагеря, другого направленія. Ниже мы отмѣтимъ рядъ статей, въ которыхъ Градовскій, начиная съ 1871 года, разрабатывалъ идею народности, возстановимъ при этомъ тотъ процессъ, который выдѣлилъ эту идею изъ предыдущаго его міровоззрѣнія. Важно отмѣтить, что подобный же процессъ переживали въ то время многіе русскіе мыслители, стоявшіе въ той или другой зависимости отъ славянофильскаго ученія. Это ученіе должно было видоизмѣниться въ главныхъ своихъ основаніяхъ вслѣдствіе успѣховъ положительной философіи и ея побѣды надъ Гегелевской и Шеллинговской метафизикой, что было прекрасно выяснено Градовскимъ въ его первой лекціи о славянофилахъ (см. ниже). Сама жизнь разрушала политическую утопію Гегеля, выдвигая не только въ Германіи, но и въ другихъ частяхъ Европы національный вопросъ. Каждый народъ могъ претендовать на званіе представителя абсолюта, и такимъ образомъ идея всемірно-историческаго единства уступила мѣсто идеѣ объ отдѣльныхъ народностяхъ. Славянофилы уже въ пятидесятыхъ годахъ выдѣляютъ изъ себя фракцію почвенниковъ, группировавшихся сначала вокругъ Погодинскаго „Москвитянина“, а потомъ, въ шестидесятыхъ годахъ, вокругъ петербургскихъ журналовъ „Время“ и „Эпоха“, издававшихся братьями Достоевскими. Но окончательный ударъ старому славянофильству наносится только въ 1869 году Н. Я. Данилевскимъ,

[1]) „Пятнадцатилѣтіе газеты „Голосъ“. Спб., 1878 г.

напечатавшимъ въ этомъ году свое знаменитое сочиненіе „Россія и Европа“ въ журналѣ „Заря“.

Градовскій скорѣе и, быть можетъ, сильнѣе многихъ другихъ долженъ былъ испытать на себѣ этотъ ударъ: онъ былъ близко знакомъ съ Данилевскимъ и съ его вѣрнымъ послѣдователемъ, Н. Н. Страховымъ. Данилевскій, во время частыхъ побывокъ своихъ въ Петербургѣ, навѣщалъ семью Градовскихъ, а Страховъ въ тѣ годы былъ въ числѣ постоянныхъ посѣтителей гостепріимнаго семейства. Здѣсь, въ тѣсномъ кружкѣ, иногда расширявшемся присутствіемъ К. Д. Кавелина, происходили горячіе споры по основнымъ вопросамъ русскаго міросозерцанія: западникъ и сторонникъ теоріи родового быта Кавелинъ спорилъ съ Данилевскимъ о задачахъ человѣческой цивилизаціи и о національномъ принципѣ, спорилъ съ Градовскимъ о тѣхъ началахъ и элементахъ, которые создали исторію русскаго народа. Но Градовскій былъ союзникомъ Кавелина тамъ, гдѣ дѣло шло объ общихъ для всего человѣчества пріобрѣтеніяхъ въ области идей и принциповъ общественной и государственной жизни: естественникъ Данилевскій слишкомъ смѣло переносилъ методы наукъ о природѣ въ область наукъ нравственныхъ и юридическихъ. Въ этихъ спорахъ все яснѣе обозначалось, что Градовскій все-таки выдержитъ натискъ Данилевскаго на нравственную философію славянофиловъ; онъ вынесетъ это ученіе обновленнымъ изъ борьбы съ узкимъ націонализмомъ и западничествомъ; метафизическія его основы замѣнятся реальными, историческими основаніями, а два главныя начала этого ученія—идея прогресса и идея народности сохранятъ въ новомъ славянофильствѣ свой прежній возвышенный и нравственный характеръ.

Одновременно и на тѣхъ же основаніяхъ зарождается новое ученіе въ сознаніи и другихъ мыслителей, а именно въ томъ кружкѣ, который сплотился тогда въ Москвѣ вокругъ новаго журнала „Бесѣда“. Здѣсь славянофильство нашло то же обновленіе, что въ критическомъ отношеніи къ нему Градовскаго. Сближеніе Градовскаго съ С. А. Юрьевымъ, редакторомъ „Бесѣды“, съ знаменитымъ А. И. Кошелевымъ, ея постояннымъ

сотрудникомъ и вдохновителемъ, съ петербургскимъ сотрудникомъ журнала, О. Ѳ. Миллеромъ, стало неизбѣжнымъ. Оно выражается какъ въ помѣщеніи ряда статей на страницахъ „Бесѣды", такъ и въ обширной перепискѣ, завязавшейся между Градовскимъ и Юрьевымъ [1]). Поѣздки Градовскаго въ Москву на рождественскіе праздники поддерживали завязавшіяся отношенія. Въ домѣ Кошелева онъ познакомился съ княземъ Черкасскимъ: 6 января 1872 года на обѣдѣ у князя Черкасскаго состоялось первое свиданіе Градовскаго съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. Въ 1880 году, перепечатывая въ сборникѣ *Трудные годы* свою статью о Самаринѣ, помѣщенную имъ въ „Голосѣ" черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Ю. Ѳ., Градовскій говорилъ, что онъ многимъ и многимъ обязанъ Самарину. Прекращеніе „Бесѣды" въ концѣ 1872 года не охладило отношеній Градовскаго къ московскому кружку, а переписка его съ Юрьевымъ продолжалась, хотя и съ перерывами, до середины восьмидесятыхъ годовъ.

Въ 1876 году, во время возстанія славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, Градовскому пришлось еще тѣснѣе сблизиться съ кружками, выросшими на почвѣ славянофильскаго ученія. Его возмущало равнодушіе къ судьбѣ единоплеменныхъ намъ балканскихъ народностей, онъ горько жаловался на непониманіе національныхъ задачъ Россіи, требовавшихъ ея вмѣшательства въ турецко-славянскую распрю. Это настроеніе Градовскаго вызвало сначала охлажденіе, а потомъ временный разрывъ его съ редакціей „Голоса". Въ 1875—1877 годахъ Градовскому были ближе по духу Ор. Миллеръ, члены славянскаго комитета, чѣмъ петербургскіе „миролюбцы", на которыхъ сѣтовалъ въ письмахъ къ нему А. И. Кошелевъ; ему были сроднѣе дипломатическихъ соображеній „Голоса" горячія рѣчи Миллера въ Петербургѣ и Аксакова въ Москвѣ. Съ сентября 1876 и по май 1877 года Градовскій ничего не пишетъ въ „Голосѣ" и посылаетъ свои вдохновенныя статьи по славянскому вопросу въ „С.-Петербургскія Вѣдомости". Середина 1877 года была моментомъ высокаго патріотическаго

[1]) Объ этой перепискѣ см. у Алексѣя Ник. Веселовскаго въ книгѣ „Въ Память С. А. Юрьева". Москва, 189. г.

одушевленія Градовскаго: „теперь, — писалъ онъ въ „Голосѣ“ 25 мая, — предъ этою кровью, народною кровью, льющеюся и на Дунаѣ, и въ Малой Азіи, всякое различіе направленій должно исчезнуть“ [1]). Это настроеніе Градовскаго помирило его и съ „Голосомъ“, тѣмъ болѣе, что великое національное дѣло заставляло думать прежде всего о работѣ, о жертвахъ, о подвигахъ на пользу отечества. „Въ нынѣшнее время стоитъ работать, — писалъ Градовскій А. Ѳ. Кони въ началѣ іюня 1877 года, — опытъ показываетъ, что двадцать лѣтъ нашей внутренней работы не прошли даромъ. Всѣ общественныя и личныя печальныя явленія, о коихъ приходилось грустить, оказались не нашимъ „существомъ“, а наростомъ, которому суждено свалиться послѣ развитія живыхъ силъ“. Но работа была впереди; о мирномъ развитіи страны нечего было и думать: все вниманіе правительства и общества сосредоточилось на военныхъ дѣйствіяхъ на Балканахъ и въ Малой Азіи. Тяжко было положеніе публициста во время рѣшенія турецко-славянской тяжбы силою оружія. Въ одномъ частномъ письмѣ отъ 4 октября 1877 года Градовскій, отдавъ должное высокому патріотическому настроенію нашей печати, которая, по его словамъ, ведетъ себя безукоризненно и говоритъ все что можно и должно сказать, продолжаетъ: „Мнѣ *лично* какъ-то совѣстно лить чернила въ то время, какъ войска наши льютъ кровь. О если бы я могъ пойти и умереть вмѣстѣ съ ними? Жить становится не совсѣмъ весело. Но разъ этого, по множеству причинъ, нельзя, то остается въ благоговѣйномъ молчаніи склонить голову предъ этою святою кровью. Это я и дѣлаю“ [2]).

Тремъ центрамъ, вокругъ которыхъ сосредоточивалась въ семидесятыхъ годахъ дѣятельность Градовскаго, — университету, редакціи „Голоса“ и кружку „Бесѣды“, соотвѣтствуютъ и различные по характеру своему труды его.

1. Научные труды относятся къ теоретической разработкѣ вопросовъ русскаго государственнаго права. Съ 1873 года Градов-

[1]) *Собр. соч.* VI, 535.

[2]) Съ 25 мая и до 17 ноября, когда начались слухи о мирѣ, Градовскій дѣйствительно не писалъ въ газетахъ.

скій останавливается на мысли объ обработкѣ своихъ университетскихъ курсовъ и о созданіи системы русскаго государственнаго права. Тогда же возникла у него мысль издать и другой отдѣлъ университетскаго своего преподаванія, а именно общаго курса теоріи государства и курса государственнаго права важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Рядъ статей предвѣщаетъ выходъ капитальнаго труда по русскому государственному праву; сюда относятся: появившаяся въ іюльской книжкѣ „Журнала гражданскаго и уголовнаго права" за 1873 годъ статья *О дѣйствіи законовъ во времени* [1]) и въ первой книжкѣ того же журнала за 1874 годъ статья *О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву* [2]); третій этюдъ *Законъ и административное распоряженіе по русскому праву* напечатанъ въ 1874 же году въ I томѣ „Сборника госуд. знаній", выходившаго подъ редакціей В. П. Безобразова [3]). Въ началѣ 1875 года выходитъ первый томъ *Началъ русскаго государственнаго права.* Онъ содержитъ первую часть системы русскаго государственнаго права, а именно ученіе о государственномъ устройствѣ. Второй томъ вышелъ въ 1876 году; по первоначальному предположенію автора, имъ должно было закончиться изложеніе *Началъ.* Но сложность ученія объ органахъ управленія, желаніе дать его въ лучшей разработкѣ побудили Градовскаго ограничиться въ этомъ второмъ томѣ общею частью ученія объ органахъ управленія и обозрѣніемъ высшихъ государственныхъ установленій [4]). Обзоръ мѣстныхъ установленій онъ рѣшилъ предложить въ третьемъ томѣ [5]). Второй томъ *Началъ* раздѣленъ на двѣ книги: содержаніе первой составляетъ выясненіе понятія должности, вторая книга излагаетъ организацію общегосударственныхъ учрежденій.

Значеніе *Началъ русскаго государственнаго права* для русской науки выступаетъ особенно ярко, если принять во вниманіе, что до нихъ въ юридической литературѣ имѣлось всего два по-

---

[1]) *Собр. соч.* VII, 415—427.
[2]) Тамъ же, 401—415.
[3]) Тамъ же, 391—401.
[4]) Первая часть *Началъ* составила т. VII, а вторая—т. VIII *Собр. соч.*
[5]) Этотъ томъ вышелъ въ 1883 году.

собія, не доведенныхъ при томъ до конца; ихъ указываетъ Градовскій въ предисловіи къ своему труду: это неоконченный курсъ проф. Андреевскаго и пособіе проф. Романовича-Славатинскаго, представлявшее краткій конспектъ его лекцій въ Кіевскомъ университетѣ. „*Начала русскаго государственнаго права*— говорилъ Н. М. Коркуновъ въ 1889 году—не только огромный трудъ, плодъ долгой, кропотливой работы,—это можно сказать, великій подвигъ. Чтобы приняться за такое дѣло, нужна необыкновенная любовь и способность къ научной работѣ; чтобы успѣть въ немъ, нуженъ крупный, выдающійся талантъ. А успѣхъ оказался несомнѣнный. Авторъ не даромъ назвалъ свою книгу *Началами*. Онъ дѣйствительно выясняетъ въ ней основныя начала русской государственной жизни, и каждый томъ его курса представляетъ собою какъ бы живое цѣлое, объединенное одной общей идеей" [1]). Общую заслугу труда Градовскаго Коркуновъ опредѣлялъ въ 1877 году, т. е. вскорѣ послѣ выхода первыхъ двухъ томовъ *Началъ*, слѣдующими словами: „Авторъ ставитъ вопросъ нашего государственнаго устройства и государственнаго управленія на ту почву, на какую ставитъ ихъ современное состояніе юридической науки на Западѣ. Съ его отвѣтами на эти вопросы можно, какъ мы видѣли, не соглашаться, но нельзя, во всякомъ случаѣ, не признать, что онъ первый въ своей книгѣ, не ограничиваясь историческимъ разъясненіемъ отдѣльныхъ институтовъ, далъ имъ теоретическое юридическое освѣщеніе, осмыслилъ ихъ какъ *юридическіе* институты, а не только какъ историческіе факты вообще" [2]).

Одновременно съ историческою и теоретическою разработкой русскаго государственнаго права Градовскій, какъ указано выше, преподавалъ въ университетѣ и государственное право иностранныхъ державъ. Въ серединѣ семидесятыхъ годовъ особенное вниманіе его обращаетъ на себя только что объединившаяся Германія: это стояло, быть можетъ, въ связи съ тѣмъ интере-

---

[1]) „Памяти Алекс. Дм. Градовскаго", изд. Юрид. общ. Спб., 1889 г.

[2]) „Сборникъ госуд. знаній", подъ ред. Безобразова, т. III, отд. критики и библіографіи, стр. 23. Ср. еще отзывы того же Коркунова въ т. I его „Русскаго госуд. права" и проф. Ивановскаго въ рѣчи, произнесенной 4 дек. 1899 г., въ засѣданіи Спб. юрид. общества.

сомъ къ національнымъ движеніямъ, который побуждалъ его къ изслѣдованію политическихъ и историческихъ явленій, тѣсно съ ними связанныхъ. Результатомъ продолжительныхъ занятій въ этой области явилось обширное изслѣдованіе, напечатанное въ семи книжкахъ 1874 года и трехъ 1875 года „Журнала Министерства Народн. Просв.“, подъ заглавіемъ *Политическое устройство Германской имперіи.*

По теоріи государственнаго права особенное значеніе представляетъ этюдъ Градовскаго *О современномъ направленіи государственныхъ наукъ.* Это его рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ С.-Петербургскаго университета 8 февраля 1873 года [1]). Градовскій останавливается въ ней на вопросѣ, взволновавшемъ его еще въ 1862 году на актовой рѣчи проф. Каченовскаго, на вопросѣ о томъ, какое отношеніе имѣетъ политическое образованіе къ политическому воспитанію? Могутъ ли наука, научныя изслѣдованія имѣть практическое примѣненіе въ обществѣ, которому недостаетъ политическаго воспитанія, возможнаго только при условіи участія общества въ разныхъ отправленіяхъ государственной жизни? При отсутствіи такого воспитанія не окажутъ ли общія идеи, выработанныя наукой, только вредъ вмѣсто ожидаемой отъ нихъ пользы? Отвѣчая на эти вопросы въ примѣненіи ихъ къ русской дѣйствительности и указавъ на то, что университетскій уставъ 1863 года открылъ намъ доступъ къ политическому образованію, Градовскій находитъ, что намъ должно всячески стараться, чтобы политическая наука не сдѣлалась у насъ безплодной, умозрительной теоріей, утопіей, а для этого должно желать, „чтобы всѣ начала, возвѣщенныя современными преобразованіями, укрѣплялись, входили въ жизнь, такъ какъ смыслъ всѣхъ этихъ преобразованій—пробудить самодѣятельность общества и открыть средства для проявленія этой самодѣятельности“.

Въ 1878 году въ тт. V и VI „Сборника госуд. знаній“ Градовскій помѣстилъ свое изслѣдованіе *Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи.* Въ противоположность

[1]) *Собр. соч.* I, 21—36.

высказанному въ 1867 году взгляду на земскую реформу, Градовскій утверждаетъ здѣсь, что вся система нашего мѣстнаго управленія не имѣетъ единства основанія и раздѣляетъ силы, дѣйствующія въ нашихъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, вмѣсто того, чтобы ихъ соединять; что, создавая „независимыя общественныя учрежденія“, она не создаетъ самоуправленія и не обезпечиваетъ начала законности въ отправленіяхъ администраціи. Не отрицая того, что „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ“ является огромнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ предыдущими законоположеніями, такъ какъ оно признало за мѣстными обществами право на завѣдываніе своими хозяйственными пользами и нуждами, создало самостоятельное мѣстное хозяйство и въ составѣ земскихъ установленій образовало исполнительные органы — управы, Градовскому кажется, что съ точки зрѣнія *общей системы* мѣстнаго управленія законодательство наше, конечно, противъ воли своей, стало на ложную дорогу. Оно не создало у насъ самоуправленія, такъ какъ для этого „общественныя“ установленія должны были бы быть введены въ кругъ учрежденій „правительственныхъ“ и облечены „правительственными“ правами. Въ тѣсной связи съ этимъ изслѣдованіемъ Градовскаго, установившимъ рядъ положеній, которыя впослѣдствіи были имъ всесторонне разработаны, находится и прочитанный имъ 16 декабря 1878 года въ административномъ отдѣленіи Спб. Юридическаго общества рефератъ о преобразованіи полиціи въ Россіи [1]). Замѣчанія, сходныя съ мыслями, выраженными въ статьѣ *Системы мѣстнаго управленія*, находимъ еще въ критическомъ отзывѣ Градовскаго о книгѣ Дитятина „Городское самоуправленіе въ Россіи“ (Ярославль, 1877 г.), помѣщенномъ въ „Голосѣ“ 9 марта 1878 г.

2. Національному вопросу Градовскимъ посвященъ въ семидесятыхъ годахъ рядъ статей ученаго и публицистическаго характера. Отношеніе національности къ государству и обществу давно уже занимало Градовскаго. Въ одномъ изъ первыхъ его публицистическихъ трудовъ, въ возраженіяхъ Каткову (1863 г.),

---

[1]) Отчетъ объ этомъ рефератѣ въ № 349 „Голоса“ за 1878 г.

онъ уже говоритъ, какъ мы видѣли, о принципѣ національности въ политикѣ. Во всѣхъ послѣдующихъ работахъ Градовскій возвращается къ этому принципу, и мы находимъ въ его статьяхъ и изслѣдованіяхъ, относящихся къ 1866—1868 годамъ, рядъ попытокъ опредѣленія идеи національности и объясненія ея образованія. Въ 1869 году въ „Зарѣ“, въ которой участвовалъ Градовскій, стали печататься упомянутыя выше статьи Н. Я. Данилевскаго, вышедшія въ 1871 году особой книгой подъ заглавіемъ „Россія и Европа“. Эти статьи должны были заинтересовать Градовскаго между прочимъ потому, что содержали критику близкаго ему ученія славянофиловъ и при томъ съ точки зрѣнія не противоположной теоріи — западничества, а тѣхъ самыхъ основаній, на которыхъ оно было построено: выясненіе вопроса о народности послужило исходною точкой для опроверженія славянофильскаго ученія объ общечеловѣческой цивилизаціи, осуществляющейся въ отдѣльныхъ народностяхъ. На мѣсто идеи всемірно-историческаго развитія Данилевскимъ выдвигается мысль о множественности человѣческихъ культуръ, о томъ, что всякое племя или семейство народовъ, характеризуемое отдѣльнымъ языкомъ или группой языковъ, составляетъ самобытный культурно-историческій типъ, если оно по своимъ духовнымъ задаткамъ способно къ историческому развитію и вышло уже изъ младенчества. Однимъ изъ такихъ типовъ долженъ быть признанъ славянскій, отличающійся этнографическими особенностями и условіями религіознаго и историческаго воспитанія отъ народовъ германо-романскихъ. Критическая сторона ученія Данилевскаго должна была имѣть неотразимое вліяніе на Градовскаго, между прочимъ и потому, что онъ уже раньше находилъ полезнымъ примѣненіе метода естественныхъ наукъ къ ученымъ трудамъ государствовѣдовъ (см. его лекцію 1866 г.); въ сочиненіи же Данилевскаго онъ увидѣлъ широкое примѣненіе философіи естественныхъ наукъ къ изслѣдованію условій общественнаго развитія. Пришлось разстаться навсегда съ германскою философіей: статья о политической философіи Гегеля (1870 г.) [1]) какъ бы

[1]) *Собр. соч.* III, 271—310.

знаменуетъ окончательный разрывъ Градовскаго съ метафизическимъ міровоззрѣніемъ. Этотъ самый разрывъ потребовалъ отъ него критическаго отношенія къ тому ученію, которое до тѣхъ поръ въ значительной степени его удовлетворяло, — къ славянофильству, такъ какъ оно покоилось на метафизическихъ основаніяхъ Гегелевской и Шеллинговской философіи. Градовскій уже не могъ слѣдовать за славянофилами, послѣ того какъ смѣлая критика Данилевскаго выбила ихъ изъ позиціи, недоступной для западниковъ, вооруженныхъ тѣми же орудіями борьбы, какъ и ихъ противники. Но пойти за Данилевскимъ Градовскій также не могъ: Данилевскій отрицалъ особые законы общественныхъ явленій, не признавалъ соціологіи, какъ науки, допуская только сравнительное, а не теоретическое „обществословіе". „Теоретическая политика и экономія, — утверждалъ онъ, — такъ же невозможна, какъ невозможна теоретическая физіологія и анатомія". Въ этомъ взглядѣ Данилевскаго сказалась односторонность естественника: онъ допускалъ воздѣйствіе морфологическаго начала на духовные законы, но не признавалъ возможности обратнаго воздѣйствія идеи на общественное и государственное развитіе. Градовскій, какъ историкъ и юристъ, стоялъ на иной точкѣ зрѣнія: „въ жизни общественной,—писалъ онъ въ 1876 году,—мы имѣемъ дѣло не только съ общими *законами* развитія обществъ, но и съ *нормами*, по которымъ должна дѣйствовать воля человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго" [1]; самая природа явленій, изслѣдуемыхъ политическими науками, иная, чѣмъ природа явленій физическаго міра, такъ какъ „въ процессѣ общественнаго развитія сознаніе и воля человѣка принимаютъ дѣятельное участіе". „Самая національность, — говорилъ Градовскій въ другомъ мѣстѣ, — есть фактъ не зоологическій, а нравственный" [2]).

И вотъ мы видимъ, что Градовскій, какъ бы въ отвѣтъ на утвержденіе Данилевскаго о невозможности общей теоріи гражданскихъ и политическихъ обществъ, даетъ въ „Бесѣдѣ" новую теорію государства въ отношеніи его къ народности. Изъ ученія

[1]) *Значеніе идеала въ общественной жизни*, въ сборникѣ „Трудные годы".
[2]) *Реформы и народность*, „Собр. соч". VI, 371.

Градовскаго видно, что онъ старался воспользоваться „естественно-историческою основою національнаго вопроса“ [1]), сотканною Данилевскимъ, для того чтобы воздвигнуть на ней новое зданіе, на мѣсто разрушеннаго славянофильства. Оставшись вѣрнымъ нравственной философіи славянофиловъ, онъ призналъ народность собирательною личностью, для которой такъ же обязательны нравственные законы, какъ для личности отдѣльнаго человѣка. Задачи, предстоящія каждой народности, въ своей суммѣ, составляютъ задачу цивилизаціи всего человѣчества; свободное развитіе народностей и представляющихъ ихъ личностей — вотъ отъ чего выигрывало и будетъ выигрывать человѣчество. Такимъ образомъ, славянофильство вышло въ ученіи Градовскаго обновленнымъ: похоронивъ его плоть, онъ сохранилъ его духъ.

Рядъ изслѣдованій Градовскаго по національному вопросу открывается его статьей *Возрожденіе Германіи и Фихте Старшій*, составленною изъ трехъ публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ мартѣ 1871 года, и появившеюся въ майской книжкѣ „Бесѣды“ за тотъ же годъ [2]). Къ маю же мѣсяцу 1871 года относится письмо Градовскаго къ С. А. Юрьеву, гдѣ между прочимъ читаемъ: „Работа моя по теоріи государства и общества идетъ впередъ. Теперь уже, смѣю думать, я собралъ всѣ доводы въ пользу того положенія, что процессъ образованія общества тождественъ съ образованіемъ народности и что слѣдовательно внѣ народности нѣтъ общества“. И такъ, ужъ въ первой половинѣ 1871 года Градовскій работаетъ надъ „философіей національности“. Въ сентябрѣ того же года Градовскій пишетъ Юрьеву: „Согласно желанію вашему, посылаю вамъ первую *вводную* часть моего обширнаго трактата о происхожденіи (или объ образованіи) государства и общества. Она посвящена критическому и даже полемическому разбору существующихъ воззрѣній на государство и народность и составляетъ одно законченное цѣлое... Введеніе же написано наиболѣе популярнымъ языкомъ для привлеченія и подготовленія читателя къ тому, что слѣдуетъ за нимъ, а за симъ идутъ главы: I. Исто-

---

[1]) Ср. *Собр. соч.* VI, 15.

[2]) Тамъ же, 107—159.

рическое обозрѣніе метода политическихъ наукъ и новый предлагаемый мною методъ. II. Образованіе общественныхъ элементовъ. III. Образованіе политическихъ формъ и государствъ. IV. Объ отношеніи государства къ общественнымъ и частнымъ цѣлямъ. Все сіе уже *написано* и требуетъ лишь нѣкоторой переработки, съ чѣмъ не замедлю".

Упомянутое здѣсь „введеніе" было напечатано въ двухъ первыхъ книжкахъ „Бесѣды" за 1872 годъ подъ заглавіемъ *Современныя воззрѣнія на государство и національность* [1]. Но продолженія трактата Градовскій не далъ [2] и вмѣсто четырехъ обѣщанныхъ отдѣловъ его помѣстилъ въ декабрьской книжкѣ „Бесѣды" того же года небольшую статью *Государство и народность. Опытъ постановки національнаго вопроса по отношенію его къ политикѣ.* Эти двѣ статьи Градовскаго служатъ какъ бы приступомъ, введеніемъ къ новой теоріи государства, имъ созданной. Судить по нимъ обо всей теоріи нельзя; изъ нихъ можно извлечь лишь нѣсколько общихъ положеній. Самое же изложеніе теоріи государства, самый трактатъ, обѣщанный для „Бесѣды" и уже написанный въ сентябрѣ 1871 года, такъ и не появился въ печати. Что̀ было причиной этого, къ сожалѣнію, неизвѣстно: невольно рождается вопросъ, не встрѣтился ли Градовскій съ цѣлымъ рядомъ неразрѣшимыхъ затрудненій для своей теоріи, затрудненій прежде всего со стороны тѣхъ явленій, которыя онъ a priori призналъ ненормальными, со стороны явленій, представляемыхъ большею частью историческихъ государствъ, не построенныхъ на указанномъ имъ началѣ, началѣ, по которому народность есть *основа* государства?

Въ мартѣ 1873 года Градовскій прочелъ четыре лекціи о первыхъ славянофилахъ [3], вызвавшія между прочимъ восторженный отзывъ А. И. Кошелева: „Вы вѣрно и глубоко очертили дѣятельность и будущность славянофильства"—писалъ онъ Градовскому. Сѣтуя на то, что А. Д. прочелъ не сорокъ лек-

---

[1]) *Собр. соч.* VI, 28—106.

[2]) Отмѣтимъ ссылку на это продолженіе, а именно на трактатъ „о цѣляхъ государства" въ VIII главѣ напечатанной части (*Собр. соч.* VI, 55).

[3]) *Собр. соч.* VI, 160—224.

цій, а всего четыре, Кошелевъ продолжаетъ: „Если бы эти четыре лекціи послужили программою для цѣлаго сочиненія о славянофильствѣ, то такимъ совершеннымъ подвигомъ вы оказали бы всѣмъ великую услугу".

Въ концѣ мая того же года Градовскій соединилъ статьи по національному вопросу, печатавшіяся въ „Бесѣдѣ", въ одну книгу и включилъ въ нее также свои четыре лекціи о первыхъ славянофилахъ. Сборникъ *Національный вопросъ въ исторіи и литературѣ* (Спб. 1873 г.) составляютъ такимъ образомъ четыре статьи. Въ началѣ сборника, въ качествѣ введенія, помѣщена статья *Государство и Народность*; за ней слѣдуетъ *Современныя воззрѣнія на государство и національность*, т.-е. вводная часть предполагавшагося Градовскимъ къ изданію обширнаго ученаго трактата [1]). Третье мѣсто занимаетъ *Возрожденіе Германіи и Фихте Старшій*. Наконецъ, въ концѣ сборника помѣщены *Первые славянофилы*. Въ предисловіи авторъ выражаетъ надежду, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, договорить и развить многое изъ сказаннаго въ этомъ сборникѣ.

Но къ волновавшимъ его въ началѣ семидесятыхъ годовъ вопросамъ Градовскій вернулся только черезъ три года, а именно, въ декабрѣ 1876 года, онъ прочелъ нѣсколько публичныхъ лекцій по національному вопросу въ пользу балканскихъ славянъ. Это было наканунѣ объявленія войны Россіей. Въ эту-то важную минуту народной жизни нашей Градовскій рѣшается сказать свое слово. „Мы инстинктивно сознаемъ,—говорилъ Градовскій,—что движущее начало всей этой грозной борьбы есть *національный вопросъ*, право народностей, попранныхъ самымъ дикимъ и возмутительнымъ образомъ. Мы чувствуемъ, что въ данную минуту отъ насъ требуется напряженіе всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ нашихъ. Мы не желали войны, но не отступимся предъ нею, если того потребуетъ наша честь". Лекціи 1876 года, составившія статью *Національный вопросъ* [2]), особенно интересны для характеристики воззрѣній

[1]) Конецъ этой статьи, гдѣ авторъ говоритъ о методѣ, котораго будетъ держаться въ трактатѣ, опущенъ въ сборникѣ 1873 года, а въ *Собр. соч.* помѣщенъ въ I Приложеніи къ VI тому.

[2]) *Собр. соч.* II, 225—263.

Градовскаго потому, что здѣсь онъ въ послѣдній разъ всестороние развилъ свой взглядъ на начало народности. „Провозглашеніе національнаго принципа,—такъ заканчиваетъ онъ свою третью лекцію,—налагаетъ на народъ новыя и серьезныя обязанности. Всѣ существенные результаты, добытые цивилизацiей другихъ народовъ, должны быть восприняты каждымъ культурнымъ народомъ. Но такое воспріятіе не можетъ состоять въ пассивномъ заимствованіи внѣшнихъ формъ чужой жизни". „Просвѣщеніе (понимая подъ этимъ словомъ улучшеніе экономическихъ, умственныхъ и общественныхъ условій) должно вызвать въ народѣ его *творческія* силы, побудить его къ самостоятельной работѣ,—работѣ надъ самимъ собой". Изъ этихъ словъ Градовскаго видно, что національное начало разсматривалось имъ какъ одинъ изъ главныхъ двигателей прогрессивнаго движенія страны; ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что Градовскій все болѣе склоняется къ подчиненію этого начала тому направленію, которое требовало прежде всего сознательнаго подражанія Европѣ и воспріятія существенныхъ результатовъ ея культуры.

Въ 1878 году Градовскій еще разъ возвращается къ вопросу объ отношеніи „націоналовъ", „славянофиловъ" къ европейской цивилизаціи. Въ статьѣ *Старое и новое славянофильство*, помѣщенной въ „Голосѣ" въ № 225 отъ 16 августа [1]), Градовскій опредѣляетъ ту почву, на которой стоятъ новые славянофилы, почву, съ которой „ихъ мудрено будетъ сбить". Старые славянофилы, такъ же какъ и ихъ противники—западники, держались теоріи избранныхъ народовъ, осуществляющихъ общечеловѣческую цивилизацію. Между тѣмъ съ каждымъ годомъ укрѣплялось сознаніе, что „общечеловѣческая культура есть результатъ дѣйствія многихъ народовъ, обогащающихъ ее именно своимъ различіемъ, свободнымъ проявленіемъ своихъ духовныхъ силъ". Каждый народъ имѣетъ право на самостоятельное развитіе: ему нужно дать школы, больницы, пути сообщенія и другія блага цивилизаціи, его личность надо обезпечить отъ насилія. „Но не посягайте,—восклицаетъ Градовскій,—

---

[1]) *Собр. соч.* VI, 264—272.

на его нравственную личность. Не дѣлайте изъ него того, другого или третьяго. Пусть онъ *самъ* сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему угодно". Живая вѣра въ этотъ народъ, въ необходимость самостоятельнаго его развитія—вотъ что лежитъ въ основаніи міросозерцанія новыхъ „славянофиловъ".

Война 1877 года всецѣло поглотила вниманіе Градовскаго: всѣ общіе вопросы были оставлены въ сторонѣ и если что обобщалось, то только такія явленія, которыя стояли въ той или другой связи со славянскимъ дѣломъ. Идея народности находилась въ періодѣ испытанія: она осуществлялась возставшими славянскими племенами, она двигала и Россіей, наглядно доказывавшею силою общественнаго возбужденія, съ одной стороны, геройствомъ своихъ войскъ, съ другой, что вступила послѣ Севастополя на путь „національнаго" государства. Статьи Градовскаго за 1876—1877 гг. [1]) отражаютъ глубокое внутреннее его волненіе: воззваніе въ пользу славянъ („Голосъ", 8 іюня 1876), тревога о томъ бездѣйствіи, въ которомъ пребывала нѣкоторое время Россія, облегченный вздохъ при объявленіи войны, опасенія за исходъ не нашихъ боевыхъ дѣйствій, а дипломатическихъ переговоровъ при предстоявшемъ заключеніи мира, отчаяніе по поводу слуховъ о вмѣшательствѣ Англіи и о передачѣ Санстефанскаго договора на судъ державъ—все это написано языкомъ, западающимъ въ самую душу и вызывающимъ сильныя ощущенія даже еще теперь, черезъ двадцатипятилѣтній промежутокъ. Особенный интересъ представляетъ и *Письмо къ Михаилу митрополиту Сербскому*, гдѣ Градовскій подводитъ итоги тому нравственному значенію, которое должна имѣть война 1877 года, несмотря на ея печальный исходъ.

„Взрывомъ всѣхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ" продиктованы Градовскому и его благородныя статьи по польскому вопросу, относящіяся къ тому же времени. Въ самый разгаръ турецкославянской войны предметомъ обсужденія русской, польской и даже европейской публицистики сталъ польскій вопросъ. Его вызвало отношеніе польскаго общества къ славянскому дѣлу, во главѣ котораго была Россія. Большая часть этого общества со-

[1]) *Собр. соч.* VI, 457—599.

чувствовала успѣхамъ русскаго оружія и съ уваженіемъ отнеслась къ высокой идеѣ, руководившей Россіею въ ея восточной политикѣ. Но въ Краковѣ и во Львовѣ послышались и другіе голоса: на Галиційскомъ сеймѣ нѣкоторые депутаты рѣзко выразились противъ всякаго миролюбія въ отношеніи къ Россіи, и въ этомъ смыслѣ былъ составленъ проектъ сеймовой депутаціи. Этого было достаточно для того, чтобы извѣстная часть русской печати подняла походъ противъ поляковъ и отвѣтила на безтактность нѣкоторыхъ кружковъ польскаго общества оскорбительными выходками противъ всей націи. Градовскій, благодаря своимъ статьямъ въ „Голосѣ“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, получалъ въ это время все бо̀льшую и бо̀льшую извѣстность: изъ разныхъ уголковъ Россіи къ нему обращались съ запросами по животрепещущимъ темамъ и спѣшили выразить ему сочувствіе и подѣлиться съ нимъ полнотой своего патріотическаго одушевленія. Но Градовскій въ своихъ писаніяхъ воздерживался систематически отъ польскаго вопроса въ славянскомъ дѣлѣ, находя, что возбужденіе такого вопроса страшно осложнило бы и безъ того сложныя обстоятельства того времени. Тѣмъ интереснѣе письмо его къ И. С. П., помѣченное 7-мъ декабря 1876 года: оно написано въ отвѣтъ на вопросъ неизвѣстнаго ему лица, жителя Царства Польскаго, русскаго по происхожденію, объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ и польскому вопросу. И. С. П. изъ двухъ статей „Gazety Polskiej“, которыя онъ препроводилъ въ переводѣ Градовскому, заключалъ о нѣкоторыхъ желательныхъ для русскаго и вообще славянскаго дѣла измѣненіяхъ во взглядахъ польской интеллигенціи. Въ отвѣтномъ письмѣ Градовскаго, напечатанномъ въ „Собраніи его сочиненій“ [1]), содержится обстоятельное разъясненіе той точки зрѣнія, на которой стоялъ въ то время Градовскій по этому вопросу. Наше вниманіе останавливаетъ между прочимъ то мѣсто этого письма, гдѣ Градовскій высказывается объ отношеніи государства къ народности. Въ 1872 году онъ находилъ, что каждая народность имѣетъ право образовать особую политическую единицу, т. е. государство; самобытное развитіе народности, сохраненіе само-

[1]) Т. VI, стр. 603—605.

стоятельности ея могутъ быть обезпечены только образованіемъ ею своего государства, созданіемъ своей національной власти. Въ письмѣ къ И. С. П. Градовскій допускаетъ, что народность польская найдетъ условія для своего развитія и сохраненія въ государствѣ русскомъ. Итакъ, быть можетъ, теоретическая разработка русскаго государственнаго права помѣшала Градовскому въ началѣ семидесятыхъ годовъ развить свою теорію національнаго государства; при ближайшемъ разсмотрѣніи, такимъ же сложнымъ политическимъ тѣломъ, которое Градовскій называлъ „искусственною" монархіей, оказывалась не только Австрія, но и Россія.

Въ началѣ мая 1877 года телеграфъ сообщилъ, что Турція намѣрена образовать польскій легіонъ въ сорокъ тысячъ человѣкъ и что начало этому легіону уже положено. Градовскій рѣшилъ отвлечь русское общество отъ безобразнаго зрѣлища этой глупой турецкой затѣи; онъ счелъ своимъ долгомъ поднять русскаго читателя „до созерцанія великой идеи" и не дать ему низвергнуться въ трясину злобы, ненависти и прочихъ низменныхъ чувствъ [1]). Въ этомъ смыслѣ и написана имъ статья 3 мая въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" [2]). Она вызвала сильное волненіе въ польскомъ обществѣ: въ бумагахъ покойнаго А. Д. сохранилось множество писемъ, въ которыхъ отразились разнообразныя чувства, возбужденныя въ полякахъ голосомъ примиренія, раздавшимся въ Россіи въ моментъ патріотическаго ея одушевленія. Рядомъ съ рѣзкими упреками Россіи, съ недовѣрчивыми и ироническими выходками видимъ и отношенія совсѣмъ иного рода. Группа польскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ встрѣтила мысль Градовскаго о необходимости примиренія съ полнымъ довѣріемъ. Они выразили это въ письмѣ къ Градовскому и въ приложенной къ письму статьѣ, которая должна была служить отвѣтомъ на призывъ русскаго публициста. Статья эмигрантовъ была напечатана 31 мая въ № 148 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"; 12-го іюня на нее отвѣтилъ Градовскій статьей *Польскій вопросъ* [3]). Отвѣтъ его не содержитъ какихъ-ни-

---

[1]) *Собр. соч.* VI, 511.
[2]) Тамъ же, 606—612.
[3]) Тамъ же, 613—618.

будь возраженій; Градовскій хочетъ только коментировать статью эмигрантовъ, договорить недосказанное, сдѣлать новыя заявленія.

Наканунѣ того дня, какъ появился этотъ отвѣтъ Градовскаго, т. е. 11 іюня, польскіе эмигранты прислали ему новое письмо, въ которомъ благодарили за помѣщеніе ихъ статьи въ русской газетѣ и жаловались на только что появившуюся въ „Новомъ Времени“ статью Н. И. Костомарова „Братья поляки“. „Съ 1870 года,—писали они между прочимъ,—начались проповѣдыванія въ средѣ нашей въ пользу примиренія. Понятно, что проводя мысли, столь ярко отличающіяся отъ идей прошедшаго, приходилось и приходится бороться съ предвзятыми мнѣніями, которыя опирались на фактъ равнодушія и даже нерасположенія русскаго общества къ польскому вопросу. Статья „Братья Поляки“ вооружаетъ противниковъ нашихъ цѣлымъ арсеналомъ аргументацій, отъ которыхъ могутъ поколебаться всѣ наши построенія, пуще же всего трудно будетъ совладать съ нерѣшительными умами“. Эти соображенія побудили ихъ отвѣтить Костомарову. Отвѣтъ ихъ появился 24 іюня въ № 172 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Костомаровъ помѣстилъ тогда рѣзкую отповѣдь въ № 478 „Новаго Времени“, озаглавивъ ее „Полякамъ миротворцамъ“. Письма поляковъ, напечатанныя въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, расчитаны, по его словамъ, на довѣрчивость и наивность русскаго общества; они признаются имъ и высокомѣрными и неискренними; въ попыткахъ къ примиренію онъ видитъ обычное польское коварство; обманъ и притворство были всегда оружіемъ поляковъ противъ Россіи. Градовскій счелъ себя вынужденнымъ выступить въ защиту начатаго имъ великаго дѣла. 4 августа появляется его *Письмо къ Н. И. Костомарову* [1]), не оставшееся безъ отвѣта. Повторивъ прежніе свои доводы противъ затѣянныхъ съ поляками переговоровъ, Костомаровъ направилъ всю силу своей аргументаціи противъ разсужденій Градовскаго относительно народнаго самоуваженія. Костомаровъ горячо вступается за осуждаемое Градовскимъ „самооплеваніе“, видя въ немъ результатъ критическаго направленія мысли; строгое, безпощадное обличеніе своихъ

[1]) *Собр. соч.* VI, 619—626.

дурныхъ сторонъ Костомаровъ считаетъ признакомъ здоровья и живучести въ обществѣ. Намъ кажется, что нѣкоторыя выраженія Градовскаго дали дѣйствительно Костомарову основаніе къ защитѣ отрицательнаго направленія литературы, а также къ нападкамъ на „оберегателей нашей народной славы", но суть мысли Градовскаго оставлена Костомаровымъ безъ вниманія. Градовскій говорилъ „не о *самомнѣніи* народномъ—источникѣ застоя и всякаго зла, а о *самоуваженіи*, безъ котораго немыслима ни частная, ни народная личность". Самоуваженіе же предполагаетъ наличность твердыхъ и опредѣленныхъ идеаловъ: ихъ-то и не усматривалъ Градовскій въ нашемъ прошломъ. Упрекъ обществу въ отсутствіи у него идеаловъ и самоуваженія имѣетъ тотъ смыслъ, что направляетъ мысль въ положительную сторону, даетъ указанія не только на причины болѣзни, но и на средства къ ея уврачеванію. Самосознаніе, о которомъ Градовскій говорилъ въ 1876 году, самоуваженіе, на которомъ онъ настаивалъ въ 1877-мъ, вотъ, что должно, по его мнѣнію, оживить славянскій міръ, вызвать къ жизни это великое тѣло въ полномъ сознаніи солидарности отдѣльныхъ его членовъ. Безъ уваженія къ *своей* народности немыслимо уваженіе къ *другой*; одно только самоуваженіе можетъ наложить на народность нравственныя обязанности по отношенію къ другимъ народностямъ. Вотъ, думаемъ мы, смыслъ заявленія Градовскаго [1]).

3. Обзоръ статей Градовскаго, обсуждающихъ тѣ или другія явленія нашей внутренней жизни, былъ бы, конечно, цѣннымъ вкладомъ въ исторію нашей общественности. Мы должны ограничиться здѣсь лишь самыми общими указаніями на вопросы, затронутые Градовскимъ въ разсматриваемый періодъ его дѣятельности.

Несмотря на выяснявшіеся пробѣлы въ только что введенныхъ реформахъ, несмотря на ихъ неполноту, на то, что онѣ слишкомъ поверхностно измѣняли подлежавшее коренной ломкѣ

---

[1]) Отмѣтимъ важную для разъясненія вопроса статью Спасовича „По поводу полемики г. Костомарова съ г. Градовскимъ", появившуюся въ газетѣ „Сѣверн. Вѣстникъ" за 1877 г. (25 авг. № 117) и вошедшую въ польскомъ переводѣ въ собраніе сочиненій этого писателя (Pisma Spasowicza, t., str. 329—340).

зданіе нашихъ административныхъ учрежденій, все же, по мнѣнію Градовскаго, онѣ дали немало положительныхъ результатовъ. Реформы—разсуждалъ онъ—должны быть во всякомъ случаѣ ограждены во всей ихъ цѣлости, сохранены неприкосновенными для дальнѣйшаго ихъ развитія. Въ мировомъ институтѣ имѣлись недостатки, но нападки на него со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ грозили, по мнѣнію Градовскаго, подрывомъ того вѣрнаго начала, которое лежитъ въ основаніи этого учрежденія. Положеніе 1861 года не согласовано съ переустройствомъ мѣстнаго управленія: но проекты всесословной волости, предложенные въ нѣкоторыхъ дворянскихъ собраніяхъ, клонились къ возстановленію вотчинныхъ правъ помѣщиковъ. Надо было взять подъ защиту и крестьянское самоуправленіе и мировыя учрежденія, надо было отразить нападки „Русскаго Міра“ на судъ присяжныхъ и доказать нелѣпость похода „Русскаго Вѣстника“ на обновленные уставомъ 1863 года университеты. Градовскій въ борьбѣ съ начавшеюся реакціей является консерваторомъ, рѣшительно отрицающимъ право реакціонеровъ называть себя охранителями. Но пока еще не наступило то время, когда всѣ силы защитниковъ великихъ реформъ должны будутъ направиться на одно только охраненіе ихъ. Въ правительственныхъ сферахъ все еще составлялись проекты переустройствъ, преобразованій отдѣльныхъ частей управленія, хотя въ основаніи предположенныхъ измѣненій и не лежали уже какія-либо твердыя и ясно сознанныя начала. Градовскій постоянно обращался къ началамъ, провозглашеннымъ въ началѣ царствованія, и исходя именно изъ нихъ, обсуждалъ проекты новыхъ реформъ, разрабатывалъ насущные вопросы нашей государственной жизни и расчищалъ путь къ правильному ихъ разрѣшенію.

Въ 1869 году, въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Судебномъ Вѣстникѣ“, и въ трехъ другихъ, напечатанныхъ въ „Голосѣ“, онъ всесторонне изслѣдуетъ отношенія государственной власти къ печати, выясняя обязанности и права послѣдней. Онъ смотритъ на печать, какъ на самое надежное средство охраненія законности и началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь царемъ-освободителемъ. Въ 1870, 1871 и 1873 годахъ, Градов-

скій въ цѣломъ рядѣ статей обсуждаетъ задуманное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ преобразованіе уѣздной и городской полиціи, а также губернаторской должности [1]). Въ 1870 и 1871 году онъ нѣсколько разъ возвращается къ вопросу о прибалтійской окраинѣ, рѣшительно настаивая на необходимости проведенія тамъ судебныхъ и административныхъ реформъ. Въ 1870 году онъ пишетъ статьи о сельской общинѣ по поводу возбужденнаго въ С.-Петербургскомъ земскомъ собраніи вопроса объ отмѣнѣ существующаго у насъ общиннаго землевладѣнія. 1871 годъ выдвигаетъ податную реформу, благодаря окончанію работъ податной коммиссіи, учрежденной въ 1870 году при министерствѣ финансовъ; рѣшительно не соглашаясь съ заключеніями коммиссіи, предполагавшей переложеніе подушной подати на крестьянскіе дворы и земли, Градовскій посвящаетъ относящимся сюда вопросамъ около десяти статей и указываетъ тѣ основныя начала, которыя должны были бы лечь въ основаніе реформы. Къ 1871 и 1875 годамъ относятся статьи Градовскаго о всесословной волости, о которой заговорили въ земскихъ собраніяхъ и въ печати: указывая на недостатки въ нѣкоторыхъ изъ предложенныхъ проектовъ, Градовскій въ 1871 году утверждалъ, что всесословная единица должна быть построена на совершенно иныхъ началахъ, чѣмъ прежняя волость; изъ нея надлежитъ устранить элементы судебный и полицейскій; предполагаемая единица должна имѣть для волости то же значеніе, какъ уѣздныя земскія учрежденія для уѣзда. Въ 1875 году Градовскій горячо возражалъ противъ проекта всесословной волости, составленнаго нѣкоторыми изъ членовъ С.-Петербургскаго дворянскаго собранія: за этимъ проектомъ скрывалась, по его мнѣнію, волость односословная, но не та, противъ которой ратуютъ проекты всесословниковъ, а другая — феодальная. Невѣжественная ссылка автора проекта на авторитетъ Токвиля побудила Градовскаго къ обличенію его устами самого Токвиля, отъ имени котораго онъ и помѣщаетъ письмо къ автору проекта всесословной волости въ № 67 „Голоса“, подписанное „Медіумъ“. Въ 1872 году совершенно неожиданно поднимается въ правительственныхъ сферахъ

[1]) *Собр. соч.* IX, приложеніе III.

вопросъ о пересмотрѣ университетскаго устава: Градовскій отражаетъ тогда же начавшіяся въ извѣстной части прессы нападки возродившій наши университеты уставъ 1863 года. Въ 1875 году имъ подвергаются критикѣ безплодныя по результатамъ работы коммиссіи по паспортному вопросу. Въ томъ же году устанавливаются имъ причины революціонныхъ движеній, охватившихъ молодежь, и указываются средства борьбы съ анархическими ученіями.

Словомъ, всѣ вопросы, „которыми въ сферѣ мысли и въ сферѣ политики живетъ наше общество“, находили въ многочисленныхъ статьяхъ Градовскаго яркое освѣщеніе и блестящее разрѣшеніе. Это зависѣло отъ его замѣчательной способности подвергать всякій вопросъ анализу съ точки зрѣнія ясно сознанныхъ принциповъ права и внутренней политики: вслѣдствіе этого многочисленные вопросы общественной и государственной жизни выступали въ изложеніи Градовскаго не въ видѣ отдѣльныхъ явленій, ожидающихъ опредѣленія и оцѣнки, а въ видѣ тѣсно сомкнутой цѣпи, всѣ звенья которой находятся не во внѣшней только, но и во внутренней одно отъ другого зависимости. Сельская община и волость не могутъ быть тронуты въ ихъ основаніяхъ безъ разрѣшенія податного вопроса; отъ него же зависитъ паспортная система; земская и городская реформы составляютъ части одного цѣлаго, одного общаго законодательства о мѣстномъ хозяйственномъ самоуправленіи; устройство волости должно быть согласовано съ системой земскихъ учрежденій; преобразованіе губернаторской власти, реформа губернскаго правленія могутъ идти только въ томъ направленіи, которое выясняется при изученіи исторіи нашихъ губернскихъ учрежденій и завершается послѣдними реформами, создавшими земство и независимый судъ; реорганизація полиціи связана съ общими вопросами о мѣстномъ управленіи. Градовскій имѣлъ постоянно передъ глазами сложную картину нашего государственнаго механизма: онъ видѣлъ поэтому неразрывную связь между отдѣльными частями его — частями, на которыя поочередно направлялось вниманіе общества и правительства, и о каждой такой части онъ судилъ съ точки зрѣнія всего цѣлаго.

Высокое настроеніе, не оставлявшее Градовскаго въ его общественномъ служеніи, нашло свое лучшее выраженіе въ двухъ публичныхъ лекціяхъ, прочитанныхъ въ пользу славянъ Балканскаго полуострова въ октябрѣ 1876 года [1]). Онъ озаглавилъ ихъ *Значеніе идеала въ общественной жизни* и посвятилъ памяти Юрія Θедоровича Самарина. Мы помѣщаемъ эту статью цѣликомъ въ приложеніи къ настоящему очерку: обращаемъ вниманіе на то глубокое различіе, которое замѣчается въ основныхъ положеніяхъ этой статьи и упомянутыхъ выше статей по теоріи государства, помѣщенныхъ въ „Бесѣдѣ“.

V.

1878—1881 годы были тѣмъ періодомъ въ жизни Градовскаго, который справедливо можно назвать трудными годами. Его начало — это прекращеніе военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ, его конецъ совпадаетъ съ кончиной императора Александра II. Эти три года потребовали отъ Градовскаго страшнаго напряженія силъ: его таланты, его горячая любовь къ родинѣ, его идейность вынесли его въ первые ряды борцовъ, отстаивавшихъ все то, что Россія пріобрѣла на пути гражданскаго своего развитія въ истекшее двадцатилѣтіе. Здѣсь, въ этихъ первыхъ рядахъ, онъ несъ тяжелую, но славную службу отечеству: „Вы не статью написали, а совершили гражданскій подвигъ“,— пишетъ ему А. И. Кошелевъ въ мартѣ 1879 года [2]); подобными подвигами ознаменованы всѣ эти трудные годы. Мы заимствуемъ названіе „трудные годы“ для обозначенія извѣстнаго періода жизни Градовскаго у него самого: въ 1880 году вышелъ сборникъ его статей, напечатанныхъ въ 1876—1880 годахъ, подъ заглавіемъ *Трудные годы (1876—1880). Очерки и опыты*. Въ предисловіи, помѣченномъ 22 октября 1880 года, авторъ говоритъ: „каждый, кто сознательно прожилъ послѣдніе

---

[1]) напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1877 г., кн. I; перепечатаны въ сборникѣ *Трудные годы*.

[2]) Письмо написано по поводу появившихся въ „Русской Рѣчи“ статей Градовскаго *Соціализмъ на Западѣ Европы и въ Россіи*.

четыре года, вѣроятно, оправдаетъ заглавіе этой книги. Да, это были *трудные годы*, годы завершенія тяжелаго періода нашей исторіи, длившагося пятнадцать лѣтъ. Въ февралѣ этого (т. е. 1880) года почувствовался поворотъ къ лучшему". Итакъ, съ февраля 1880 года наступилъ, по мнѣнію Градовскаго, новый періодъ, отличный отъ предшествующихъ четырехъ лѣтъ. Но 1 марта 1881 года измѣнилось то настроеніе правительственныхъ и общественныхъ сферъ, которое дѣлало новый періодъ „неизмѣримо легче" предшествующаго; трудности стали постепенно увеличиваться, положеніе запутывалось, при чемъ оно требовало отъ публициста уже не мирнаго труда, труда надъ сложными вопросами о крамолѣ и содѣйствовавшихъ ей условіяхъ, труда надъ реформами, поставленными правительствомъ на очередь въ 1880 году; трудъ смѣнился упорною борьбой, которую Градовскій, какъ увидимъ, называлъ борьбою со смутой. Трудные годы, годы посильнаго и благодарнаго труда, должны быть разсмотрѣны въ двухъ отдѣлахъ: первый обниметъ время отъ конца турецкой войны до начала 1880 года, второй начнется со дня учрежденія верховной распорядительной коммиссіи, т. е. съ 12 февраля 1880 года.

1. Наступившій внѣшній миръ подсказывалъ Градовскому мысль о необходимости мира внутренняго, столь важнаго для правильнаго развитія страны и согласованія всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась русская государственная жизнь. Въ Россіи, по мнѣнію Градовскаго, „нѣтъ условій для той глубокой экономической розни, изъ которой рождались бы и политическія страсти"; промышленность здѣсь „еще слишкомъ слаба, чтобы быть самостоятельнымъ источникомъ соціальнаго движенія". Тѣмъ не менѣе русское общество разъѣдаютъ политическія страсти, источникомъ которыхъ являются юридическія отношенія различныхъ сословныхъ группъ; его губитъ глубоко проникшая въ разные общественные классы безнравственность, коренящаяся въ тѣхъ же правоотношеніяхъ. Градовскій ставитъ себѣ задачей идейную борьбу съ политическими страстями, съ необычайной силой прорвавшимися наружу въ концѣ семидесятыхъ годовъ; онъ направляетъ свои удары и на

тѣ ненормальныя условія, которыя препятствуютъ Россіи слѣдовать по пути, проложенному въ 1861 году, и этимъ самымъ „воспитывать человѣка и обуздывать звѣря“ [1]). Утишить страсти посредствомъ призыва къ размышленію, раскрыть зло, широко охватывающее общество, сбитое съ прямого пути—вотъ, по мнѣнію Градовскаго, прямая задача каждаго, кому дорога будущность Россіи, кто желаетъ ей законнаго и мирнаго развитія. Призваніе же русской печати „состоитъ въ ясномъ выраженіи понятій, какими живетъ здоровая часть русскаго общества и выдѣленіе этихъ понятій изъ сумбура разныхъ идей, вмѣщающихся въ головахъ нашей „лѣвой“ и „правой“ [2]). Въ какомъ же видѣ представлялась Градовскому борьба нашихъ политическихъ партій, что̀ собственно являлось предметомъ борьбы, чего именно желали наши „лѣвая“ и „правая“, наши реакціонеры и консерваторы, прогрессисты и революціонеры? Къ какой именно партіи принадлежалъ самъ Градовскій и гдѣ тѣ средства, которыя, по его мнѣнію, должны были парализовать вредное дѣйствіе политическихъ страстей? Его статьи въ „Голосѣ“ и основавшейся въ 1879 году „Русской Рѣчи“ даютъ обильный матеріалъ для отвѣтовъ на эти вопросы.

Семидесятые годы представлялись Градовскому временемъ застоя, реакціи, наступившей послѣ славнаго десятилѣтія, которымъ началось царствованіе Александра II (1856—1866). Въ основаніи реакціи лежало отрицаніе своевременности, пользы, необходимости совершонныхъ реформъ. Это отрицаніе исходило „изъ предположенія несостоятельности общества, изъ недовѣрія къ народнымъ силамъ, изъ убѣжденія, что народъ неспособенъ къ высшимъ формамъ жизни“ [3]). Несвоевременность реформъ доказывалась тѣмъ, что народъ не былъ къ нимъ подготовленъ, что русское общество еще не доросло, не дозрѣло до нихъ. Это было причиной несостоятельности самыхъ реформъ, причиной того, что онѣ не дали „ожидаемыхъ плодовъ“ [4]). Кому же принадле-

---

[1]) Ср. *Собр. соч.* VI, 307.
[2]) „Голосъ“ 20 дек. 1879 г., № 320.
[3]) *Собр. соч.* VI, 277.
[4]) Тамъ же, 320 и 350.

жали эти мнѣнія? Охранителямъ новѣйшаго типа, не порывавшимъ своей связи съ людьми, возросшими при старыхъ дореформенныхъ порядкахъ, усматривавшихъ въ Европѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ только симптомы анархіи, безпорядка и разложенія, а въ себѣ видѣвшихъ носителей истинныхъ общественныхъ началъ и хранителей непреложныхъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ [1]). Несмотря на реформы, на отмѣну крѣпостного права, изъ русской земли не исчезъ „крѣпостническій духъ, заражавшій въ свое время всѣ отношенія и учрежденія всякихъ порядковъ и разрядовъ“ [2]). Охранители выступили на сцену уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но особенное значеніе они получили въ семидесятыхъ годахъ, чему способствовала главнымъ образомъ реакціонная политика самого правительства, творческая дѣятельность котораго по отношенію къ реформамъ почти совсѣмъ исчезла послѣ покушенія Каракозова. Реакціонная политика усиливалась по мѣрѣ роста нашей соціально-революціонной партіи, а громкіе процессы, вызывавшіеся пропагандой, увеличивали число „отрицателей“ реформъ, становившихся мысленно въ ряды спасителей общественнаго порядка и государственнаго строя. Но кромѣ того „отрицатели“ реформъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охранители воспитывались подъ крыломъ цѣлаго ряда учрежденій стараго порядка, не тронутыхъ въ преобразовательную эпоху. Существованіе двойной системы учрежденій [3]) вело неминуемо къ антагонизму между ними; при этомъ органы дореформенныхъ учрежденій, какъ, напримѣръ, полиція, облеченная и по закону и на практикѣ бóльшими средствами, чѣмъ земство, разсматривались какъ истинная *правительственная* власть въ мѣстности, а новыя земскія учрежденія получили даже особое названіе—учрежденій общественныхъ. Столкновеніе „общественныхъ“ учрежденій и „правительственной“ власти вело къ представленію объ антагонизмѣ общества и правительства. Отсюда новый расколъ въ русскомъ обществѣ: сторонники „правительства“ становились отрицателями земскихъ учрежденій и тѣхъ великихъ реформъ,

---

1) *Собр. соч.* VI, 317 и 318.
2) Тамъ же, 327.
3) Ср. тамъ же, III, 478.

которыми они были вызваны къ жизни. Напряженная борьба правительства съ пропагандой, правительственныхъ учрежденій съ общественными, администраціи съ судомъ побуждала охранителей къ болѣе активной политикѣ: ихъ стремленія становились все болѣе и болѣе реакціонными. Духъ реформъ, духъ обновленія уступалъ мало-по-малу мѣсто другому духу—сначала духу *отрицанія*, а потомъ духу *пересмотра* всего того, что̀ совершилось съ 1861 года. „Не сто̀итъ перечислять всего, что̀ подверглось пересмотру, — писалъ Градовскій въ 1879 году,—это заняло бы слишкомъ много мѣста. Достаточно указать, въ качествѣ выдающихся примѣровъ, на существенныя измѣненія въ законѣ о печати 1865 года, на предположенные „пересмотры" многихъ другихъ новыхъ уставовъ, на сильное видоизмѣненіе требованій судебныхъ уставовъ въ практикѣ послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ и т. д." [1]).

Успѣху реакціонной партіи, какъ только что указано, значительно содѣйствовала пропаганда соціалъ-демократическаго оттѣнка, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ нѣкоторыхъ, сравнительно очень незначительныхъ, но сильныхъ своей организаціей и сознаніемъ общихъ цѣлей кружкахъ нашей интеллигенціи. Градовскій далъ нѣсколько весьма любопытныхъ соображеній относительно происхожденія революціонной партіи. Подобно нашимъ охранителямъ, русскіе революціонеры различныхъ оттѣнковъ имѣютъ своихъ предковъ и свое начало въ дореформенной Россіи; такъ же какъ охранители, они являются *пережитками* эпохи до 1856 года, пережитками, оставшимися внѣ того широкаго, захватившаго русское общество теченія, которое имѣло своимъ источникомъ великіе законодательные акты начала царствованія Александра II.

Съ истинно художественнымъ талантомъ Градовскій предлагаетъ намъ глубокій психологическій анализъ внутренняго склада людей дореформенной эпохи, эпохи, опредѣляемой имъ какъ міръ мертвыхъ душъ, описанный въ безсмертной поэмѣ Гоголя [2]). Этотъ міръ выдвинулъ потребность уйти куда-нибудь отъ той гнетущей

[1]) *Собр. соч.* III, 480.
[2]) *Тамъ же*, 457—458.

атмосферы, въ которой замирало и пропадало все человѣческое. „Западничество явилось этимъ средствомъ искусственной, внутренней эмиграціи изъ крѣпостной Россіи". Формальный, искусственный, лишенный всякаго народнаго содержанія, а потому и безсодержательный міръ, каковою представляется Градовскому русская жизнь передъ освобожденіемъ,—этотъ міръ выработалъ подъ конецъ и „выпустилъ изъ себя новый мірокъ, въ которомъ отразилась вся его изнанка. Всѣ эти различныя и искусственныя теченія мысли, всѣ взятыя на прокатъ чувства, понятія и формулы, весь формализмъ административныхъ инструкцій, наказовъ и уставовъ были, наконецъ, поглощены въ одномъ словѣ—*нигилизмъ*" [1]). „Внимательное изслѣдованіе тѣхъ идей, чувствованій и стремленій, которыми наше общество жило въ пятидесятыхъ годахъ и которыя принято называть „отрицательными",—писалъ Градовскій въ началѣ 1880 г.,—показываетъ, что они находятся въ исторической и причинной связи не съ новыми учрежденіями, тогда не существовавшими, а именно съ тѣмъ общественнымъ порядкомъ, который предшествовалъ преобразовательной политикѣ царствующаго государя... Отрицательныя доктрины были оборотною стороной того порядка, который рѣшился видоизмѣнить великодушный государь нашъ" [2]). Итакъ, анализъ Градовскаго того патологическаго явленія, какимъ должно признать русскій нигилизмъ, открываетъ его источники въ язвахъ, разъѣдавшихъ помертвѣлое тѣло общественнаго и государственнаго организма дореформенной эпохи. „Нашъ нигилизмъ,—говорилъ Градовскій въ другомъ мѣстѣ,—(мы не устанемъ повторять это) не былъ ни философскою, ни политическою, ни нравственною системою. Онъ былъ просто взрывомъ дикихъ страстей, плодомъ многолѣтней забитости, озлобленія, самодурства, произвола и черной неправды въ прежнемъ порядкѣ. Онъ былъ страшнымъ урокомъ, грозною проповѣдью Провидѣнія, вѣщавшею: вотъ до чего доводитъ крѣпостное право и все сопряженное съ нимъ" [3]).

Радикальнымъ средствомъ противъ этой болѣзни былъ царскій

---

[1]) Ср. *Собр. соч.* VI, 357—361.
[2]) *Охранительное недоразумѣніе*, „Голосъ" 1880 г., № 12.
[3]) *Взглядъ назадъ*, „Голосъ" 1880 г., № 223.

призывъ на „землю“. Освобожденіе крестьянъ, созданіе земскихъ учрежденій и мировыхъ установленій—вотъ тѣ средства, которыя оживили Россію и указали ея людямъ настоящее, полезное дѣло. Но не успѣли еще благодѣтельныя реформы дать настоящіе плоды, не успѣли онѣ оздоровить значительную часть общества, какъ наступило другое направленіе: преобразовательная дѣятельность правительства не только пріостановилась,—она была парализована тѣми поправками и пересмотрами, которымъ подверглось все только что совершонное. Общество, еще недостаточно втянувшееся въ новыя условія жизни, еще не проникнутое новыми началами, было предоставлено самому себѣ, и въ немъ возродились вмѣстѣ съ новыми недугами, вызванными жаркою борьбой за существованіе, и старыя болѣзни. Каракозовское дѣло,—продолжаетъ Градовскій,—„взросло на почвѣ тѣхъ кружковъ, которые (теперь это видно съ достаточною ясностью) явились оборотною стороною того неподвижнаго, грубаго и несправедливаго общественнаго строя, который суждено было преобразовать царю-освободителю. Крѣпостникъ нашелъ своего антипода въ нигилистѣ. Та же грубая, стихійно-животная сила оказалась тамъ и здѣсь, какъ вѣрно замѣтилъ еще и Герценъ“ [1]); то же стремленіе къ духовной эмиграціи изъ общества, то же удаленіе отъ родной почвы, увлеченіе западно-европейскими теченіями и выработка по нимъ своего внутренняго міросозерцанія.

На этотъ разъ преобладающимъ между всѣми вопросами, поставленными на очередь западно-европейскою цивилизацiей, былъ рабочій вопросъ, преобладающимъ между всѣми теченіями западно-европейской мысли—сталъ соціализмъ. Соціализмъ составилъ содержаніе міровоззрѣнія и нашихъ *лишнихъ* людей [2]). Указанные элементы соціальной партіи не исчерпываютъ ея состава: къ ней примкнула не въ качествѣ активныхъ, конечно, элементовъ вся та часть нашего общества, которая является прогрессивною, вслѣдствіе полученнаго ею образованія, но становится оппозиціонною въ виду разлада ея идеаловъ и стремленій съ окружающею жизнью, жизнью, не выработавшею главнаго

---

[1]) *Взглядъ назадъ*, „Голосъ“ 1880 г., № 223.

[2]) *Собр. соч.* III, 481—482.

внѣшняго условія сосуществованія людей—начала законности. Схвативъ чужое знамя, наша соціальная партія отъ времени до времени торжественно заявляла, что цѣль ея—разрѣшеніе извѣстныхъ экономическихъ вопросовъ и что къ вопросамъ политическимъ она „равнодушна". „На дѣлѣ же,—замѣчаетъ Градовскій,—ихъ „равнодушіе" къ политическимъ вопросамъ подвержено сильному сомнѣнію. До сихъ поръ всѣ „пропаганды" имѣли по преимуществу политическій характеръ, возбуждали политическія страсти, и убійства совершались не надъ „буржуа", а надъ государственными должностными лицами" [1]).

Подъ вліяніемъ деморализаціи, охватившей общество съ первыхъ шаговъ по пути реакціи, деморализаціи, усилившейся послѣ печальнаго исхода войны, перешедшей, наконецъ, во всеобщее настроеніе недовольства и недовѣрія [2]), революціонное движеніе, имѣвшее характеръ прежде всего движенія анархическаго [3]), перешло отъ пассивной пропаганды къ активному походу противъ государственнаго порядка. Въ значительной мѣрѣ этотъ переходъ объясняется и тѣмъ, что пропагандисты осѣклись на „народѣ" [4]) и извѣрились въ цѣлесообразности мирныхъ средствъ. Но ближайшею причиной усиленія движенія были едва ли не тѣ политическіе процессы, которые волновали общество, вселяя во всѣхъ неувѣренность за свою безопасность и сомнѣніе въ своей политической благонадежности. Вслѣдъ за политическими процессами начались террористическія дѣйствія революціонной партіи: 1878 и 1879 годы были свидѣтелями цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и покушеній на убійство самого государя. Но „1879 годъ прошелъ и слава Богу! — восклицаетъ Градовскій въ новогодней статьѣ 1880 года [5]).—Страшный, невыносимо тяжелый годъ, годъ, когда жизнь была далеко не пріятнымъ „даромъ", когда то, чтó составляетъ существо и красоту жизни—мысль, чувство, сознаніе своихъ нравственныхъ силъ, стало ненужнымъ, а подчасъ и вреднымъ бременемъ. Казалось, вмѣсто людей изъ

---

[1]) *Собр. соч.* III, 379.
[2]) Тамъ же, VI, 276.
[3]) „Голосъ" 1878 г., № 22, 1880 г., № 1.
[4]) Тамъ же, 1878 г., № 221.
[5]) Тамъ же, 1880 г., № 1.

плоти и крови, съ сердцемъ и мыслью, нужны деревянные люди, безжизненные и бездушные". „Что же такое случилось?—спрашиваетъ себя Градовскій.—Случилось то, что громадная страна, съ восьмидесятимилліоннымъ народонаселеніемъ, съ многочисленною арміей, съ сильною властью, огромными штатами всякихъ учрежденій, должна была обратить все свое вниманіе на таинственнаго врага, вмѣщающагося въ ея нѣдрахъ, врага незримаго и неуловимаго".

Въ какое же положеніе стало русское общество къ этому своему врагу? „Оно слышитъ,—писалъ Градовскій,—отъ подпольныхъ дѣятелей обвиненіе въ эксплуатаціи „народа", выслушиваетъ слова ненависти, обращенныя къ нему на ряду съ европейскою „буржуазіей", безмолвно принимаетъ угрозы, что его достояніе будетъ вырвано у него „вмѣстѣ съ жизнью". Оно знаетъ и чувствуетъ очень хорошо, что отъ исполненія революціонныхъ плановъ пострадаютъ прежде всего *его* интересы—недаромъ эта партія называется „соціальной" и лозунгомъ своимъ избрала „передѣлъ земли" и отмѣну капиталистическаго производства". Конечно, русское общество вышло бы изъ своего пассивнаго состоянія, сумѣло бы оградить себя отъ дерзкихъ покушеній анархизма, сумѣло бы стать на защиту правительственной власти, если бы это общество было живое, если бы жизнь его шла нормально и не задерживалась въ своемъ развитіи. Градовскій скорбитъ о безсиліи общества и составляющихъ его большинства „среднихъ людей".

„Средній человѣкъ", по опредѣленію Градовскаго,—это представитель нормально развивающейся жизни, это представитель живого общества, въ условіяхъ дѣйствительной жизни котораго „охраненіе и развитіе такъ тѣсно связаны между собою, что отдѣлить одно отъ другого нѣтъ возможности". „Каждый живой человѣкъ,—замѣчаетъ Градовскій,—выступаетъ попеременно то въ роли охранителя, то въ роли поборника извѣстной реформы; одно онъ хвалитъ, другое—порицаетъ" [1]). Себя Градовскій отожествляетъ съ среднимъ человѣкомъ. Въ одной изъ статей, относящихся ко второй половинѣ 1878 года, онъ раскрылъ намъ психологію средняго

[1]) *Собр. соч.* III, 377—492.

человѣка, трагическимъ образомъ поставленнаго между представителями крайнихъ воззрѣній. „Но каково мнѣ бѣдному среднему человѣку!“—восклицаетъ авторъ.—Вѣдь я чувствую въ себѣ человѣческія качества, пригодныя не для одного „дрожанія“. Вѣдь я люблю мое отечество не меньше представителей „меньшинства“ и вижу причины золъ не хуже ихъ. На что-нибудь пригодились бы мой умъ, мое сердце, мои знанія, моя привычка къ труду. Пригодились бы они на что-нибудь лучшее, чѣмъ безтолковое и безнравственное дрожаніе!“

Градовскій выдѣлился изъ толпы „среднихъ людей“. Онъ не остался безучастнымъ зрителемъ, не отошелъ въ сторону, не согласился на признаніе себя ни лишнимъ, ни чужимъ человѣкомъ. Болѣе чѣмъ когда-нибудь употребилъ онъ всѣ силы своего ума и сердца, всѣ свои знанія и способности на служеніе общественному дѣлу. Изъ-подъ его пера выходятъ не только статьи въ объемѣ газетной передовой статьи или фельетона; „труднымъ“ 1878 и 1879 годамъ мы обязаны появленіемъ и такихъ обширныхъ изслѣдованій, какъ *Соціализмъ на Западѣ Европы и въ Россіи* [1]), *Прошедшее и настоящее* [2]), *Надежды и разочарованія* [3]). Тогда же задуманы и составлены *Что такое консерватизмъ?* [4]), *Реформы и народность* [5]).

„Средній человѣкъ“ въ этихъ трудахъ высказался со всей силой, свойственною ему, какъ элементу, дающему жизнь и устойчивость всякому нормально развивающемуся обществу [6]). Если, для большей рельефности представленія объ этомъ „среднемъ человѣкѣ“, его можно дѣйствительно опредѣлить, какъ занимающаго серединное положеніе между представителями двухъ крайнихъ направленій—революціонеромъ и охранителемъ, то все-таки должно помнить, что подобнымъ опредѣленіемъ далеко не исчерпывается то понятіе, которое Градовскій соединялъ съ терминомъ „средній человѣкъ“. Разъясненіе и

[1]) *Собр. соч.* III, 377—492.
[2]) Тамъ же, VI, 273—308.
[3]) Тамъ же, 315—352.
[4]) Тамъ же, III, 313—346.
[5]) Тамъ же, VI, 353—374.
[6]) „Голосъ“ 1880 г., № 1.

всестороннее освѣщеніе это понятіе получило въ только что названной статьѣ *Что такое консерватизмъ?* Изъ нея видно, что онъ разумѣлъ подъ средними людьми тѣ двѣ общественныя партіи, которыя трудятся въ обществѣ при нормальномъ его развитіи, партію консерваторовъ и партію прогрессистовъ, сторонниковъ охраненія и капитализаціи, съ одной стороны, обновленія и развитія, съ другой. Нормальнымъ партіямъ, представителемъ которыхъ выступаетъ „средній человѣкъ", противополагаются партіи реакціонеровъ и революціонеровъ, выступающія на историческую сцену при ненормальныхъ теченіяхъ общественной жизни. Переходя къ условіямъ русской жизни, Градовскій въ другихъ статьяхъ разъясняетъ, почему они не дали возможности окрѣпнуть „среднимъ людямъ", почему въ Россіи не могло выработаться здоровой интеллигенціи, которая бы группировалась въ нормальныя политическія партіи. Въ неорганизованности „среднихъ людей", въ неподготовленности ихъ къ политической жизни Градовскій видитъ главную причину той преобладающей роли, которую получили въ тогдашней Россіи обѣ крайнія партіи.

Главною задачей своей публицистической дѣятельности Градовскій ставилъ не обличеніе крайнихъ ученій, проповѣдуемыхъ нашими крайними партіями, не опроверженіе ихъ суемудрія и парадоксовъ, а укрѣпленіе здравыхъ политическихъ понятій въ русской интеллигенціи, въ массѣ „среднихъ людей". Къ нимъ обращался Градовскій со словами ободренія и надежды, ихъ призывалъ онъ къ труду и служенію родинѣ. Міровоззрѣнію этой массы надо было дать опредѣленное содержаніе: недостаточно было удержать ее отъ тѣхъ крайностей, куда влекли ее революціонеры и охранители, ее надо было призвать къ самостоятельному размышленію о политическихъ дѣлахъ и путемъ наведенія научить ее, откуда и куда идетъ Россія. Къ сожалѣнію, узкія рамки настоящаго очерка не позволяютъ намъ подробнѣе остановиться на содержаніи относящихся сюда статей Градовскаго, при томъ только частью вошедшихъ въ „Собраніе его сочиненій". Ограничимся перечнемъ нѣкото-

ныхъ изъ статей его, помѣщенныхъ въ „Голосѣ“, содержащихъ частью обличеніе крайнихъ политическихъ ученій, но главнымъ образомъ выясняющихъ тѣ здравыя понятія, которыя Градовскій считалъ необходимымъ привить русскому обществу. Сюда относятся статьи 1878 года: *Два заблужденія* (№ 118), *Буржуазія и соціальная революція въ Россіи* (№ 252), *Необходимость размышленія въ политическихъ дѣлахъ* (№ 257); 1879 года: *Письмо къ М. Н. Каткову* (№ 82), *Сѣмя плевелъ* (№ 239) [1]; 1880 года: *Россія въ 1879 году* (№ 1), *Охранительное недоразумѣніе* (№ 12), *Смута* (№ 45) и мн. др.

Особенное значеніе получила статья Градовскаго *Задача русской молодежи*, по произведенному ею впечатлѣнію [2]). Она появилась въ „Голосѣ“ 1 августа 1879 года, а вышедшія на слѣдующій день петербургскія газеты уже отразили все разнообразіе толковъ, вызванныхъ ею въ русскомъ обществѣ. Объ этой статьѣ заговорила и провинціальная печать, а къ самому автору посыпались изъ разныхъ концовъ Россіи сочувственныя письма. Но, конечно, *Задача русской молодежи* не могла удовлетворить наши крайнія партіи. Это видно, съ одной стороны, изъ статьи „С.-Петерб. Вѣдомостей“ отъ 2 авг., упрекавшей Градовскаго за то, что онъ самъ говоритъ въ ней, какъ агитаторъ, и рекомендуетъ молодежи политическую программу. „Прежде говорили „идите въ народъ“, Градовскій говоритъ — „нѣтъ не въ народъ, — идите, усиливайте интеллигенцію!“ Съ другой стороны, „Русская Правда“ высказывала въ рѣзкой формѣ мысль, что задача, предложенная Градовскимъ молодежи, неисполнима, такъ какъ въ настоящее время невозможна наука, свободная въ своихъ сужденіяхъ по тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ наиболѣе существенное значеніе и интересъ.

Градовскій въ тѣ трудные годы, о которыхъ мы вспоминаемъ, болѣе ясно и точно, чѣмъ когда-нибудь раньше, начертилъ намъ свои идеалы и свою политическую вѣру. Онъ понималъ, что для блага Россіи настало время дѣйствовать,

---

[1]) *Собр. соч.* VI, 309—314.

[2]) Помѣщается въ приложеніи къ настоящему очерку.

дѣйствовать не кучкѣ агитаторовъ, а самому правительству: это побудило его предложить опредѣленную программу дѣйствій.

Политическая вѣра и идеалы Градовскаго не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили его занятымъ національнымъ вопросомъ, работающимъ надъ теоріей національнаго государства; они не измѣнились и съ конца шестидесятыхъ годовъ, когда Градовскій явился въ Петербургъ съ тѣмъ оптимистическимъ настроеніемъ, на которое мы въ своемъ мѣстѣ указывали. Попрежнему онъ вѣритъ въ историческое призваніе царской власти у насъ въ Россіи. Съ идеей о царѣ Градовскій тѣснѣйшимъ образомъ связываетъ идею реформъ, поступательнаго движенія. Онъ думаетъ, что никакая перемѣна въ нашей государственной жизни не будетъ имѣть силы, если она не совершится по почину и съ освященія верховной власти, которой одной вѣритъ народъ и справедливо вѣритъ, потому что онъ, въ теченіе четырехсотъ лѣтъ, не имѣлъ основанія вѣрить чему-нибудь иному [1]). Въ 1878 году онъ писалъ: „все дѣйствующее *мимо* царя или *противъ* него всегда будетъ подозрительно въ глазахъ народа, и онъ всегда готовъ будетъ обрушиться на своевольныхъ реформаторовъ. Такимъ образомъ, функціи развитія, прогресса существеннымъ образомъ связываются съ понятіемъ о царѣ“ [2]). Отсюда Градовскій выводитъ, что русскій либерализмъ „является одною изъ достойнѣйшихъ формъ служенія Россіи и государю“, ибо „русскіе либералы“, т. е. та партія, которая возникла во время преобразовательной дѣятельности государя Александра II и въ теченіе долгаго времени была не оппозиціонною, а правительственною партіей, желаютъ „упрочить и примѣнить не по буквѣ только, но и по духу учрежденія, признанныя полезными верховною властью и исключительно ею созданныя, по ея свободному почину“ [3]). Въ этихъ словахъ видимъ признаніе Градовскаго о принадлежности своей къ „русскимъ либераламъ“. Въ цѣломъ рядѣ статей, относящихся къ разсматриваемой эпохѣ, онъ выразилъ

---

[1]) „Голосъ“ 1880 г., № 1.
[2]) Тамъ же, 1878 г., № 118.
[3]) Тамъ же, 1880 г., № 45.

желанія и стремленія этихъ русскихъ людей, не могшихъ ограничиться однимъ сочувствіемъ совершоннымъ уже преобразованіямъ, такъ какъ самая сила этого сочувствія вызывала въ нихъ желаніе *развитія* реформъ.

Русскій либерализмъ—это то направленіе русской политической мысли, которое одно дѣлаетъ плодотворнымъ усиліе власти двигать Россію впередъ и тѣмъ исполнять великую задачу, завѣщанную ей Петромъ I и Екатериной II. Эти государи получили въ наслѣдство крѣпкое своимъ единствомъ, твердое въ своихъ основаніяхъ политическое тѣло. Но единство это держалось больше по внѣшнимъ, чѣмъ по внутреннимъ причинамъ; твердыя основанія не были расчитаны на тотъ ростъ, который предназначили Россіи историческія ея судьбы. Задача нашихъ государей сводилась къ созданію внутренняго единства и къ расширенію основаній государства. Внутреннее единство могло быть скрѣплено только созданіемъ крѣпкой національности. Но, какъ доказывалъ Градовскій, развитая національность, т. е. собирательная личность народная, предполагаетъ свободу личностей человѣческихъ, ее составляющихъ. Освобожденіе личности, созданіе гражданственности и правовыхъ отношеній, обезпеченіе юридической и экономической свободы— это такая же неотложная для русской власти задача, какъ забота объ охраненіи единства и цѣлости государства, охраненіи тѣхъ устоевъ, на которыхъ зиждились ростъ и благополучіе ėго. Ни та, ни другая задача не могутъ быть чужды русскому человѣку.

Съ этой точки зрѣнія для насъ выясняются тѣ кажущіяся противорѣчія въ писаніяхъ и убѣжденіяхъ Градовскаго, которыя неоднократно были отмѣчаемы его друзьями и противниками. Сначала онъ выступаетъ поборникомъ національной политики Россіи; въ союзѣ съ охранителями онъ велъ борьбу за русскіе интересы на нашихъ окраинахъ, въ союзѣ съ ними онъ началъ агитацію въ пользу энергическаго вмѣшательства Россіи въ балканскія дѣла; вмѣстѣ съ ними онъ говорилъ о гегемоніи Россіи въ славянскомъ мірѣ, о великихъ политическихъ задачахъ ея на Западѣ. Но аргументы, которыми онъ подкрѣплялъ

свои взгляды на національную политику Россіи, иные, чѣмъ тѣ, которыми пользуются охранители: Градовскій никогда не терялъ изъ виду интересовъ человѣческой личности и употреблялъ всѣ усилія къ выясненію связей между личностью и государствомъ, между личностью человѣческой и личностью народной. Національность и государство дороги ему, какъ такія явленія, при развитіи которыхъ неминуемо выигрываетъ человѣческая личность, находящая въ нихъ лучшее обезпеченіе своихъ правъ. Въ реформахъ Александра II онъ усмотрѣлъ не только то, что было понятно и охранителямъ и націоналистамъ, не только стремленіе скрѣпить государственное единство Россіи и оживить нравственныя и матеріальныя силы ея народа [1]), но также намѣреніе обезпечить за личностью и обществомъ гражданскія права, намѣреніе, выразившееся въ огражденіи личной свободы, дарованіи свободы передвиженія и труда, свободы печати, въ стремленіи къ равномѣрному распредѣленію финансовыхъ тяготъ. Вотъ почему, одновременно съ трактатами по національному вопросу, одновременно съ патріотическими статьями, посвященными освобожденію единовѣрныхъ славянъ отъ турецкаго ига, изъ-подъ пера Градовскаго выливаются статьи о свободѣ печати, о податной реформѣ, объ университетскомъ уставѣ, о земскомъ самоуправленіи. И въ тѣхъ и другихъ трудахъ своихъ онъ исходитъ изъ одинаковыхъ положеній: великія реформы Александра II создали русскую національность, открыли собою эру національной политики; тѣ же реформы вызвали къ жизни новыя учрежденія и положили основанія для свободнаго развитія личности въ Россіи.

Въ 1878 году болѣе, чѣмъ когда-нибудь, Россія почувствовала свою внутреннюю слабость: съ одной стороны, дипломатическія неудачи, съ другой, успѣхъ пропаганды вносили въ общество тревогу и недовѣріе. Усиленіе реакціи было неизбѣжно. Въ ряды ея перешли и многіе изъ прежнихъ защитниковъ реформъ Александра II, которые усматривали въ нихъ только государственное ихъ значеніе; эти

---

[1]) Ср. „Моск. Вѣд.“, 1870 г., 8 янв.

реформы сдѣлали свое дѣло, онѣ освободили крестьянъ, дали возможность русскому началу укрѣпиться на окраинахъ. онѣ оживили страну; развивать реформы дальше не представлялось необходимымъ; напротивъ, ихъ надо урѣзать и сократить для полнаго торжества государственнаго начала, въ особенности тамъ, гдѣ все выше поднимался голосъ общества, опиравшагося на новыя учрежденія. Градовскій остался вѣренъ реформамъ во всей ихъ совокупности. Ему уже не приходится защищать національный вопросъ въ Россіи: „мы болѣе національны теперь, въ 1880 году, — писалъ онъ, — чѣмъ были десять лѣтъ тому назадъ, въ годъ франко-прусской войны; въ 1870 году мы были болѣе національны, чѣмъ въ 1860-мъ“ [1]). Не эта сторона великихъ реформъ будитъ его дѣятельность и требуетъ его защиты: государство выиграло, окрѣпло, оживилось новымъ духомъ; но личность гражданина не получила того, что сулили ей реформы. За освобожденіемъ крестьянина отъ помѣщичьей и государственной опеки, не послѣдовало освобожденіе его личности отъ гнета финансовой системы, стѣснявшей его трудъ и свободу его передвиженія; за возникновеніемъ земскаго и городского самоуправленія не послѣдовало обезпеченія правъ провинціальной печати, и это въ значительной степени помѣшало правильному развитію новыхъ учрежденій; дѣятельность ихъ парализовалась существованіемъ старыхъ полицейскихъ установленій, оставшихся, несмотря на неоднократныя попытки, непреобразованными. Усиленіе правительственной власти, если она будетъ опираться не на законы, а на административныя усмотрѣнія, явится еще большей угрозой всѣмъ реформамъ начала царствованія Александра II, призвавшимъ Россію къ законному и мирному развитію. Средствъ борьбы съ пропагандой надо искать не въ такомъ усиленіи власти, не въ „военныхъ“ мѣрахъ, а на мирныхъ путяхъ и прежде всего на томъ прямомъ пути, который открылся въ эпоху великихъ реформъ.

Отношеніемъ къ этимъ реформамъ опредѣляется вся дѣятельность Градовскаго. Вначалѣ, когда государству предстояла тяжелая задача національзировать нашу интеллигенцію, возвра-

[1]) *Собр. соч.* VI, 362.

тить ее землѣ, онъ работаетъ надъ національнымъ вопросомъ, содѣйствуетъ русскому обществу въ выработкѣ національнаго самосознанія. Но реформы сдѣлали свое дѣло, внутренняя и внѣшняя политика Россіи стала національной: Градовскій обращается къ другимъ заглохшимъ идеямъ, лежавшимъ въ основаніи тѣхъ же реформъ, къ законному и мирному развитію русскаго общества, личности русскаго гражданина. Преобладаніе въ дѣятельности Градовскаго сначала одной, потомъ другой точки зрѣнія на реформы Александра II обусловило зачисленіе его сначала въ лагерь націоналистовъ, потомъ въ лагерь либераловъ.

Сравнивая труды Градовскаго того періода, когда главный его интересъ вращался вокругъ національнаго вопроса, вокругъ личности народной, съ трудами послѣдующаго періода, отмѣченными интересомъ къ гражданской личности человѣка, мы дѣйствительно можемъ указать на различное отношеніе его къ тѣмъ или другимъ явленіямъ нашей государственной и общественной жизни. Но различія эти свидѣтельствуютъ лишь о различныхъ настроеніяхъ автора, а не о разныхъ основаніяхъ въ политическомъ его міровоззрѣніи: въ основаніи этого міровоззрѣнія лежалъ одинъ реальный фактъ—великія реформы Александра II, но реформы эти были такъ многосторонни и такъ плодотворны, что, работая надъ ними, исходя изъ нихъ, Градовскому приходилось развивать не одну какую-нибудь идею, а весь тотъ рядъ идей, которыя создали новую Россію.

Такъ, напримѣръ, Градовскій въ 1873 году писалъ о законности и желательности заимствованія *формъ* европейской жизни, такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, даютъ „наибольшія гарантіи личной и общественной свободы". Но содержаніе чужой жизни не должно быть предметомъ заимствованія, такъ какъ такое заимствованіе повело бы къ обезличенію, ибо содержаніе культуры или цивилизаціи есть то, въ чемъ народъ проявляетъ свой духъ [1]. Однако, форму трудно отдѣлить отъ содержанія; Градовскому пришлось убѣдиться въ этомъ изъ современной ему русской жизни: съ одной стороны, новыя реформы, заим-

[1] *Собр. соч.* VI, 178.

ствованныя изъ Европы, дали нашей жизни новое содержаніе, содѣйствовали націонализаціи высшихъ классовъ, оживили весь государственный организмъ; съ другой — содержаніе старой жизни пережило отмѣненныя преобразованіями формы: крѣпостническій духъ проснулся и въ новыхъ учрежденіяхъ, деспотизировалъ ихъ, стремился свести ихъ благотворное дѣйствіе на ничто. „Старая болѣзнь продолжаетъ существовать,—писалъ Градовскій,—но не въ силу реформъ, а несмотря на нихъ". Такъ выяснялось, что вмѣстѣ съ формой мы заимствовали и духъ, проникающій европейскую цивилизацію, но что этотъ духъ не могъ осилить другого стараго духа, порожденнаго старыми формами жизни. Борьба между старымъ и новымъ духомъ должна для торжества послѣдняго вызвать заимствованіе не однѣхъ формъ, но и идей. Русскія начала выразились преимущественно въ идеяхъ абсолютизма; но ихъ недостаточно для того, чтобы поддержать реформы во всей ихъ совокупности. Русская исторія не знала, не видѣла развитія личнаго начала; а между тѣмъ именно къ нему призывали насъ освободительныя реформы Александра II. Градовскій въ цѣломъ рядѣ статей, относящихся къ 1879—1880 годамъ, показываетъ, что Западной Европѣ мы обязаны не однѣми формами жизни: изъ общей сокровищницы человѣческой цивилизаціи, начиная, впрочемъ, еще съ Екатерины II, мы черпаемъ и духъ и идеи, животворящія формы.

Въ статьѣ *Первые славянофилы* (1873 г.) Градовскій смотрѣлъ на направленіе, воплотившееся въ извѣстномъ „Философическомъ письмѣ" Чаадаева, совершенно отрицательно [1]); въ статьѣ *Надежды и разочарованія* (1879 г.) онъ говоритъ о положительныхъ заслугахъ „воинствующаго западничества", представителемъ котораго былъ Чаадаевъ,—направленія, избравшаго учрежденія и явленія западно-европейской жизни, какъ выразительницы началъ общечеловѣческихъ, для оцѣнки, а въ иныхъ случаяхъ и для осужденія явленій русскаго общественнаго быта.—Въ 1873 году, въ той же статьѣ *Первые славянофилы* мы находимъ рѣзкій отзывъ о новой идеѣ „сословной чести", положенной въ основаніе новой

[1]) *Собр. соч.* VI, 167.

организаціи сословій при Екатеринѣ II [1]).—Въ 1879 году, въ статьѣ *Прошедшее и настоящее*, реформы Екатерины II получаютъ совсѣмъ иную оцѣнку, при чемъ самую идею сословной чести Градовскій признаетъ важнымъ въ свое время средствомъ для утвержденія въ человѣкѣ чувства независимости, личнаго достоинства и безопасности [2]). Подобный же взглядъ на реформы Екатерины II выраженъ Градовскимъ въ статьѣ *Итоги* [3]): „Въ формахъ правъ „сословныхъ“,—заключаетъ онъ,—въ Россіи зародились права человѣческія, безъ которыхъ немыслимо никакое правильное государство“.

Такимъ образомъ, главное различіе между міровоззрѣніемъ Градовскаго въ періодъ увлеченія національнымъ вопросомъ и міровоззрѣніемъ его въ концѣ семидесятыхъ годовъ сводилось къ отношенію русской жизни къ западно-европейской. Но это различіе объясняется именно различнымъ настроеніемъ Градовскаго, а не измѣненіемъ въ его убѣжденіяхъ: сходясь съ первыми славянофилами, онъ никогда не отрицалъ необходимости заимствованія изъ западно-европейской культуры того, что̀ имѣетъ характеръ общечеловѣческій. Въ первое время его вниманіе сосредоточивается на русскихъ началахъ нашей государственной и общественной жизни: свѣтлая идея царя, незатемненное понятіе о народѣ, крестьянскій міръ съ его крѣпкимъ укладомъ—вотъ тѣ русскія начала, которыхъ коснулись реформы, обновившія и укрѣпившія ихъ. Но жизнь показала, что этихъ началъ недостаточно для всесторонняго развитія реформъ, недостаточно и для жизни просвѣщеннаго народа. Градовскій все съ бо̀льшимъ вниманіемъ слѣдитъ за лежавшими въ основаніи реформъ великими идеями и, признавъ ихъ общечеловѣческое значеніе, трудится надъ освѣщеніемъ ихъ и надъ проведеніемъ въ русскую жизнь. Его направленіе изъ національно-преобразовательнаго переходитъ постепенно въ *освободительно-преобразовательное*.

2. 12-го февраля 1880 года былъ обнародованъ Высочай-

---

1) *Собр. соч.* VI, 186.
2) Тамъ же, 256 – 288.
3) „Голосъ“ 1880 г., № 147.

шій именной указъ, которымъ учреждалась верховная распорядительная коммиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ графъ Лорисъ-Меликовъ, на котораго возложены всѣ полномочія и вся отвѣтственность, такъ какъ ему былъ предоставленъ выборъ остальныхъ членовъ коммиссіи. Черезъ нѣсколько дней графъ Лорисъ-Меликовъ обратился къ русскому обществу съ призывомъ о содѣйствіи въ борьбѣ съ крамолой. Текстъ этого призыва успокоительно подѣйствовалъ на общество: въ концѣ его говорилось о „возвращеніи отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія".

Вскорѣ Градовскій понялъ, что „послѣ пятнадцати лѣтъ застоя въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, мы вступаемъ въ періодъ новыхъ организаціонныхъ работъ, долженствующихъ достроить многое недостроенное и согласовать много противорѣчиваго между старымъ и новымъ" [1]. „Согласно этому,—писалъ онъ, — и печать наша болѣе, чѣмъ когда-либо, должна бы стать на почву вопросовъ практическихъ" [2]. Разработкѣ этихъ практическихъ вопросовъ Градовскій и посвящаетъ весь свой досугъ отъ научныхъ занятій. Никогда еще его труды не имѣли такого непосредственнаго отношенія къ насущнымъ государственнымъ потребностямъ, потребностямъ, сознаннымъ самимъ правительствомъ и имъ поставленнымъ на очередь, какъ именно теперь, въ теченіе 1880 и начала 1881 года. Никогда еще, вмѣстѣ съ тѣмъ, Градовскій не чувствовалъ себя такъ бодро, такъ спокойно, какъ теперь; онъ сознавалъ себя полезнымъ и необходимымъ, онъ видѣлъ исполненіе своихъ лучшихъ надеждъ—осуществленіе и развитіе великихъ реформъ Александра II. Указаніе на это новое настроеніе Градовскаго мы находимъ почти во всѣхъ статьяхъ, относящихся къ указанному времени [3]. „Чувство успокоенія, проникшее во всѣ души подъ вліяніемъ дѣйствій верховной распорядительной коммиссіи, охватило всѣхъ, — писалъ Градовскій 14 августа

---

[1]) „Голосъ", 30 октября 1880 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Ср. напр. статьи отъ 5 марта, 10 августа, 24 мая 1880 года.

1880 г.—Общество и печать жили этимъ радостнымъ чувствомъ въ теченіе довольно долгаго срока. Какимъ-то сладостнымъ чувствомъ всеобщей любви смѣнилось всеобщее уныніе, повальное недовѣріе, а любовь, какъ извѣстно, всему вѣритъ и на многое надѣется... Слышится снова то вѣяніе, которое пронеслось нѣкогда при чтеніи манифеста объ освобожденіи крестьянъ, и, какъ тогда, русское общество поетъ теперь громче и радостнѣе завѣтную пѣснь: „Боже Царя храни!“—„Многія лѣта Государю и новымъ вѣрнымъ его слугамъ“, - писалъ Градовскій въ частномъ письмѣ 11 сентября 1880 года.

Для насъ ясно, что за всѣми этими словами и чувствами скрывается сильный подъемъ духа, испытанный въ то время Градовскимъ, подъемъ духа, вызывавшій его на плодотворную работу. Результаты ея у насъ передъ глазами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ назначенія верховной распорядительной коммиссіи начинаются его статьи, касающіяся тѣхъ „организаціонныхъ работъ“, которыя, по его мнѣнію, должны предстоять правительству. Среди этихъ статей надо различать тѣ общія указанія на желательное направленіе внутренней нашей политики, которыя даетъ Градовскій, отъ статей, гдѣ разбираются отдѣльные законодательные и общественные вопросы.

Общія задачи внутренней политики обсуждаются имъ, напримѣръ, въ трехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ маѣ 1880 года и носящихъ заглавіе *Итоги* [1]). Онъ доказываетъ здѣсь между прочимъ, что съ неограниченною монархіей совмѣстны и свобода совѣсти, и самостоятельность церкви, и независимость суда, и свобода печати, и свобода передвиженія, и равенство въ податяхъ, и возможность защиты своего права. Почти всѣ эти вопросы государственной и общественной жизни становятся затѣмъ предметомъ обсужденія въ отдѣльныхъ его статьяхъ. Сюда относятся: статья *Свобода совѣсти* [2]), рядъ статей о свободѣ печати [3]). Свобода передвиженія стояла у насъ въ Россіи въ связи съ паспортною системой, въ свою очередь зависѣвшею

[1]) „Голосъ“ 1880 г., №№ 144, 147 и 151.
[2]) Тамъ же, № 127.
[3]) Тамъ же, №№ 104, 180, 181, 216, 277, 299, 300, 301, 312, 314, 331.

отъ податной. Въ прошлые годы Градовскій нѣсколько разъ, но совершенно безуспѣшно, обращалъ вниманіе на эти существенно важные вопросы народной жизни. Въ 1860 году онъ посвящаетъ паспортному вопросу обширную статью, помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ „Русской Рѣчи". Мы находимъ здѣсь живой историческій очеркъ взглядовъ правительства на паспорты и связанную съ ними свободу передвиженія. Онъ доказываетъ, между прочимъ, что „паспортная система наша, теоретически представляющаяся логическимъ послѣдствіемъ системы податной, фактически состоитъ съ ней въ прямомъ противорѣчіи".

Правильное рѣшеніе паспортнаго вопроса состоитъ, по мнѣнію Градовскаго, въ томъ, чтобы „не трогая общины и круговой поруки, видоизмѣнить, такъ сказать, *объектъ* мірской власти, видоизмѣнить *средства* обезпеченія исправнаго поступленія податей". А для этого требуется всеобщее измѣненіе нашей податной системы и достиженіе того, чтобы доля податей, приходящихся съ каждаго крестьянина, была обезпечена его надѣломъ. Такимъ образомъ, для улучшенія условій производительности крестьянскаго труда необходима не *одна реформа*, а двѣ — реформы податной и паспортной системы. — Свобода личности — это „больное мѣсто нашей общественной жизни" обсуждается Градовскимъ въ статьѣ *Личная свобода по русскому праву* [1]. Указавъ на созрѣвшее сознаніе о необходимости свободы для печати, для передвиженія, для совѣсти и для промышленности, Градовскій находитъ празднымъ и несбыточнымъ говорить о какихъ бы то ни было видахъ человѣческой свободы въ какой угодно области прежде, чѣмъ не обезпечена свобода личная. По мнѣнію Градовскаго, „маленькое примѣчаніе къ первой статьѣ „Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій" парализуетъ все сдѣланное до сихъ поръ нашимъ законодательствомъ для развитія общественной самодѣятельности и свободы". Главную причину вялости нашихъ общественныхъ учрежденій Градовскій видитъ „въ сознаніи своего личнаго

---

[1]) „Голосъ" 1880 г., № 192.

безправія предъ администраціей, присущемъ каждому, кто призванъ работать въ учрежденіяхъ общественныхъ".

Въ 1878 и 1879 годахъ Градовскій, какъ мы видѣли, далъ нѣсколько общихъ очерковъ нашего прошлаго, онъ изобразилъ въ нихъ общія основанія нашихъ общественныхъ недуговъ. Въ 1880 году онъ былъ такъ поглощенъ „организаціонными" работами правительства, что къ прошлому обращался единственно съ практическою цѣлью — выяснить ту или другую насущную потребность въ настоящемъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно было вспомнить исторію нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ учрежденій, подлежавшихъ, по мнѣнію Градовскаго, преобразованію. Онъ посвящаетъ статьи: Третьему Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи [1]), Комитету Министровъ [2]), Первому Департаменту Правительствующаго Сената [3]) и Государственному Совѣту [4]). Градовскій интересовался переустройствомъ не только центральныхъ учрежденій; мѣстное управленіе продолжаетъ привлекать его вниманіе. Въ январѣ 1881 года онъ подвергаетъ обсужденію положеніе комитета министровъ о полицейскихъ урядникахъ, обнародованное въ „Собраніи узаконеній" за 1878 годъ. Это побуждаетъ его выдвинуть общій вопросъ о томъ, чѣмъ должна быть мѣстная полиція въ Россіи въ отношеніяхъ къ другимъ мѣстнымъ учрежденіямъ. — 1-го марта 1881 года, въ тотъ самый день, когда спокойное теченіе русской государственной жизни было внезапно прервано темными силами анархіи, появилась статья Градовскаго *По поводу пересмотра крестьянскихъ учрежденій* [5]). Она была вызвана обнародованнымъ около того времени циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ земскимъ учрежденіямъ предоставлялось обсудить тогдашнее положеніе учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. Поставивъ общій вопросъ, необходимо ли особое крестьянское управленіе,

---

[1]) „Голосъ" 1880 г., № 65.
[2]) Тамъ же, № 244 и *Собр. соч.* VIII, 519—524.
[3]) Тамъ же, № 249 и *Собр. соч.* VIII, 525—530.
[4]) Тамъ же, № 256 и *Собр. соч.* VIII, 513—518.
[5]) Тамъ же, 1881 г., № 60.

иначе — нуждается ли крестьянское самоуправленіе въ особой, специально для него установленной опекѣ, Градовскій отвѣчаетъ на него отрицательно: система опеки съ 1837 по 1866 и съ 1861 по нынѣшній дала, по его мнѣнію, самые печальные результаты; она вызвала вырожденіе и самихъ крестьянскихъ властей и поставленныхъ надъ этими властями начальствъ и учрежденій. Причину, приведшую къ такимъ результатамъ, Градовскій усматриваетъ въ маломъ развитіи гражданскихъ правъ въ крестьянскомъ сословіи. „Намѣреніе дать печати опредѣленные законы,—разсуждаетъ онъ,—расширить свободу сужденій, улучшить положеніе нашихъ мѣстныхъ учрежденій, дать бо̀льшую обезпеченность личности человѣка—все это такія вещи, которымъ нельзя не радоваться отъ всей души. Но нельзя не видѣть, что всѣ эти гарантіи, всѣ эти новыя условія жизни высшихъ классовъ общества окажутся картонными сооруженіями, выстроенными на пескѣ, если многомилліонная масса русскаго народа не будетъ пріобщена къ этой общегражданской жизни. Всѣ хорошія сооруженія провалятся въ пучину крестьянскаго неустройства и пропадутъ безъ всякаго отзвука и слѣда“. „Для того, чтобы мы могли сдѣлать хотя бы малѣйшій шагъ, но прочный шагъ впередъ по пути нашего гражданскаго развитія, — заключаетъ Градовскій, — необходимо, чтобы на тотъ же путь было вызвано и крестьянское сословіе. Въ два слоя государству вездѣ жить трудно; особенно же это трудно въ Россіи, гдѣ одинъ „слой“ представляется десятками милліоновъ, а другой сотнями тысячъ“. Особенный интересъ представляетъ изслѣдованіе Градовскаго о переустройствѣ нашего мѣстнаго управленія, состоящее изъ четырехъ обширныхъ статей, появившихся въ концѣ января 1881 года [1]); мы находимъ здѣсь мѣткую характеристику современной организаціи губерніи и уѣзда, характеристику, основанную на глубоко научномъ, историческомъ изученіи нашихъ учрежденій. Кромѣ того, Градовскій предлагаетъ свой проектъ переустройства уѣзда, настаивая на необходимости начать преобразованіе мѣстнаго управленія именно съ уѣзда, а не съ губерніи.

[1]) „Голосъ“ 1881 г., №№ 18, 21, 25 и 29, а также *Собр. соч.* VIII, 531—563.

Несмотря на то, что все вниманіе Градовскаго было поглощено „организаціонными“ работами, что „практическіе“ вопросы, ставшіе во множествѣ на очередь, требовали отъ него упорнаго труда и постояннаго напряженія, ему пришлось тѣмъ не менѣе продолжать ту борьбу съ крайними партіями, на которую уходило столько силъ, столько времени въ предшествующіе годы. И нерѣдко, въ самый разгаръ работы надъ какимъ-нибудь назрѣвшимъ вопросомъ, приходилось вспоминать, что еще не наступило время для спокойной работы. Правда, опровергать нашъ соціализмъ, полемизировать съ анархическими утопіями почти уже не приходилось, не приходилось именно потому, что соціализмъ, по выраженію Градовскаго, былъ сбитъ съ позиціи удачными дѣйствіями верховной распорядительной коммиссіи, что его подпольные листки быстро „полиняли“, что его программы и прокламаціи стали утрачивать всякій интересъ, но зато обострилась борьба съ охранителями въ лицѣ двухъ-трехъ органовъ печати. Наиболѣе характернымъ въ полемикѣ съ редакціей „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ можно признать критическій отзывъ Градовскаго о выходившихъ въ 1880 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ бесѣдахъ о революціи, подъ заглавіемъ „Противъ теченія“ [1]). Эти бесѣды были написаны В. Кочневымъ (Н. Любимовымъ) по поводу второго тома извѣстнаго сочиненія Тэна о французской революціи; но цѣль ихъ — это провести параллели между современнымъ движеніемъ въ русскомъ обществѣ и революціей; цѣль ихъ представить въ истинномъ свѣтѣ французскую революцію, сдѣлавшуюся якобы предметомъ культа, распространеннаго и вкоренившагося въ нашемъ обществѣ. Градовскій, въ свою очередь, цѣлымъ рядомъ параллелей доказываетъ то глубокое различіе, которое отдѣляетъ старую Францію отъ современной Россіи. Обращаясь съ негодованіемъ къ московскимъ пріятелямъ, затѣявшимъ, по его мнѣнію, совсѣмъ некстати свою бесѣду о французской революціи, Градовскій спрашиваетъ ихъ: „что достойнѣе дѣлать въ эту минуту: показывать ли власти всю ея историческую и незыблемую *силу*, объяснять всю тщету „революціоннаго культа“, поддер-

[1]) См. „Голосъ“ 1880 г., № 223. *Разговоръ московскихъ пріятелей.*

живать въ ней вѣру въ себя и въ свой народъ и чрезъ то успокоивать и общество, поддерживая въ немъ вѣру во власть, или малевать предъ нею картину революціоннаго террора, засѣданія конвента, фигуру Марата, сентябрьскія бойни, зная при томъ очень хорошо, что ничего этого не можетъ быть въ Россіи?"

Наши „охранители" съ ихъ программами и пріемами были порождены тою тяжелою эпохой, которая наступила послѣ кратковременной преобразовательной дѣятельности правительства. Это сообщило „охранителямъ" характеръ реакціонеровъ, революціонныхъ консерваторовъ, какъ ихъ называлъ Самаринъ. Настоящія консервативныя силы могли выступить только съ наступленіемъ новаго времени, открывшаго свободу для дѣятелей тѣхъ обѣихъ нормальныхъ общественныхъ партій, о которыхъ Градовскій говорилъ въ своемъ этюдѣ *Что такое консерватизмъ*? Градовскій горячо привѣтствовалъ 30 ноября 1880 г. выступленіе съ печатнымъ словомъ такой консервативной силы въ лицѣ И. С. Аксакова, „столь долго хранившаго вынужденное молчаніе" [1]. „Можно съ нимъ не соглашаться,—замѣчаетъ Градовскій,—можно спорить съ нимъ до истощенія силъ, но никто не осмѣлится сказать, что мысли г. Аксакова не принадлежатъ ему, и что вѣрить ему нельзя". Въ самомъ непродолжительномъ времени Градовскому пришлось разойтись съ Аксаковымъ: поводъ былъ данъ московскимъ публицистомъ, заговорившимъ по случаю безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ о той лжи, которою будто окутана университетская молодежь либеральною партіей [2]). Градовскій выноситъ изъ писаній Аксакова такое впечатлѣніе, будто онъ не переживалъ со всѣмъ русскимъ обществомъ того тяжкаго времени, когда передъ нимъ постоянно носился революціонный кошмаръ, когда вездѣ, во всемъ и всегда признавалась грозная для государства опасность, когда ни печать, ни земство, ни города, ни суды — „ничто не ушло отъ этой точки зрѣнія, все было подведено подъ одинъ зрительный уголъ". Замѣчаніе Градовскаго, что Аксаковъ просмотрѣлъ все, что случилось въ послѣд-

---

[1]) „Голосъ" 1880 г., № 331.

[2]) Тамъ же, № 352.

нія двѣнадцать лѣтъ, чрезвычайно мѣтко опредѣляетъ отношеніе его политическаго міровоззрѣнія къ міровоззрѣнію московскаго славянофила: двѣнадцать лѣтъ тому назадъ онъ сошелся бы съ нимъ въ цѣломъ рядѣ такихъ вопросовъ, на которые теперь онъ смотритъ иначе, благодаря видѣнному и испытанному съ тѣхъ поръ. Въ появившейся почти одновременно статьѣ *Не архитектуры, а жизни* [1]) Градовскій повторяетъ свои замѣчанія въ нѣсколько иной формѣ: „весь вопросъ въ томъ, правильно ли поняты И. С. Аксаковымъ стремленія и нужды нашего времени? Не говоритъ ли онъ такъ, какъ слѣдовало говорить лѣтъ 25 тому назадъ?“ Отношеніе Аксакова къ новому времени, его разногласіе съ Градовскимъ объясняется тѣмъ, что онъ „остался вѣренъ ученію, въ свое время насмѣшливо названному славянофильскимъ“. Между тѣмъ все то, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія видѣлъ и испыталъ Градовскій, убѣждало его, во-первыхъ, въ томъ, что укрѣпленіе національности, т.-е. собирательной личности народной, невозможно безъ развитія и укрѣпленія личности человѣческой—это убѣжденіе отдаляло его отъ нашихъ абсолютистовъ и сближало съ либералами; во-вторыхъ, въ томъ, что реформы общественной и государственной жизни имѣютъ неотразимое вліяніе на правственный обликъ человѣка и населяемой имъ страны—это отдаляло его отъ нашихъ славянофиловъ, почвенниковъ, націоналистовъ, и опять-таки сближало съ либералами. Вотъ основанія для той внутренней борьбы, которую ему пришлось вести съ славянофилами и почвенниками, съ людьми, родственными ему по духу, но отличавшимися отъ него по политическому развитію. Не забудемъ, что въ этой борьбѣ на одной сторонѣ былъ юристъ, посвятившій себя изученію государственнаго права, а на другой—поэтъ Аксаковъ и писатель художникъ Достоевскій.

Скажемъ нѣсколько словъ о спорѣ Градовскаго съ Достоевскимъ. Достоевскій произнесъ на Пушкинскомъ праздникѣ въ 1880 году свою знаменитую рѣчь, въ которой высказалъ сущность своего міровоззрѣнія, далъ свое исповѣданіе вѣры. Впе-

[1]) „Русская Рѣчь“, декабрь 1880 г., а также *Собр. соч.* VI, 401—414.

чатлѣніе вдохновенная рѣчь Достоевскаго произвела подавляющее; это зависѣло не только отъ мастерского изложенія, отъ глубины чувства, въ ней отразившагося, но и отъ самой сущности выраженной въ ней мысли. Патріотизмъ русскаго человѣка, обыкновенно боязливый, неоткрытый, какъ бы стыдящійся самъ себя, нашелъ себѣ здѣсь не только отзвукъ, но и твердое основаніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой рѣчи прорвалось то исключительное настроеніе, къ которому привело Достоевскаго его націоналистическое міровоззрѣніе. Пытаясь опредѣлить сущность русскаго народнаго духа, охарактеризовать геній русскаго народа, онъ открылъ въ нихъ черты, отдѣляющія русскій народъ отъ всѣхъ прочихъ народовъ. „Русская душа, геній русскаго народа,—говорилъ Достоевскій,—можетъ быть, наиболѣе способна изъ всѣхъ народовъ вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго единенія, братской любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчіе“. Нравственныя сокровища духа, въ основной сущности своей, не зависятъ отъ экономической силы и отъ формъ гражданскаго быта. Русскій народъ могъ и можетъ проявить свои высокія стремленія и при несовершенномъ гражданскомъ устройствѣ и при нищетѣ экономической. Крѣпкому организму русскаго народа, духовному единенію земли русской, единенію вслѣдствіе котораго всѣ 80 милліоновъ населенія Россіи представляются какъ бы однимъ человѣкомъ, Достоевскій противополагаетъ Европу. Въ Европѣ, въ этой Европѣ, „гдѣ накоплено столько богатства, все гражданское основаніе всѣхъ европейскихъ націй — все подкопано и, можетъ быть, завтра же рухнетъ безслѣдно на вѣки вѣковъ“. „Между тѣмъ на этотъ, именно на этотъ подкопанный и зараженный ихъ гражданскій строй и указываютъ народу нашему, какъ на идеалъ, къ которому онъ долженъ стремиться, и лишь по достиженіи имъ этого идеала осмѣлиться пролепетать свое какое-либо слово Европѣ“. Кто же, по мнѣнію Достоевскаго, толкаетъ нашъ народъ на этотъ путь, кто ведетъ его къ гибели и обезличенію? Наша интеллигенція, наши западники, ослѣпшій и оторвавшійся отъ народа высшій слой его. Интеллигенція не поняла

своего назначенія, своей задачи; она должна искать правды не внѣ себя, а въ себѣ самой. „Не въ вещахъ эта правда,—восклицаетъ ораторъ,—не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою".

Изъ этихъ выписокъ ясно, что̀ долженъ былъ почувствовать Градовскій при чтеніи рѣчи Достоевскаго. Онъ прочелъ въ ней обвиненіе русской интеллигенціи, отрицаніе ея естественной и исторической задачи; онъ понялъ вмѣстѣ съ тѣмъ эту рѣчь какъ грозный предвѣстникъ реакцій. Обвиненіе интеллигенціи было несправедливо и односторонне; самъ Достоевскій въ своей рѣчи и въ своемъ введеніи къ рѣчи, появившемся въ августѣ въ „Дневникѣ писателя" объявилъ, что „стремленіе наше въ Европу, даже со всѣми увлеченіями и крайностями его, было не только законно и разумно въ основаніи своемъ, но и народно, совпадало вполнѣ со стремленіями самаго духа народнаго, а въ концѣ концовъ безспорно имѣетъ и высшую цѣль". Представителемъ, носителемъ этихъ стремленій оказывается наша интеллигенція; стремясь въ Европу, ища тамъ вещей полезныхъ русскому народу, она поступала не только законно и разумно, но и народно. Вотъ выводъ изъ словъ самого Достоевскаго. Въ чемъ же и за что же винитъ онъ эту нашу интеллигенцію? Градовскій рѣшился заговорить о своихъ сомнѣніяхъ въ статьѣ, напечатанной 25 іюня 1880 года [1]). Высоко уважая талантъ и искренность Достоевскаго, цѣня въ немъ великаго писателя родной земли, зная вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительность и сильно развитое самолюбіе автора, Градовскій высказываетъ эти сомнѣнія въ самой осторожной формѣ. Тѣмъ не менѣе онъ сгруппировалъ въ своей статьѣ, озаглавленной *Мечты и дѣйствительность*, не только рядъ недоумѣнныхъ вопросовъ, но и существенныхъ возраженій. Въ призывѣ Достоевскаго къ гордому человѣку смириться, сломить свою гордость, оставить праздность и потрудиться на родной нивѣ—заключенъ, по словамъ Градовскаго, „великій религіозный идеалъ, мощная проповѣдь *личной* нравственности, но нѣтъ и намека на идеалы *общественные*".

---

[1]) „Голосъ" 1880 г., № 174 и *Собр. соч.* VI, 375—383.

Это замѣчаніе самымъ яснымъ образомъ раскрываетъ намъ корень разногласія между Градовскимъ и Достоевскимъ. Источникъ нравственнаго совершенствованія Достоевскій видитъ только въ самомъ человѣкѣ; правду человѣкъ можетъ найти только въ самомъ себѣ. Отсюда слѣдуетъ, что зло, опутавшее человѣка, зло, отъ котораго онъ долженъ освободиться, лежитъ въ немъ самомъ; корень болѣзни въ гордости и самолюбіи человѣка. Но самъ же Достоевскій утверждалъ, что гордость и самолюбіе наше являются послѣдствіемъ отвлеченности и оторванности отъ почвы; почва же, способствовавшая отчужденію верхняго слоя, была создана реформами Петра и его преемниковъ. Слѣдовательно, зло лежитъ въ тѣхъ формахъ жизни, при которыхъ развивается человѣкъ. Такимъ образомъ, разногласіе приводило къ вопросу о возможности отдѣлить форму отъ духа; мы говорили выше, какой отвѣтъ далъ бы на этотъ вопросъ Градовскій. Здѣсь онъ на яркихъ примѣрахъ доказываетъ, что личная и общественная нравственность не одно и то же. „Отсюда слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—что никакое *общественное* совершенствованіе не можетъ быть достигнуто *только* чрезъ улучшеніе личныхъ качествъ людей, составляющихъ общество“.

Достоевскій былъ озадаченъ, оскорбленъ, возмущенъ статьей Градовскаго. Свое негодованіе онъ излилъ въ „Четырехъ лекціяхъ“, преподанныхъ какъ бы въ назиданіе ученому профессору, вздумавшему его учить. Тяжело отозвался на Градовскомъ грубый тонъ отвѣта Достоевскаго. Онъ рѣшилъ не продолжать полемики, хотя, какъ видно изъ сохранившагося въ его бумагахъ отрывка, онъ одно время думалъ возразить неожиданному своему антагонисту.

Градовскій былъ вообще принципіальнымъ противникомъ полемики. Правда, онъ неоднократно выступалъ въ „Голосѣ“ съ полемическими статьями, но это дѣлалось въ интересахъ газеты, которой неприлично отмалчиваться, которая должна настойчиво проводить свои мысли и убѣжденія. Полемика съ Достоевскимъ была бы вдвойнѣ тяжела Градовскому: онъ боялся обидѣть его новой статьей, такъ же какъ обидѣлъ и первою, но кромѣ того его поразили пріемы Достоевскаго, и

онъ считалъ даже унизительнымъ для себя отвѣчать ему. „Пришлось бы... ставить вопросы на чисто личную почву,—писалъ онъ въ частномъ письмѣ 17 августа,—т.-е. дѣлать то, чего я никогда не дѣлалъ и дѣлать не буду". Впрочемъ, статью *Тревожный вопросъ*, появившуюся 9 іюля 1880 года [1]), слѣдуетъ разсматривать какъ непосредственное продолженіе статьи *Мечты и дѣйствительность*, какъ развитіе той же темы объ отношеніи русскаго общества, русской интеллигенціи къ народу. Въ концѣ августа Градовскій возвращается еще разъ къ тому же вопросу о нашей интеллигенціи. 27 августа напечатана его статья *Либерализмъ и западничество* [2]): въ ней есть намекъ на то, что ему въ то время уже стали извѣстны „Четыре лекціи" Достоевскаго; поэтому ее можно признать какъ бы продолженіемъ спора, начатаго по поводу знаменитой рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ. Въ частномъ письмѣ отъ 21 августа онъ и прямо говоритъ объ этомъ, отмѣчая, что „Дневникъ" Достоевскаго слишкомъ личенъ, почему ему пришлось бы отвѣчать лично же: во избѣжаніе этого онъ и рѣшился возбудить нѣкоторый общій вопросъ.

Аксакова, какъ мы видѣли, Градовскій призналъ консервативною силой; но программа московскаго славянофила не подходитъ подъ то опредѣленіе консерватора, которое далъ намъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ трудовъ Градовскій. Аксаковъ не понималъ настоящаго, отворачивался отъ него, смотрѣлъ съ надеждой на будущее, думалъ, что въ немъ воскреснетъ въ новыхъ и при томъ небывалыхъ формахъ старая русская жизнь, грубо прерванная въ своемъ теченіи государственными преобразованіями Петра I, Екатерины II и Александра II. Градовскій, какъ указано выше, нѣсколькими мѣткими замѣчаніями разъяснилъ особенности міровоззрѣнія Аксакова: онъ проглядѣлъ настоящее, онъ писалъ и мыслилъ такъ, какъ слѣдовало писать и мыслить лѣтъ 25 тому назадъ, когда отрицаніе настоящаго и ближайшаго прошлаго было дѣйствительно залогомъ для лучшаго будущаго. Нападенія Аксакова направлены на

[1]) „Голосъ" 1880 г., № 188 и *Собр. соч.* VI, 384—393.
[2]) Тамъ же, № 236 и *Собр. соч.* VI, 394—400.

нашъ „европеизмъ“, на подражаніе Западу; совершившіяся реформы по этой причинѣ не дали народныхъ учрежденій, близкихъ сердцу русскаго человѣка; пройденный съ 1856 года путь ничуть не ближе русскому народу, чѣмъ та иноземная школа, которую ему навязывали раньше. Градовскій напомнилъ Аксакову, что, по собственному его признанію, движеніе 60-хъ годовъ имѣло результатомъ нѣчто дорогое, близкое и для него самого. „И это *нѣчто* опредѣлить очень легко: это былъ элементъ общественности, проникавшій, наконецъ, въ область приказнаго государства, образовавшагося по бюрократическому типу *старой* Европы“. Въ виду этого онъ предостерегаетъ Аксакова, указывая на неправильную оцѣнку, дѣлаемую имъ настоящему времени, и ошибность похода, веденнаго противъ него. „Мнѣ сдается,—говоритъ Градовскій,—что вашъ молотъ поднятъ не надъ врагомъ, но надъ другомъ, мнѣ сдается, что вашъ ударъ направленъ на едва начинающееся у насъ *національное* движеніе, явившееся на свѣтъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ“. Признаки недостаточнаго пониманія Аксаковымъ настоящаго времени Градовскій видитъ и въ томъ, что онъ не согласовалъ своего отрицательнаго къ нему отношенія съ нѣкоторыми положительными чертами, имъ самимъ отмѣченными: такъ, онъ признавалъ въ руководящей статьѣ № 1 „Руси“ царствованіе Александра II истинно освободительнымъ, а реформы, давшія организацію земства и земскаго самоуправленія, онъ считалъ вполнѣ народными и согласными съ направленіемъ старорусской жизни. Главная ошибка Аксакова состояла, по мнѣнію Градовскаго, въ томъ, что онъ не съумѣлъ или не захотѣлъ „выдѣлить дорогихъ намъ всѣмъ начатковъ національнаго движенія, связаннаго съ *освободительною* политикою нынѣшняго царствованія, изъ *старыхъ* вѣяній, сходящихъ уже со сцены и не имѣющихъ уже жизненной силы“.—Первое время существованія „Руси“ Градовскій и Аксаковъ дѣлали попытки взаимнаго сближенія; между ними завязалась оживленная переписка, изъ которой видно, что напр. въ январѣ 1881 года Аксаковъ желалъ непремѣнно найти почву для соглашенія. Но событіе 1-го марта окончательно устранило всякую возможность на-

пасть на такую почву: на либераловъ посыпались новые упреки, противъ нихъ возвели новыя обвиненія.

Прежде чѣмъ перейти къ роковому событію и неисчислимымъ послѣдствіямъ его, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о томъ вліяніи которое Градовскій начиналъ въ то время пріобрѣтать въ правительственныхъ сферахъ. Съ Н. С. Абазой его связывали близкія и дружественныя отношенія. Въ августѣ 1880 г. онъ познакомился съ Н. Х. Бунге. Въ іюнѣ того же года онъ вошелъ въ личныя сношенія съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, который выразилъ желаніе съ нимъ повидаться. Съ тѣхъ поръ Градовскому приходилось нерѣдко бывать у Лорисъ-Меликова и, конечно, бесѣды ихъ вертѣлись вокругъ злобы дня, вокругъ тѣхъ организаціонныхъ работъ, которыя, намѣрено было предпринять правительство.

Высокое одушевленіе Градовскаго, безкорыстная преданность отечеству вылились съ силой въ нижеслѣдующихъ строкахъ письма, написаннаго имъ женѣ 1-го іюня 1880 года. „Я дѣйствительно не весь принадлежу семьѣ, и это сознаніе доставляетъ мнѣ много горькихъ минутъ. Я дѣйствительно не могу справиться съ тою силою, которая мною владѣетъ и которая называется любовью къ отечеству. Бываютъ минуты, когда я дѣйствительно забываю все меня окружающее, когда одна неотступная мысль меня винтитъ, когда я запошусь вдаль, въ это лучшее будущее Россіи, самъ не зная какъ. Тогда я дѣйствительно не принадлежу семьѣ; но въ эти минуты я не принадлежу и себѣ. Я не живу тогда своею чисто индивидуальною жизнью, я какъ бы сливаюсь съ тѣмъ, что ниже и больше меня, я исчезаю въ немъ. Трудно передать это чувство исчезновенія, но это такъ, это вѣрно; другого слова не подберешь“.

VI.

Съ 1-го марта 1881 года началась для Градовскаго тяжелая, мучительная пора. Мы только что говорили о его кипучей дѣятельности, удивлялись его энергіи и отмѣчали даже излишній оптимизмъ, проглядывавшій почти во всѣхъ статьяхъ

его, начиная съ марта 1880 года. Совсѣмъ иное услышимъ мы и увидимъ теперь: неутѣшная грусть, безнадежная тоска, полное разочарованіе—вотъ чѣмъ смѣнилось доброе и свѣтлое его настроеніе.

Въ лицѣ императора Александра II Градовскій потерялъ не только горячо любимаго царя, реформы котораго призвали его къ благородному служенію великому дѣлу, но и дорогого, близкаго его сердцу человѣка: съ именемъ Александра II онъ, въ теченіе двадцати лѣтъ своей публицистической и ученой дѣятельности, соединялъ все лучшее, что видѣлъ въ Россіи, все то, „чѣмъ живетъ современный русскій человѣкъ, все, чѣмъ онъ дорожитъ", все, „на чемъ лежитъ печать общественности и нѣкоторой гражданской свободы". Завѣтъ покойнаго царя, какъ его понималъ Градовскій, требовалъ отъ него, какъ отъ всякаго, кому дороги интересы отечества, посильной работы къ его выполненію. Градовскій думалъ продолжать свою работу, думалъ видѣть продолженіе той органической эпохи, наступленіе которой онъ привѣтствовалъ годъ тому назадъ. Вопросъ „что же дѣлать теперь?" получалъ у него вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: „Должно искать указаній въ томъ, что хотѣлъ совершить въ Бозѣ почившій Императоръ. Должно всемѣрно отвращаться отъ того, что сдѣлало Его время временемъ *переходнымъ* и что зависѣло не отъ Него, а отъ исполнителей Его воли". Въ этомъ отвѣтѣ содержалось уже предчувствіе, что желаніямъ этимъ не суждено исполниться; катастрофа 1-го марта вызывала воспоминанія о ея предвѣстникахъ и соединяла въ одно грозное цѣлое дни 5-го февраля 1880 года, 2-го апрѣля 1879 года и др.; эти воспоминанія питали все усиливавшуюся реакцію; за этими днями могъ затеряться и смыслъ только-что пережитой эпохи, ознаменованной днями 12 февраля, 20 октября, 6 августа 1880 года; благодатныя вѣянія ея, здоровыя начинанія, новыя преобразованія—все это можетъ стать предметомъ отрицанія.

Тѣмъ бдительнѣе, думалъ Градовскій, надо стоять на стражѣ отечественныхъ интересовъ, тѣмъ рѣшительнѣе должно бороться противъ поползновеній реакціонныхъ элементовъ. Капиталь-

нѣйшимъ вопросомъ нашей внутренней жизни является слѣдующій: полезны или вредны начала, внесенныя въ наше законодательство въ теченіе царствованія императора Александра II, и должно ли желать ихъ дальнѣйшаго развитія? Для него, для той партіи, которая вызывала ожесточенныя нападки революціонеровъ, вопросъ этотъ былъ безповоротно рѣшенъ въ смыслѣ вполнѣ опредѣленномъ. Этимъ рѣшеніемъ опредѣлялась и дальнѣйшая программа дѣйствій, ожидаемыхъ отъ правительства: оно должно идти путемъ дѣйствительнаго развитія совершонныхъ реформъ, всячески отвращаясь какъ отъ реакціи, такъ и отъ *призрачнаго* прогресса, который еще хуже и опаснѣе открытой, прямой реакціи. Но реакція дала знать себя очень скоро: первые удары были направлены противъ печати; сначала послѣдовали предостереженія и временныя пріостановки, а затѣмъ и окончательныя прекращенія изданій. Выходъ въ отставку начальника Главнаго управленія по дѣламъ печати Н. С. Абазы только немногимъ предшествовалъ отставкѣ другихъ министровъ и между прочимъ гр. Лорисъ-Меликова, такъ тѣсно связавшаго свое имя съ „органическою“ эпохой 1880 года.

Уже въ началѣ апрѣля у Градовскаго, какъ говорится, опустились руки: это всего лучше видно изъ того неожиданнаго обмѣна мнѣній, въ который ему пришлось вступить съ газетой „Порядокъ“. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ было выражено желаніе, чтобы вопросы, выдвинутые на очередь передъ страшнымъ событіемъ 1-го марта, получили дальнѣйшее движеніе; въ числѣ такихъ вопросовъ газета указывала на вопросъ о *печати*, долженствовавшій получить разрѣшеніе путемъ изданія новаго закона по этому предмету. Вспоминая свои собственныя статьи за прошлый 1880 годъ, гдѣ доказывалась необходимость свободы печати въ границахъ, твердо опредѣленныхъ закономъ, Градовскій въ статьѣ *Благочестивыя желанія* [1]) замѣчаетъ: „но съ нашей стороны было бы очень странно, даже наивно не принимать въ разсчетъ указаній опыта, свидѣтельствующихъ о примѣнимости того или

[1]) „Голосъ“ 1881 г., № 97.

другого общаго начала къ нашимъ спеціальнымъ условіямъ. Опытъ послѣдняго года и послѣдняго страшнаго мѣсяца въ этомъ отношеніи выразителенъ и поучителенъ". „Сомнѣваемся, продолжаетъ Градовскій,—чтобы бо́льшая доза свободы, предоставленной печати, при маломъ развитіи чувствъ терпимости и законности въ другихъ отношеніяхъ, могла уцѣлѣть долго". „Мы хотимъ свободы печати, но не думаемъ, чтобы она могла быть создана особыми законами о печати. Для того, чтобы печать могла быть свободна, общество должно быть воспитано въ чувствахъ терпимости и законности, извѣстными *общими* мѣрами, улучшеніями и законами". Статья Градовскаго обратила на себя вниманіе газеты „Порядокъ", которая поняла ея смыслъ такъ, что законодатель долженъ ждать исправленія „литературныхъ нравовъ", прежде дарованія печати бо́льшей свободы. Отвѣчая „Порядку", Градовскій въ статьѣ *Интересы дня* [1]) яснѣе развиваетъ свою мысль: онъ сомнѣвается, „чтобы начало законности могло быть водворено въ одномъ уголкѣ нашей общественной жизни, безъ соотвѣтствующаго водворенія его въ другихъ уголкахъ и углахъ". Прежде всего должны быть установлены начала общей политики. „Такъ какъ начала эти не опредѣлены,—заключаетъ Градовскій,—лучше не трогать вопросовъ частныхъ". — Ясно, что Градовскій не ждетъ удовлетворительнаго разрѣшенія началъ общей политики: многое указывало на то, что систематическая, твердая и послѣдовательная политика, которой желаетъ отъ правительства Градовскій, будетъ поведена въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ то, при которомъ возможно созданіе и упроченіе свободы для печати. Но въ первые мѣсяцы царствованія Александра III это новое направленіе еще не выяснилось: еще слишкомъ сильно было вліяніе отходившей въ прошлое эпохи, слишкомъ живы традиціи, шедшія отъ преобразовательнаго періода 1856—1866 годовъ, чтобы можно было сразу перейти на другой путь.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ отношенія Градовскаго

---

[1]) „Голосъ" 1881 г., № 99.

къ вопросу о печати, онъ не считалъ возможнымъ въ первые мѣсяцы послѣ 1-го марта переходить къ толкамъ о злобѣ дня, обсуждать съ точки зрѣнія этой злобы дня тотъ или другой спеціальный вопросъ. Способность обобщать явленія, усматривать тѣсную связь между разрозненными сторонами государственной и общественной жизни вела Градовскаго къ общимъ началамъ политики, а ихъ было и неудобно и нежелательно касаться. Тѣмъ не менѣе появленіе за границей книги „Письма о современной Россіи" вызвало его на обсужденіе общаго положенія нашей внутренней политики. Желаніе высказаться по жгучимъ и наболѣвшимъ вопросамъ побудило Градовскаго посвятить ей обширную статью *Наши язвы* [1]). Въ названной книгѣ, какъ и во многихъ правительственныхъ актахъ, многихъ запискахъ и проектахъ, Градовскій открываетъ вліяніе, той. столь вредной для правильнаго развитія страны, особой точки зрѣнія на правительственныя задачи, которую онъ называетъ „высшею политикой". Авторы рекомендуютъ рядъ либеральныхъ мѣропріятій, имѣя въ виду не назрѣвшія потребности русскаго общества, не дѣйствительныя нужды народа, а ту пользу, которую онѣ принесутъ въ борьбѣ съ анархическими ученіями, съ растущею крамолой. Градовскій рѣшительно настаиваетъ на томъ, что достоинство общихъ государственныхъ мѣръ нельзя оцѣнивать съ точки зрѣнія одного, спеціальнаго явленія. „Нельзя оцѣнивать достоинства земскихъ учрежденій, новыхъ судовъ, законовъ о печати и т. д. съ точки зрѣнія развитія или упадка революціонныхъ стремленій въ незначительной части общества". Переходя къ дѣйствительнымъ нуждамъ страны, Градовскій находитъ, что задача нашего времени состоитъ въ слѣдующемъ: „должно закончить процессъ общественнаго перерожденія, въ которомъ мы находимся: ненормальный ходъ его доказывается такими симптомами, какъ нигилизмъ, соціализмъ, анархизмъ. Закончить же этотъ процессъ можно только при одномъ условіи, признавъ, что въ русскомъ обществѣ накопилась извѣстная сумма новыхъ потребностей, новыхъ взглядовъ и стремленій, вполнѣ законныхъ

[1]) „Голосъ" 1881 г., №№ 194 и 198.

и нисколько не противорѣчащихъ исторической вѣрѣ въ верховную власть".

Мы говорили выше о личныхъ отношеніяхъ, связывавшихъ Градовскаго съ гр. Лорисъ-Меликовымъ; они отмѣчены и въ литературѣ. Кое-гдѣ высказаны предположенія, что Градовскій былъ авторомъ проекта конституціи, которую будто хотѣлъ провести гр. Лорисъ-Меликовъ. Мы можемъ указать на положительные факты, подавшіе поводъ къ подобнымъ предположеніямъ; до насъ дошла „Записка", представленная Градовскимъ правительству въ мартѣ 1881 года. Въ ней начертана весьма опредѣленная программа, не нуждающаяся даже въ комментаріяхъ. Дѣло идетъ не объ ограниченіи власти, ни даже о самоограниченіи ея, а объ избраніи ею новыхъ способовъ управленія, о созданіи по свободному ея почину новыхъ формъ государственной жизни, имѣющихъ цѣлью не связать ее, а напротивъ вооружить болѣе совершенными средствами въ ея заботахъ объ интересахъ страны. Въ заключительной части „Записки" Градовскій указываетъ на необходимость установленія однороднаго министерства, руководимаго лицомъ, составившимъ кабинетъ по порученію верховной власти; далѣе отмѣчена неизбѣжность отвѣтственности министровъ передъ Первымъ Департаментомъ Сената; наконецъ, предложено образованіе при Государственномъ Совѣтѣ постоянной *совѣщательной* коммиссіи, составленной изъ лицъ, ежегодно избираемыхъ губернскими земскими собраніями. „Въ эту коммиссію надлежало бы вносить предварительно все то, что вносится нынѣ непосредственно въ Государственный Совѣтъ, который такимъ образомъ, приступая къ разсмотрѣнію законопроектовъ, имѣлъ бы уже предъ собою мнѣніе по онымъ коммиссіи".

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, насколько цѣлесообразны были мѣры, предлагавшіяся Градовскимъ, отвѣтили ли бы онѣ потребностямъ русскаго общества, успокоили ли бы онѣ народъ, встревоженный дерзкимъ цареубійствомъ. Для насъ важно отмѣтить, что, во-первыхъ, само правительство разрабатывало въ то время вопросъ о созывѣ представителей отъ разныхъ губерній, которымъ должно было быть предложено высказаться

о мѣрахъ борьбы противъ крамолы; во-вторыхъ, что партія, привѣтствовавшая „новыя вѣянія“ 1880 года, не шла въ своихъ желаніяхъ дальше самыхъ скромныхъ предѣловъ общественнаго участія въ разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ желаніямъ, она возстановила противъ себя партію охранителей, которые не преминули заговорить о посягательствѣ либераловъ на власть, объ ихъ стремленіяхъ навязать Россіи западно-европейскія конституціонныя формы. Катастрофа 1881 года обострила всѣ отношенія; она стала началомъ продолжительной смуты, стремившейся во что бы то ни стало пріостановить мирное и законное развитіе страны. Эта смута заволокла всѣ государственные и общественные вопросы густымъ, непроницаемымъ туманомъ. Въ этомъ туманѣ люди не узнавали другъ друга, широкіе пути были оставлены, почти всѣ избѣгали ихъ и избирали себѣ узкія невѣдомыя тропинки.

Все это въ сильной степени отразилось на Градовскомъ; кругъ его знакомства сузился, пришлось разойтись со многими близкими и преданными друзьями (напр. со Страховымъ), пришлось порвать связи съ разными литературными кружками и редакціями (напр. лѣтомъ 1881 года съ редакціей „Русской Рѣчи“, руководимой Навроцкимъ). Градовскій сталъ замыкаться въ узкую семью близкихъ ему по взглядамъ людей: но этому кружку не предстояло движенія впередъ, свободнаго, непринужденнаго развитія; у него было отнято главное—надежда. Тѣмъ упорнѣе сталъ отстаивать Градовскій пережитое прошлое, тѣмъ сильнѣе и убѣжденнѣе становится его защита совершившихся преобразованій, тѣмъ грознѣе выступаетъ онъ противъ смуты.

Разгаръ борьбы со смутой можно отнести къ 1882 и 1883 годамъ. Но она началась гораздо раньше. Главными представителями ея Градовскій признавалъ Каткова и Аксакова. „Редакторъ „Руси“ на страницахъ своей газеты и съ ораторской каѳедры,—пишетъ Градовскій въ апрѣлѣ 1881 года,—[1]) вопіетъ объ „измѣнѣ“ интеллигенціи, обязательно указывая на нее „народному гнѣву“. Редакторъ „Московскихъ Вѣдомо-

[1]) „Голосъ“ 1881 г., № 97.

стей" глумится надъ судомъ, которому поручено разсмотрѣніе дѣла 1-го марта. Онъ негодуетъ на судъ, зачѣмъ онъ поступаетъ по закону. Онъ рекомендуетъ назначеннымъ судомъ защитникамъ подсудимыхъ не исполнять своихъ законныхъ обязанностей... Онъ не только не отстаетъ отъ редактора „Руси" по части искорененія „гнилыхъ либераловъ" и „лакеевъ Запада", но превосходитъ его". Вотъ впечатлѣнія, вынесенныя Градовскимъ за одинъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ 1-го марта. Но онъ различаетъ своихъ противниковъ. „Рѣчь редактора „Руси" крайне туманна,—продолжаетъ онъ съ рѣдко его оставлявшимъ юморомъ.— Читая ее, никакъ не поймешь, что̀ надлежитъ дѣлать: бить или плакать. У г. Каткова, напротивъ, все понятно: надлежитъ бить".

Сущность того, что̀ предлагалъ Аксаковъ послѣ катастрофы 1-го марта. происшедшей, по его мнѣнію, отъ того, что высшіе слои общества, усвоивши себѣ европейское просвѣщеніе, измѣнили своему народу и его политическимъ идеаламъ, сводилась, по словамъ Градовскаго, къ мнѣнію, что „единственныя реальныя и здоровыя силы страны: державная власть и народъ должны придти въ непосредственное соприкосновеніе и единиться безъ всякаго средостѣнія, въ видѣ интеллигенціи". Замѣчательна краткая оцѣнка этому мнѣнію, сдѣланная Градовскимъ. „Такъ говорятъ люди, которые, нужно сказать, наиболѣе искренни, но у которыхъ славянофильская доктрина, не обновлявшаяся дальнѣйшимъ развитіемъ нашей общественной жизни, выродилась, наконецъ, въ тираду, въ наборъ словъ, повторяемыхъ до умопомраченія и усохнутія горла". Градовскій упрекаетъ Аксакова за его туманныя фразы. Онъ проситъ его разъяснить, въ какомъ видѣ и въ какой формѣ можетъ состояться единеніе власти съ народомъ. „Разъ вы заговорили объ единеніи, на васъ лежитъ обязанность указать на его формы". Онъ напоминаетъ Аксакову, что Россія, даже разбившись на самые благоустроенные „уѣзды" (о которыхъ мечталъ редакторъ „Руси"), должна будетъ имѣть органы для завѣдыванія общими дѣлами, для веденія національной политики. Обострившійся споръ съ „Русью" побудилъ Градовскаго дать теоретическое освѣ-

щеніе политическаго ученія И. С. Аксакова, разсмотрѣть сущность понятій, связанныхъ съ именемъ К. С. Аксакова и усердно пропагандируемыхъ газетой „Русь". Въ статьѣ *Славянофильская теорія государства* [1]) Градовскій подвергаетъ подробному разбору „теорію юридически-безформеннаго государства, государства „по душѣ", государства, построеннаго на однихъ нравственныхъ началахъ".

Въ № 2 отъ 2-го августа 1881 года „Новой Газеты", ставшей выходить вмѣсто подвергшагося запрещенію „Голоса", Градовскій въ фельетонѣ, озаглавленномъ *Въ ожиданіи*, рѣзко осмѣялъ нѣкоторыя изъ самобытническихъ теорій И. С. Аксакова, къ которымъ принадлежало и его мнѣніе о двухъ началахъ, проходящихъ сквозь всю исторію нашего внутренняго сложенія,—началѣ общественномъ, общинномъ, мірскомъ и началѣ личномъ, носителями котораго были князь или царь и служилые люди. Не опровергая этого страннаго афоризма, Градовскій беретъ рѣшительно подъ свою защиту русскую бюрократію, которую „Русь" подвергала систематическимъ нападеніямъ, и доказываетъ, что постепенное обновленіе формъ государственной жизни будетъ содѣйствовать и общему улучшенію нашей бюрократіи.

Полемика съ Аксаковымъ, какъ ни рѣзка она была по формѣ, не мѣшала Градовскому питать и симпатію и уваженіе къ московскому славянофилу. До насъ дошло его письмо къ женѣ отъ 30 декабря 1881 года, гдѣ онъ описываетъ свое свиданіе съ Аксаковымъ. „Вчера былъ у Кошелева, гдѣ состоялось мое свиданіе съ Аксаковымъ, въ присутствіи многочисленнаго общества. Свиданіе было очень дружелюбное и мы цѣлый вечеръ спорили до слезъ, но въ наилучшей „формѣ" и разстались по-пріятельски. Завтра буду у него, по его приглашенію. Уморительнѣе всего, что „компанія", собравшаяся у Кошелева, ожидала пѣтушьяго боя между двумя разъяренными соперниками. Мы бесѣдовали вдвоемъ, при всеобщемъ безмолвіи и напряженномъ вниманіи общества... Завтра мы увидимся съ нимъ наединѣ и я поговорю съ нимъ обстоятельно".

[1]) „Голосъ" 1881 г., № 159 и *Собр. соч.* VI, 412—423.

Тяжелый, полный горестныхъ утратъ 1881 годъ унесъ въ могилу дорогого для Градовскаго человѣка въ лицѣ князя Васильчикова. 11 октября онъ напечаталъ очеркъ общественной дѣятельности этой оригинальной и симпатичной личности [1]. Въ отношеніяхъ князя Васильчикова къ славянофильству Градовскій видѣлъ черты, сходныя съ тѣми, которыми опредѣлялись и его собственныя отношенія къ этому старому ученію. „Князь Васильчиковъ—говоритъ Градовскій—не былъ „славянофиломъ", особенно славянофиломъ новѣйшей формаціи. Другъ Ю. Самарина, онъ не подписался бы подъ тѣмъ, что нынѣ проходитъ подъ этимъ почтеннымъ знаменемъ. Если называть Васильчикова славянофиломъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, то мы назвали бы его славянофиломъ обратнымъ". Въ краткихъ словахъ Градовскій опредѣляетъ существенныя разногласія между княземъ Васильчиковымъ и славянофиломъ Аксаковымъ. „Нынѣшніе славянофилы „отвергаютъ" главнымъ образомъ „культуру" Европы, но по части экономическихъ идеаловъ обнаруживаютъ склонность къ теоріямъ „лэндлордовъ". Васильчиковъ глубоко уважалъ европейскую культуру, но скептически относился къ экономическому строю Европы".

Кн. Васильчиковъ въ послѣдніе годы своей жизни живо сознавалъ свое единомысліе съ Градовскимъ. Въ письмѣ отъ 10 іюня 1880 года онъ убѣждалъ Градовскаго принять на себя редакторство журнала, который онъ задумалъ основать на свои средства. „Основныя цѣли предполагавшагося органа заключались въ томъ, чтобы способствовать разъясненію задачъ въ развитіи реформаторскаго направленія во внутренней жизни, въ выясненіи экономическихъ потребностей народа [2]. Я полагаю,—писалъ онъ,—что намъ, людямъ отживающимъ, надо, если имѣются средства, основать что-либо полезное для будущаго и такимъ полезнымъ дѣломъ я считаю журналъ подъ вашей редакціей, который бы ратовалъ не за формы и доктрины, а за дѣло, пользы и нужды". „Сотрудничества вашего,—читаемъ мы выше,—недо-

[1]) „Недѣля" № 41. Перепечатанъ у Голубева „Кн. Ал. Илл. Васильчиковъ", Спб. 1882, прил., стр. 8—15.

[2]) Голубевъ, тамъ же, стр. 141.

статочно для полнаго успѣха; надо, чтобы публика знала, что журналъ будетъ проводить тѣ мнѣнія, которыя мы съ вами всегда, и почти всегда согласно, защищали... Вы положительно лучшій публицистъ нашего времени, внушающій наиболѣе довѣрія здравой части русской публики". Градовскій отклонилъ отъ себя это приглашеніе и намъ неизвѣстно, чѣмъ вообще кончилось все это дѣло, которое князь Васильчиковъ думалъ одно время вести вмѣстѣ съ Навроцкимъ, редакторомъ „Русской Рѣчи".

Высочайшій манифестъ 29 апрѣля 1881 года возвѣстилъ русскому обществу, что правительство Александра III не только не отрекалось отъ преобразованій прошлаго царствованія, но вознамѣрилось даже утвердить ихъ во всей ихъ правдѣ. Тѣ руководители общественнаго мнѣнія, къ которымъ все больше прислушивалось правительство, думали, однако, иначе: публицисты охранительнаго лагеря Аксаковъ и Катковъ, исходя изъ разныхъ основаній, доказывали несостоятельность реформъ, настаивали на вредныхъ послѣдствіяхъ ихъ, выставляли ихъ источниками нашихъ внутреннихъ недуговъ, виновниками успѣха соціалистическихъ и анархическихъ ученій въ нашемъ отечествѣ и, такимъ образомъ, расширяли понятіе крамолы до послѣднихъ предѣловъ. Въ 1882—1883 годахъ все вниманіе Градовскаго было поглощено борьбою со смутой, поднятою этими „ненормальными" и „неисторическими" направленіями. Борьба была напряженная; она велась на нѣсколько фронтовъ, такъ какъ врагъ былъ не одинъ, такъ какъ средства, пущенныя въ ходъ противниками реформъ, успѣли отвлечь отъ нихъ значительную часть общества и съузить кругъ убѣжденныхъ защитниковъ того пути, съ котораго стала понемногу сдвигаться русская колесница. Самъ Градовскій задачу своей дѣятельности опредѣлялъ въ 1882 году какъ борьбу со смутой. „Безплодныя мечтанія нашихъ „самобытниковъ" плодятъ смуту, способную питать именно крамолу. Средства репрессіи, рекомендуемыя другими, ведутъ къ тому же результату", — писалъ Градовскій 4 апрѣля [1]).

[1]) „Голосъ" 1882 г., № 87.

Что же разумѣлъ Градовскій подъ смутой? То печальное направленіе, которое, все сильнѣе обнаруживаясь въ нѣкоторыхъ органахъ печати, призывало правительство на отчаянную борьбу со всѣмъ „еже есть сущаго", какъ любилъ выражаться Градовскій, на борьбу съ печатью и съ университетами, съ „Западомъ" и „Востокомъ", съ русскими инородцами и съ инородными русскими, съ молодежью *вообще*, съ просвѣщеніемъ вообще и т. д., и т. д. „Эту безтолковую и вредную работу,—писалъ Градовскій,—мы назвали смутой, искусственно плодящею недовольство"[1]. Но смута была сильна не только отрицаніемъ; отрицаніе не могло бы быть продолжительнымъ; оно запуталось бы во внутреннемъ своемъ безсиліи. Смута выдвинула нѣсколько положительныхъ идей, имѣвшихъ рѣшающее вліяніе на ходъ нашей внутренней политики. Градовскій подробно охарактеризовалъ оба враждебныхъ дѣлу преобразованій лагеря и отмѣтилъ ихъ значеніе въ нашей жизни[2]. Въ одномъ лагерѣ, вдохновленномъ идеями Аксакова, реформы Александра II осуждались не во всемъ ихъ объемѣ, а только постольку, поскольку онѣ отразили въ себѣ не народныя, а западно-европейскія начала: освобожденіе крестьянъ, развитіе мѣстнаго управленія, извѣстная свобода печати и совѣсти —все это признавалось цѣннымъ благомъ. „На этой почвѣ,—пишетъ Градовскій, — создалась нижеслѣдующая „программа": удержать изъ реформъ то, что въ нихъ есть народнаго, и даже продолжить ихъ развитіе въ *народномъ* духѣ, но тщательно уничтожить и изгладить то, что въ нихъ было европейскаго". Другой лагерь, отвѣчавшій понятіямъ Каткова, осуждалъ въ преобразованіяхъ прошлаго царствованія не ихъ европеизмъ, не отступленіе ихъ отъ историческихъ началъ русской жизни: „то, что ему претило въ преобразованіяхъ Александра II,—продолжаетъ Градовскій,—было „послабленіе", нѣкоторое „самоотреченіе власти"—терминъ, которымъ обозначались извѣстныя права, дарованныя великодушнымъ преобразователемъ земству, городамъ, университетамъ, печати и судамъ". Возникшая вслѣдствіе этого „распущенность" имѣла слѣдствіемъ, съ одной сто-

[1]) „Голосъ" 1882 г., № 94.
[2]) Ср. напр. „Голосъ" 1883 г., № 1.

роны, развитіе крамолы, а съ другой—всеобщую „расшатанность“. Средствомъ противъ того и другого признавалось усиленіе власти, отсутствіе всякихъ „послабленій“, прекращеніе какихъ бы то ни было „самоотреченій“.

Перевѣсъ оказался сначала за первымъ изъ обоихъ направленій. Лагерь „народниковъ“ выдвинулъ программу „народной политики“. Въ правительственной дѣятельности она сказалась въ той политикѣ, которой держался преемникъ графа Лорисъ-Меликова по должности министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Игнатьевъ. Въ „народной политикѣ“ выдѣлялись два ряда задачъ: съ одной стороны, отрицательное отношеніе къ европейскимъ началамъ жизни, проникшимъ черезъ реформы Александра II и представленнымъ партіей „либераловъ“, съ другой—положительныя стремленія развить реформы въ народномъ духѣ и содѣйствовать народному благосостоянію. „Народная политика“ продержалась до середины 1882 года и была во все это время предметомъ сильныхъ нападокъ со стороны Градовскаго. Эта политика вносила прежде всего противоположеніе „народа“ образованнымъ классамъ: въ Россіи оказывалась не одна нація, а двѣ; все относившееся къ первой изъ нихъ, къ народу—признавалось выраженіемъ истинно-русскаго чувства, такъ какъ эта „нація“ держалась на вѣковыхъ историческихъ устояхъ, имѣла свою самобытность, свой незыблемый „укладъ“; все исходившее отъ второй націи, отъ образованныхъ классовъ—напоминало смуту и измѣну, сознательную и несознательную измѣну народу, вслѣдствіе стремленія ея изобразить Европу въ Россіи. Сообразно съ этимъ вопросы внутренней жизни, потребности, ею выдвигавшіяся, разсматривались прежде всего съ точки зрѣнія ихъ народности или ненародности: только сознанная народомъ потребность, только то, что содѣйствуетъ его благосостоянію, подлежитъ удовлетворенію. Такимъ образомъ, подъ „народной политикой“ разумѣлась совокупность мѣръ, долженствовавшихъ „облагодѣтельствовать“ низшіе классы населенія, поставивъ ихъ въ окончательную *противоположность* классамъ образованнымъ, заподозрѣннымъ во всякихъ противогосударственныхъ и противонаціональныхъ стремленіяхъ.

Эта политика была насковозь проникнута началомъ опеки: самодѣятельности народной не оставлено мѣста. Правительство брало на себя иниціативу въ цѣломъ рядѣ экономическихъ реформъ, касавшихся народа: къ этому времени относятся возбужденіе переселенческаго вопроса, вопроса о крестьянскомъ банкѣ, первые шаги къ уменьшенію выкупныхъ платежей и многое другое. Не эти начинанія, а направлявшая ихъ политика вызывала опасенія Градовскаго: „Мы говоримъ противъ этой „политики",—писалъ онъ,—потому что, по нашему мнѣнію, здравая народная политика должна обезпечивать и улучшать условія народной *самодѣятельности* путемъ доставленія народу бо̀льшихъ средствъ защиты его правъ, облегченія финансовыхъ тягостей, на немъ лежащихъ, распространенія просвѣщенія въ народѣ, а не путемъ прямого благодѣтельствованія" [1]). Но кромѣ этого, народная политика представлялась Градовскому несостоятельною вслѣдствіе именно лежавшаго въ ея основаніи противоположенія народа и ненарода, нуждъ народныхъ и ненародныхъ. Неминуемымъ результатомъ опеки, разсуждалъ Градовскій, какой бы она ни имѣла характеръ и направленіе, должны быть застой и парализованіе живыхъ силъ страны. „Расширяйте средства народнаго образованія,—писалъ онъ,—укрѣпляйте въ народѣ сознаніе правъ и улучшайте средства самостоятельной его защиты, и вы больше сдѣлаете для народнаго благосостоянія, чѣмъ множествомъ внѣшнихъ благодѣяній и всяческимъ „показаніемъ пути" въ административномъ порядкѣ [2])".

„Народная политика" проявилась и во внѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ. Какъ и всякое охранительное направленіе, она выдвигала на первый планъ вопросы внѣшняго могущества, „міродержавства". Въ тѣсной связи съ народничествомъ во внутреннихъ дѣлахъ нашихъ стояли воинственныя рѣчи Скобелева, призывавшаго славянскій міръ къ рѣшительной борьбѣ съ германскимъ; общественное мнѣніе въ лицѣ нѣкоторыхъ органовъ печати высказывалось за необходимость сильной внѣшней по-

---

[1]) „Голосъ" 1882 г., № 256.

[2]) Тамъ же, № 279.

литики. Не сочувствуя показному проявленію „лжепатріотизма", Градовскій постоянно повторялъ, что внѣшнее значеніе Россіи, такъ же какъ ея силы на окраинахъ, зависятъ прежде всего отъ того, „въ какой мѣрѣ будутъ улучшены условія гражданской жизни внутри Россіи и, сообразно съ этимъ, поднимется гражданскій духъ всего населенія отъ верхняго слоя до нижняго" [1]).

„Народная политика" требовала высокаго держанія русскаго знамени и передъ „инородцами". Это высокое держаніе повело не только къ травлѣ въ газетахъ и журналахъ сначала евреевъ, а потомъ и нѣмцевъ, но и къ болѣе практическимъ послѣдствіямъ, а именно къ цѣлому ряду еврейскихъ погромовъ. Травлю инородцевъ Градовскій ставитъ въ связь со всеобщею травлею, затѣянною нашими шовинистами. „Съ того самаго момента,—говорилъ онъ,—какъ они почуяли въ себѣ „силу", всѣ усилія ихъ направлены на розыскъ „врага". Кто мѣшаетъ ихъ полному благополучію? Кто стоитъ поперекъ дороги? Сегодня это — „интеллигентъ", завтра „жидъ", послѣзавтра университеты и новые суды, потомъ „нѣмецъ" [2]).

Но главнымъ предметомъ травли для торжествующихъ „народниковъ" были наши либералы. Ихъ обвиняли въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ противъ русскаго народа: въ распространеніи отрицательнаго отношенія къ русскимъ народнымъ началамъ и между прочимъ къ допетровскимъ порядкамъ, гдѣ они нашли свое выраженіе; въ изображеніи народа темною силой и призывѣ къ правительству взнуздать его; въ подавленіи всякаго проявленія здороваго національнаго чувства; въ глумленіи надъ нимъ и въ охлажденіи общества въ моменты его благородныхъ порывовъ. Особенно странно было обвиненіе „европейничающей", а вмѣстѣ и „либеральничающей" части нашего общества въ стремленіи къ господству надъ народомъ, въ желаніи посягнуть на его свободу. Въ краснорѣчивыхъ отповѣдяхъ опровергалъ эти навѣты Градовскій, хотя нѣкоторые изъ нихъ парализовали и мысль и чувство своею нелѣпостью и несправедливостью. Обвиненіе либераловъ въ „господчинѣ",

[1]) „Голосъ" 1882 г., № 21.

[2]) *Новый видъ травли*: „Голосъ" 1882 г., № 65.

въ стремленіи къ власти, впервые высказанное въ одномъ изъ нумеровъ „Дневника“ Достоевскаго, было охотно подхвачено „народниками“, которые упрекали либеральную партію и въ томъ, что на ея знамени написаны однѣ политико-юридическія реформы, безъ малѣйшаго упоминанія о реформахъ экономическихъ, имѣющихъ однѣ, по ихъ мнѣнію, значеніе для „народа“. Самыя же политическія реформы, желанныя либераламъ, преслѣдуютъ цѣль водворенія у насъ въ Россіи „правового порядка“, нужнаго главнымъ образомъ „буржуазіи“, т.-е. тѣмъ же либераламъ. Градовскому нетрудно было опровергнуть это обвиненіе, выдвинутое газетой „Недѣля“. Въ своихъ возраженіяхъ „народникамъ“ онъ указалъ на тѣсную связь экономическихъ и правовыхъ отношеній и вывелъ отсюда, что улучшеніе въ области правовыхъ отношеній отзовется на улучшеніи экономическаго благосостоянія [1]).

Отставка графа Игнатьева и вступленіе въ должность министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстого знаменовали перемѣну въ правительственной политикѣ. „Народная политика“,— писалъ Градовскій,—сошла со сцены подъ звуки воинственныхъ рѣчей и шумъ еврейскихъ погромовъ“. Градовскій ставилъ эту перемѣну въ связь съ тѣми разногласіями, которыя произошли между обѣими охранительными нашими партіями [2]). Катковъ поддерживалъ одно время „народниковъ“, но только до тѣхъ поръ, пока не выяснилось, что и они въ сущности, хотя и въ самобытномъ духѣ, стремятся къ *преобразованіямъ*, пока не пришлось услышать и отъ „народниковъ“ о нѣкоторыхъ „либеральныхъ“ началахъ, унаслѣдованныхъ ими отъ славянофиловъ, пока, наконецъ, газета „Русь“ не заговорила о земскомъ соборѣ. „Упраздненное мѣсто народной политики,—замѣчаетъ Градовскій,—заняла теорія „твердой власти“. Эта теорія, всесторонне развивавшаяся „Московскими Вѣдомостями“, въ примѣненіи своемъ, вызвала рядъ охранительныхъ мѣръ и уничтожила всякое подобіе преобразовательнаго движенія. Всѣ усилія были направлены не на развитіе творчества и движенія, а на

[1]) *Пустословіе либераловъ*: „Голосъ“ 1882 г., № 37.
[2]) „Голосъ“ 1883 г., № 1.

пріостановку. „Въ духѣ охраненія и пріостановки сдѣлано, можно сказать, все",—говорилъ Градовскій въ 1883 году.

Либераловъ Катковъ обвинялъ въ стремленіи къ насажденію въ Россіи „правового порядка", что признавалось имъ замаскированнымъ обозначеніемъ конституціи, парламентаризма. Градовскому приходилось не разъ въ своихъ полемическихъ статьяхъ возвращаться къ вопросу о „правовомъ порядкѣ", причемъ онъ далъ намъ точное опредѣленіе, что именно разумѣлъ онъ и либеральная пресса подъ этимъ терминомъ. Существенными признаками „правового порядка" онъ признавалъ, во-первыхъ, большее обезпеченіе личности подданныхъ чрезъ лучшее опредѣленіе ихъ правъ и лучшіе способы ихъ защиты, во-вторыхъ, расширеніе способовъ участія общества въ управленіи; самый же „порядокъ" можетъ имѣть весьма различныя формы, вполнѣ самобытныя. „Развитія этого порядка всѣми законными и мирными путями,—писалъ Градовскій,—мы желаемъ отъ всей души и не краснѣемъ за это. Такое желаніе вовсе не предполагаетъ рабскаго подражанія Европѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что выраженіе *русскій* правовой порядокъ не есть выраженіе безсмысленное: мы настолько вѣримъ въ *европейскія* свойства русскаго народа, что считаемъ его способнымъ создать такой порядокъ, гдѣ силѣ власти будетъ столько же мѣста, сколько и уваженію къ законнымъ правамъ каждаго и къ мнѣнію общества, выраженному въ законныхъ и свободныхъ формахъ. Должно ли намъ краснѣть за эту вѣру?" [1]) Теоріи о „твердой власти" Градовскій противополагаетъ требованіе о томъ, чтобы общественныя учрежденія и правительственные органы дѣйствовали на твердомъ основаніи общихъ законовъ, указывая, что именно это требованіе было выражено въ указѣ 4 сентября 1881 года, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашена незыблемость началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія [2]).

Уже во время управленія гр. Игнатьева министерствомъ внутреннихъ дѣлъ успѣли созрѣть многія реакціонныя мѣры, имѣвшія якобы цѣлью освободить Россію отъ навязанныхъ ей

[1]) „Голосъ" 1882 г., № 167.

[2]) Тамъ же, № 298.

западныхъ формъ, подсказанныхъ искусственными, чуждыми народу потребностями. Лишними, ненужными были признаны, главнымъ образомъ, тѣ гарантіи, которыя такъ или иначе представляли для печати правила 1865 года, а также автономія университетовъ, о растлѣвающемъ вліяніи которыхъ Аксаковъ говорилъ еще въ 1880 году, въ первыхъ нумерахъ своей газеты. Въ февралѣ и мартѣ 1882 года Градовскій высказывался за пересмотръ законовъ о печати, въ смыслѣ опредѣленія ея законныхъ правъ и отвѣтственности по суду [1]). Эти законы были дѣйствительно пересмотрѣны, но результаты пересмотра нисколько не соотвѣтствовали ожиданіямъ и желаніямъ Градовскаго. Въ законодательномъ порядкѣ дополненія къ законамъ о печати прошли уже при графѣ Толстомъ, который въ значительной степени смягчилъ проектъ, внесенный въ Государственный Совѣтъ графомъ Игнатьевымъ. Въ цѣломъ рядѣ статей Градовскаго отразилось то впечатлѣніе, которое произвелъ на него тяжкій ударъ, поразившій нашу печать [2]).

Отставка барона Николаи, назначеніе министромъ народнаго просвѣщенія графа Делянова, въ связи съ полнымъ торжествомъ охранительной политики, выдвинули опять вопросъ объ университетскомъ уставѣ. Еще въ началѣ марта 1882 г. Градовскій былъ далекъ отъ мысли о возможности близкаго пересмотра устава [3]). Черезъ мѣсяцъ ему пришлось отмѣтить, что „походъ противъ университетовъ, возобновленный, послѣ легкой передышки, „Московскими Вѣдомостями“, долженъ, судя по заносчивому тону этой газеты, увѣнчаться успѣхомъ“ [4]). Осенью 1882 года проекту новаго устава былъ дѣйствительно обезпеченъ успѣхъ. Главныя его основанія были подвергнуты Градовскимъ весьма серьезной оцѣнкѣ въ статьѣ *Опять университетскій уставъ* [5]): возражая противъ системы государственныхъ экзаменовъ, онъ признаетъ нѣкоторыя неудоб-

---

1) „Голосъ“ 1882 г., №№ 47, 71.
2) Тамъ же, №№ 233, 235, 256, 258, 270, 320; 1883 г., № 15.
3) Тамъ же, 1882 г., № 57.
4) Тамъ же, № 93.
5) Тамъ же, № 221.

ства и за прежнимъ порядкомъ курсовыхъ экзаменовъ, при чемъ предлагаетъ, со своей стороны, уничтожить въ университетахъ всякіе переводные экзамены и раздѣленія на курсы, установить семестральныя чтенія и экзамены по извѣстнымъ группамъ предметовъ въ ихъ послѣдовательности, опредѣленной факультетомъ.

Въ реакціонныхъ мѣрахъ, обрушившихся на печать и грозившихъ въ ближайшемъ будущемъ университетамъ, равно какъ и въ цѣломъ рядѣ другихъ попытокъ измѣнить совершонныя при Александрѣ II преобразованія, Градовскій не видѣлъ отпечатка ни творческаго духа, ни какой либо общей идеи, кромѣ идеи твердой власти, идеи присутствованія правительства вездѣ и во всемъ. Тамъ, гдѣ дѣйствительно требовалось творчество, созидательская дѣятельность, организованная работа, приходилось отмѣчать полный застой, неспособность исполнителей, невозможность какого бы то ни было здороваго поступательнаго движенія. Отрицательное отношеніе ко всякимъ пересмотрамъ, а также и къ положительнымъ работамъ различныхъ законодательныхъ коммиссій обнаруживается во многихъ статьяхъ Градовскаго. Особенное вниманіе его привлекали на себя работы Кахановской коммиссіи, которой было поручено преобразованіе нашихъ мѣстныхъ учрежденій. Но уже въ началѣ 1882 года онъ предвидитъ безплодность предпринятыхъ ею работъ. Отмѣтивъ, что коммиссія не выработала еще къ тому времени окончательной программы занятій, Градовскій не ставитъ ей этого въ упрекъ, такъ какъ предварительно „необходимо сознать и опредѣлить, куда и къ чему должны мы идти *вообще*, потому что мѣстныя учрежденія суть *части* учрежденій государственныхъ и должны служить цѣлямъ общегосударственнымъ, сообразуясь съ ними въ назначеніи“. Черезъ годъ [1]) Градовскій опредѣленно указываетъ на главную и существеннѣйшую задачу, подлежащую разрѣшенію коммиссіи: она „должна сводиться къ вопросу о децентрализаціи управленія, о расширеніи власти и правъ земства“. Но ни въ современныхъ усло-

---

[1]) „Голосъ“ 1883 г., № 2.

віяхъ правительственной дѣятельности, ни въ требованіяхъ жизни, ни въ общемъ сознаніи онъ не видитъ ничего, на что бы могла опереться въ своихъ трудахъ коммиссія. Поэтому онъ выражаетъ желаніе, чтобы она и не торопилась съ проектомъ *общаго* переустройства нашихъ мѣстныхъ учрежденій [1]). Путемъ устраненія частныхъ, но очень важныхъ недостатковъ нашего мѣстнаго управленія, давно уже сознанныхъ, описанныхъ и доказанныхъ, коммиссія совершитъ единственно теперь возможное и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное дѣло.

Цѣннымъ вкладомъ для работъ Кахановской коммиссіи была статья Градовскаго *Всесословная мелкая единица* [2]). Мысль о такой единицѣ появилась среди нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей: признавъ ее достойною всякаго вниманія, Градовскій далъ ей научное обоснованіе въ указанной статьѣ. Статья вызвала возраженія А. И. Кошелева въ № 21 „Земства" за 1882 годъ. Намъ кажется, что упреки, сдѣланные имъ Градовскому, далеко не справедливы. Не касаясь существа разногласій между Градовскимъ и Кошелевымъ, отмѣтимъ, что Кошелевъ объяснялъ ихъ тѣмъ, что „г. Градовскій живетъ въ Петербургѣ, занимается преимущественно теоретическою и историческою разработкой политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, и лучше знаетъ Англію и нѣкоторыя другія страны, чѣмъ нашу малоизвѣстную Россію". Думаемъ, что Кошелевъ ошибался: какъ въ этой, такъ и въ другихъ статьяхъ, касающихся нашего мѣстнаго управленія, Градовскій обнаружилъ глубокое знакомство не только съ практикой нашихъ учрежденій, но и съ тѣми жизненными явленіями, которыя свидѣтельствовали о ихъ недостаткахъ, несовершенствахъ. Самъ Кошелевъ признавалъ въ своей замѣткѣ, что оцѣнка, сдѣланная Градовскимъ какъ условіямъ дѣятельности земскихъ собраній, такъ и недостаткамъ волостного крестьянскаго самоуправленія совершенно вѣрна; самъ Кошелевъ присоединился къ пожеланіямъ Градовскаго, чтобы осуществился рядъ намѣченныхъ имъ реформъ, особенно настоятельныхъ, въ виду опасностей, грозящихъ нашему мірскому самоуправленію.

[1]) „Голосъ" 1883 г., № 18.

[2]) Тамъ же, 1882 г., № 115; вошла въ *Собр. соч.* VIII, 564—575.

Не видя ничего утѣшительнаго въ дѣятельности правительства, Градовскій съ ужасомъ озирается на язвы, разъѣдавшія современное ему общество, язвы, корень которыхъ надо искать, по его мнѣнію, „въ пустотѣ духовной и умственной жизни, лучше сказать, въ отсутствіи этой жизни, въ утратѣ того духовнаго *я*, ради котораго только и имѣетъ смыслъ *я* физическое“ [1]). Можно ли заключить на основаніи этихъ взглядовъ Градовскаго и этой его скорби о томъ, что жизнь, сломивъ его надежды, сдѣлала его пессимистомъ? Градовскій далъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Девять десятыхъ общества, — писалъ онъ въ полемической статьѣ, направленной противъ „Вѣстника Европы“, упрекавшаго „Голосъ“ за то, что онъ говорилъ объ упадкѣ гражданскаго духа въ нашемъ обществѣ,—состоитъ изъ людей, обращающихся въ то, что дѣлаютъ изъ нихъ обстоятельства. Особенно это должно сказать о нашемъ обществѣ, политическое развитіе котораго едва начинается... Переходы отъ зла къ добру, отъ апатіи къ дѣлу и даже къ подвигу весьма обыкновенны въ отдѣльномъ человѣкѣ и въ цѣломъ народѣ... Не впадая въ мистицизмъ, можно сказать, что огромное большинство людей, для проявленія всего добраго, таящагося въ нихъ природѣ, ожидаетъ нѣкотораго „призванія“, вдохновенія — назовите это, какъ хотите. Пока *этого* нѣтъ, ничего не будетъ“. Въ другой статьѣ, относящейся къ декабрю 1882 года [2]), Градовскій не хочетъ допустить, чтобы время затишья, переживавшагося тогда русскимъ обществомъ, было послѣднимъ словомъ нашей исторіи; послѣ этого временнаго затишья можетъ наступить періодъ энергической обновительной работы. Такимъ образомъ Градовскаго спасала отъ пессимизма и отчаянія сильная вѣра въ будущее, постоянно согрѣваемая воспоминаніями о томъ незабвенномъ времени, когда правительство смѣлою рукой повело Россію по пути благодѣтельныхъ реформъ.

Лѣто 1882 года, проведенное, какъ всегда, въ Вильнѣ на

[1]) „Голосъ“ 1882 г., № 336.
[2]) Тамъ же, № 342.

купленной тамъ еще въ 1874 году дачѣ[1]), было для Градовскаго временемъ тяжелыхъ размышленій и, быть можетъ, нѣкотораго нравственнаго перелома. По крайней мѣрѣ таково впечатлѣніе, получаемое отъ его писемъ, относящихся къ лѣтнимъ мѣсяцамъ этого года. 17-го іюня, жалуясь на спокойствіе могилъ, царившее въ Вильнѣ, Градовскій писалъ, что „для уединеннаго размышленія это очень хорошо. Бѣда только въ томъ, что и размышлять поводовъ нѣтъ". Но „уединенныя размышленія" въ теченіе двухъ слѣдовавшихъ за этимъ письмомъ мѣсяцевъ привели Градовскаго къ тому подавленному настроенію, которое вылилось въ его письмѣ къ С. А. Юрьеву, помѣченномъ 18-мъ августа. „Вотъ уже три мѣсяца, какъ я живу въ полномъ уединеніи,—писалъ онъ, — и много-много думалъ. Пришлось пережить въ воспоминаніяхъ своихъ 16 лѣтъ моей трудовой жизни и прити къ полному разочарованію. Сколько иллюзій брошено! Сколько надеждъ оставлено!... Что касается меня, то я, къ горю своему, какъ-то безнадежно прозрѣлъ. Я увидѣлъ, что мнѣ осталось физически *доживать* свой вѣкъ безъ всякой надежды и даже, грустно сказать, безъ всякихъ желаній... Я жилъ исключительно общественными вопросами; у меня не было другихъ стремленій и идеаловъ кромѣ общественныхъ; они заставляли биться мое сердце, они приносили мнѣ свѣтлые дни и безсонныя ночи, радости к горести. Теперь надо всѣмъ этимъ нужно поставить крестъ, похоронить свое прежнее *я*... и что же дальше? Остановиться на своемъ *личномъ я* — нѣтъ силъ, ибо собою я ужасно мало интересуюсь. Что касается исканія другихъ идеаловъ, то поздно уже. Въ сорокъ лѣтъ можно сознать свои ошибки, но поздно ставить что-либо на мѣсто поверженнаго кумира. Я остаюсь вѣренъ своимъ прежнимъ идеаламъ въ томъ смыслѣ, что ничего другого я не могу желать моему отечеству; но не могу же я не видѣть, что эти желанія не осуществимы? Что же мнѣ дѣлать, когда тамъ, гдѣ другіе видятъ знаменія жизни, я вижу знаменіе разложенія?"

Въ самомъ началѣ 1884 года „Голосъ" былъ закрытъ, на этотъ разъ навсегда. Вмѣстѣ съ нимъ кончилась кипучая дѣятельность

[1]) Отсюда псевдонимъ Градовскаго — В. Ж., т. е. виленскій житель.

Градовскаго-публициста. Въ значительной степени это зависѣло, быть можетъ, отъ нежеланія его переходить въ какую-нибудь другую газету; но вмѣстѣ съ тѣмъ такой газеты, съ направленіемъ которой сошелся бы Градовскій, уже не было. Кромѣ того, настало время, когда, по его словамъ, „честность доказывалась главнымъ образомъ молчаніемъ“ (письмо отъ 9 августа 1882 г.).

Письмо къ С. А. Юрьеву, помѣченное 28 декабря, самымъ яркимъ образомъ отразило чувства и мысли Градовскаго, вынесенныя имъ изъ только недавно смолкнувшей борьбы, — чувства и мысли, съ которыми ему было суждено сойти и въ могилу. Указавъ на то, что сотрудничество въ „Русской Мысли“, куда его звалъ Юрьевъ, можетъ встрѣтить преграды потому, что самъ онъ сильно измѣнился, Градовскій продолжаетъ: „Полтора года, проведенные мною въ молчаніи, но въ сильномъ размышленіи, не могли пройти безслѣдно. Крѣпко хотѣлось бы переговорить съ Вами *лично*. Въ чемъ же перемѣна? Буду говорить въ отрицательной формѣ. Я *не* написалъ бы теперь своей статьи *О первыхъ славянофилахъ*, потому что вижу славянофиловъ нынѣшнихъ. Я не могъ бы писать столь жарко о національномъ вопросѣ, ибо вижу нынѣшнюю „самобытность“. Многое и многое изъ того, что прежде меня вдохновляло, нынѣ осквернено и посрамлено... Не меньше разочарованъ я и такъ называемымъ народничествомъ. Всѣ эти писанія объ общинахъ и объ артеляхъ, о „власти земли“, о городѣ и деревнѣ кажутся мнѣ толченіемъ воды“.

За этими граничащими съ отчаяніемъ признаніями прорывается новое живительное чувство, новое одухотворяющее его настроеніе. „Мнѣ представляется, — читаемъ мы ниже, — что наша литература въ прошлые годы хотѣла сдѣлать второй и третій шагъ, не сдѣлавъ перваго. Глядя на современную мерзость запустѣнія, невольно понимаешь, что наше общество прежде всего нуждается въ проповѣди очеловѣченія, въ приведеніи его изъ образа звѣринаго въ образъ человѣческій“. „Нужно, въ иной конечно формѣ,—продолжаетъ Градовскій,— браться за то же дѣло, которое въ свое время дѣлалъ Гранов-

скій и его сподвижники. Они же создали поколѣнія людей, трудившихся надъ отмѣною крѣпостного права. Они сдѣлали свое дѣло, но его должно было продолжать... То, что мы переживаемъ теперь и на что жалуемся, есть плодъ скотства. Гоните скота—вотъ что должно бы сдѣлаться общимъ девизомъ людей, чувствующихъ въ себѣ нѣкоторое біеніе сердца человѣческаго. Девизъ немножко „космополитическій", но что же выйдетъ, если онъ не будетъ выполненъ... Время и силы, мнѣ оставшіяся, я твердо рѣшился употребить на это дѣло".

VII.

Исполнилъ ли это свое рѣшеніе Градовскій? Остался ли онъ вѣренъ тому дѣлу, о которомъ писалъ Юрьеву? Думаемъ, что да. Еще въ августѣ 1881 года, въ письмѣ къ А. Ѳ. Кони, онъ говорилъ, что ему остается единственно пойти въ „удобреніе" другимъ, т.-е. молодежи, слушающей его лекціи. Вотъ на эти лекціи, на университетское преподаваніе и обращены были Градовскимъ всѣ его силы. Физическій недугъ—сердечные припадки—давалъ чувствовать себя все чаще и сильнѣе, но духъ его былъ еще бодръ, и еще долго, послѣ крушенія того, что Градовскій называлъ своею личною жизнью, будетъ слышаться его вдохновенный голосъ на каѳедрѣ С.-Петербургскаго университета.

„Университетская каѳедра для него,—говорилъ М. И. Свѣшниковъ, одинъ изъ учениковъ Градовскаго, въ рѣчи, посвященной его памяти,—была самое святое, искреннее служеніе родинѣ. Дать сотнямъ юношей, наполнявшимъ аудиторію Градовскаго, возможность запастись знаніемъ, какъ орудіемъ борьбы за свои мысли и правду, передать имъ чувства гуманности и любви къ человѣческой личности, выпустить, если не всю, то хоть часть молодежи истинно интеллигентными людьми на пользу своего народа, вотъ о чемъ мечталъ Градовскій, чего онъ добивался и въ статьяхъ, и въ бесѣдахъ. Эта страстная любовь создавать и увеличивать ряды русской интеллигенціи сказывалось и въ отношеніи его къ ученикамъ. Несмотря на его

молодые годы, ни у кого изъ профессоровъ не было столько учениковъ; никто такъ страстно не относился къ ихъ успѣхамъ и неуспѣхамъ. Градовскій радовался, когда они шли, какъ онъ того желалъ, и искренно страдалъ, когда ему казалось, что ошибался въ молодомъ ученикѣ. Не одни спеціалисты по его каѳедрѣ, но и вся другая молодежь университета такъ же живо интересовала его. Онъ видѣлъ въ нихъ новыхъ борцовъ за науку, а въ самомъ высокомъ и прочномъ положеніи науки онъ видѣлъ необходимое условіе торжества въ будущемъ началъ гуманности и свободы человѣческой личности" [1]).

Прочувствованныя воспоминанія слушателей и учениковъ Градовскаго свидѣтельствуютъ о неотразимомъ вліяніи его, какъ преподавателя, на учащуюся молодежь. „Исканіе идеаловъ связывало довольно тѣсно проф. Градовскаго съ учащеюся молодежью, посѣтителями его аудиторіи. Несмотря на то, что онъ былъ очень требователенъ, строгъ и порою желченъ, студенты любили его, угадывая въ немъ, съ обычною чуткостью молодежи, прекрасное, полное любви сердце" [2]). Профессоръ предъявлялъ къ аудиторіи, такъ же какъ и къ себѣ, высокія требованія въ томъ убѣжденіи, что изученіе наукъ общественныхъ должно быть *преддверіемъ* ко всякой общественной дѣятельности. Онъ требовалъ отъ своихъ слушателей того особаго *настроенія*, безъ котораго невозможно изученіе наукъ вообще и политическихъ наукъ въ особенности. Научная подготовка,—говорилъ онъ въ своихъ лекціяхъ,—„раскрывая человѣку основные и непреходящіе элементы человѣческаго общества, уясняя ему законы, по которымъ развиваются общества, даетъ ему *вѣру* въ то общество, въ которомъ онъ долженъ жить и дѣйствовать".

„Какъ лекторъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ его некрологовъ,—онъ представлялъ идеалъ сжатаго, точнаго и блестящаго изложенія науки государственнаго права. Достаточно сказать, что отъ начала своей профессорской дѣятельности и до конца ея, онъ никогда не читалъ „по тетрадкамъ", ежегодно обновляя

---

[1]) „Памяти А. Д. Градовскаго", изд. Юрид. общества, Спб. 1889 г., стр. 20—21.
[2]) „Всеміри. илл." 1889 г., № 1088.

весь курсъ своихъ лекцій" [1]). Тщательная обработка, которой онъ подвергалъ эти лекціи дала ему возможность выпустить ихъ печатныя изданія и обогатить такимъ образомъ не только учебную, но и ученую литературу трудами, на основаніи которыхъ онъ признанъ „первымъ дѣйствительно научнымъ истолкователемъ началъ русскаго государственнаго права". Мы говорили выше о двухъ томахъ его *Началъ*: первый изъ нихъ, посвященный государственному устройству, вышелъ въ 1875 году; второй, содержавшій ученіе объ органахъ управленія, въ 1876—первымъ изданіемъ, а въ 1881 вторымъ. Градовскій приступаетъ затѣмъ къ третьему тому *Началъ*, гдѣ онъ предполагалъ изложить ученіе объ органахъ мѣстнаго управленія, но ему пришлось выпустить только первую часть этого тома, гдѣ послѣ введенія данъ историческій очеркъ мѣстныхъ учрежденій въ Россіи и описаны учрежденія правительственныя и дворянскія. Въ слѣдующей части Градовскій хотѣлъ изложить виды самоуправленія: крестьянскаго, земскаго и городского. Въ 1887 году имъ выпущено третье, исправленное и дополненное изданіе второго тома *Началъ*.

Кромѣ русскаго государственнаго права, Градовскій читалъ въ университетѣ курсы по теоріи государственнаго права и по государственному праву важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Эти предметы читались имъ обыкновенно на первомъ курсѣ и служили такимъ образомъ, по замѣчанію Свѣшникова, прочнымъ основаніемъ политическому образованію юристовъ С.-Петербургскаго университета. „Мечта Градовскаго,—писалъ въ 1889 г. Свѣшниковъ,—была издать полный курсъ конституціоннаго права и широко задуманный планъ онъ началъ было осуществлять, издавъ въ 1886 году *Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Томъ первый. Часть историческая* [2]). Этотъ трудъ посвященъ исторіи конституціонныхъ учрежденій на западѣ Европы; послѣдующую часть Градовскій намѣренъ былъ посвятить изложенію общихъ началъ конституціонализма [3]); третья

[1]) „Спб. Вѣд.", 7 ноября 1889 г.

[2]) Вошло въ т. IV *Собр. соч.*

[3]) Посмертное изданіе 1895-го года перепечатано въ т. V *Собр. соч.*

и четвертая части должны были дать намъ изложеніе конституціонныхъ монархій, республикъ и федерацій".—Въ 1886 году Градовскій помѣстилъ въ „Вѣстникѣ Европы" рядъ статей, посвященныхъ изученію современныхъ ему общественныхъ и политическихъ явленій Западной Европы, подъ заглавіемъ *Государство и церковь въ Пруссіи. Пятнадцать лѣтъ „культуркампфа", 1870—1886 г.*

Ученые труды въ разсматриваемый періодъ жизни Градовскаго почти окончательно отвлекли его отъ публицистики. Но причиной этого было, конечно, то внутреннее настроеніе его, о которомъ свидѣтельствуютъ приведенныя выше его письма 1882 и 1883 годовъ. Сохранившіеся въ бумагахъ покойнаго многочисленные наброски и отрывки показываютъ, однако, что интересъ его къ общественнымъ вопросамъ не ослабѣвалъ и въ это время и былъ источникомъ постояннаго движенія и напряженія тревожной мысли. Но мысль не находила успокоенія, даже вылившись на бумагѣ: наброски оставались недоконченными, статьи не дописывались и откладывались въ сторону. Градовскій прекращаетъ сотрудничество въ журналахъ, и только въ первой половинѣ 1884 года появляются въ „Вѣстникѣ Европы" двѣ статьи его *Система Меттерниха* и *Крестьянскіе выборы въ гласные уѣздныхъ земскихъ собраній*. Первую изъ этихъ статей, написанную еще въ 1883 году, Градовскій опредѣлялъ въ одномъ изъ писемъ, какъ чисто историко-политическую, „съ нѣкоторою психологическою подкладкою". Подкладка могла быть поучительна для лицъ, стоявшихъ во главѣ настойчиво проводившейся реакціи. Вторая статья составилась изъ реферата, прочитаннаго Градовскимъ въ административномъ отдѣленіи Юридическаго общества, и имѣла цѣлью указать на неотложность нѣкоторыхъ частичныхъ преобразованій въ нашемъ мѣстномъ управленіи, надъ общимъ переустройствомъ котораго все еще работала коммиссія статсъ-секретаря Каханова. „Остается терпѣливо ждать окончанія этого полезнаго труда,—замѣчаетъ Градовскій.—Но мѣстная жизнь продолжаетъ предлагать вопросы чисто практическаго характера и требующіе своего разрѣшенія. Вопросы эти возникли не вчера, и количество ихъ невольно

наводитъ на мысль, не слѣдуетъ ли параллельно съ общими работами, производящимися въ коммиссіи, обратить вниманіе и на нѣкоторыя частныя неудобства нынѣ дѣйствующихъ учрежденій, ибо эти неудобства продолжаютъ разстраивать ходъ мѣстныхъ учрежденій, безъ того не налаженныхъ". Въ заключительныхъ строкахъ этой любопытной статьи, указывающей на условія, которыми можно было бы обезпечить сознательность и свободу выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ, Градовскій опредѣляетъ ближайшую задачу того времени: „она состоитъ,—говорилъ онъ,—въ возстановленіи преобразованій Александра II во всей ихъ правдѣ, т.-е. именно—въ ихъ *идеѣ*".

Въ нѣкоторыхъ оставленныхъ Градовскимъ отрывкахъ, относящихся къ 1884 году и написанныхъ въ формѣ то діалоговъ, то писемъ, то обыкновенныхъ газетныхъ статей, которымъ однако не суждено было увидѣть свѣтъ, опредѣляется, выражаясь языкомъ музыкантовъ, „доминанта" [1]) той эпохи, когда ему и его единомышленникамъ пришлось въ борьбѣ со смутой сложить оружіе: это чувство страха, заставившаго умолкнуть всякія другія чувства. Страхъ сталъ главнымъ руководящимъ началомъ въ различныхъ явленіяхъ общественной жизни, онъ вытравилъ всякія другія чувства, чувство любви, надежду и вѣру. „Отъ жизни,—пишетъ Градовскій,—намъ осталась, повидимому, одна *тоска* по жизни, тоска по себѣ, по своей задавленной и поруганной личности, по силамъ, напрасно потраченнымъ". Въ этихъ общественныхъ недугахъ сказываются грозные признаки разложенія. „Меня тревожитъ не опасность внѣшней войны,—читаемъ мы въ отрывкѣ, озаглавленномъ „Затишье",—не паденіе курса, не матеріальная скудость наша, а именно это растлѣніе общества, на которое у насъ слишкомъ мало обращаютъ вниманія. Мы слишкомъ велики, чтобы бояться внѣшняго врага; у насъ много непочатыхъ естественныхъ богатствъ, чтобы мы могли опасаться конечнаго оскудѣнія; деревня у насъ слишкомъ еще преобладаетъ надъ городомъ, чтобы мы боялись какой-нибудь революціи. Но есть опасность, на которую у насъ закрываютъ глаза, несмотря на ея очевидность: опасность раз-

[1]) Ср. *Собр. соч.* III, 461.

ложенія отъ усиливающейся деморализаціи общества. Она проникла всюду: нѣтъ сферъ, гдѣ не чувствовалось бы ея разлагающее вліяніе".

Тоска, овладѣвшая Градовскимъ, зрѣлище общественнаго разложенія, носившееся передъ его глазами, чувство стыда за общество, отдавшееся исключительно чувству страха,—все это дѣйствовало на него удручающимъ образомъ. Несмотря на поглощавшую его работу, на удовлетвореніе, получавшееся въ университетѣ, несмотря на семейныя радости, правда также подвергавшіяся тяжкимъ испытаніямъ, Градовскому становилось все тяжелѣе жить. Не хватало силъ бороться съ физическимъ недугомъ. Вскорѣ стало необходимо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ средствамъ.

Въ началѣ 1889 года пришлось отказаться отъ чтеній лекцій въ университетѣ и лицеѣ, и Градовскій отправился съ семьей за границу для лѣченія. А. Ѳ. Кони въ рѣчи, произнесенной 18 ноября 1889 года въ Юридическомъ обществѣ, вспоминалъ, какъ тяжело было для Градовскаго вынужденное бездѣйствіе вдали отъ родины: „Я посѣтилъ его четыре мѣсяца назадъ въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга. Тяжкій недугъ приковалъ его къ креслу; грудь, истомленная долгими страданіями, дышала трудно и прерывисто,—вокругъ него чуялось вѣяніе смерти,—она коснулась его концомъ крыла и унесла навсегда живую краску лица и блескъ умныхъ глазъ. Предъ нимъ разстилалась чудная прирейнская равнина, залитая солнцемъ, но мысли его неудержимо уносились въ далекую Русь и любовно воскрешали ея сѣрыя картины, заставляя то переживать прошлое, то пытливо заглядывать въ будущее. Все для него лично близкое и дорогое,—было съ нимъ, окружало его, но самъ онъ стремился всѣми силами домой, туда гдѣ витали его думы, гдѣ осталось его дѣло..." [1]).

Дома Градовскаго ждала смерть. Онъ скончался въ Петербургѣ 6 ноября 1889 года.

Торжественныя похороны Градовскаго, привлекшія между

[1]) „Памяти А. Д. Градовскаго", изд. Юридич. общ.. Спб. 1889 г., стр. 35.

прочимъ несмѣтныя толпы учащейся молодежи, большое число сочувственныхъ некрологовъ, появившихся въ повременныхъ изданіяхъ, рѣчи, произнесенныя въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и посвященныя его памяти, біографическіе очерки въ журналахъ и газетахъ, наконецъ, не прекращающіяся печатаніемъ воспоминанія о его личности и трудахъ—все это ярко отражаетъ то впечатлѣніе, которое производилъ великій публицистъ и ученый юристъ на своихъ современниковъ. Болѣе чѣмъ кто другой онъ сумѣлъ соединить симпатіи самыхъ разнородныхъ по убѣжденіямъ партій. Это зависѣло не только отъ того, что самъ онъ не вносилъ въ свою дѣятельность партійности; это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ своей кратковременной жизни ему пришлось отразить все то сложное развитіе, которое естественнымъ образомъ предстояло наиболѣе живымъ и отзывчивымъ элементамъ современнаго ему общества. Переходя постепенно отъ міровоззрѣнія преобразовательно-охранительнаго къ міровоззрѣнію преобразовательно-національному и затѣмъ преобразовательно-освободительному, Градовскій шелъ послѣдовательно по пути, освѣтившемуся еще въ 1856 году, „когда съ мартовскимъ солнцемъ повѣяло по Россіи новымъ духомъ“ [1]). Новая жизнь, вызванная вѣяніемъ новаго духа, сложная и трудная, благодаря столкновенію преобразовательнаго движенія съ реакціоннымъ направленіемъ, — только постепенно опредѣляла истинныя потребности страны и указывала насущныя задачи государственной и общественной дѣятельности.

---

[1]) „Голосъ“ 1882 г., № 324.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ БІОГРАФИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ.

ЗНАЧЕНІЕ ИДЕАЛА ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ [1]).

Посвящается памяти Юрія Өедоровича Самарина.

I.

При первомъ взглядѣ на политическія науки, изслѣдованія и теоріи, кажется, что они имѣютъ ту же задачу, тѣ же пріемы, что и науки естественныя. Ознакомить съ принципами и фактами, дать въ руки орудіе изслѣдованія—не исчерпывается ли этимъ задача преподавателя, изслѣдователя?

Повидимому—да, если принять въ разсчетъ задачу физическихъ наукъ: найти *причину* явленія или круга явленій; указать на *связь* между причиной и слѣдствіемъ, стало быть, найти *законъ*, по которому совершаются явленія міра внѣшняго, — такова общая задача наукъ естественныхъ. Слушатель, вынесшій изъ лекціи своего преподавателя ясное представленіе о законахъ химическихъ соединеній или физіологическихъ процессовъ, можетъ считать себя удовлетвореннымъ умственно и, такъ-сказать, нравственно. Ему нечего больше требовать отъ лекціи, имъ выслушанной, или книги, имъ прочтенной.

Но представимъ себѣ юношу, слушающаго лекцію о Варөоломеевской ночи, или читающаго книгу о турецкомъ государственномъ устройствѣ, или повѣствованіе объ инквизиціи, или ученое изслѣдованіе объ отжившихъ формахъ процесса съ застѣнками и дыбами. Вообразимъ его сидящимъ надъ повѣстью первыхъ лѣтъ христіанства съ его подвижниками, надъ изслѣдованіемъ о двигателяхъ реформаціи, надъ біографіями лицъ, улучшившихъ жизненныя условія своими открытіями, обогатившихъ науку своими изслѣдованіями. Предположимъ, что онъ узналъ со всею точностію всѣ причины, вы-

[1]) Двѣ публичныя лекціи въ пользу Славянъ Балканскаго полуострова, прочитанныя въ октябрѣ 1876 года.

звавшія Варѳоломеевскую ночь, и можетъ „вывести“ эту ночь, какъ неизбѣжное послѣдствіе изъ причины; предположимъ, что онъ тѣмъ же, вполнѣ научнымъ порядкомъ „объяснитъ“ инквизицію и деспотизмъ—съ одной, жизнь Лютера, дѣятельность Гуса, или Ньютона, съ другой стороны,—останется ли онъ удовлетвореннымъ? Какъ теоретическій умъ, можетъ быть; какъ умъ практическій, какъ воля, какъ нравственное сознаніе—никогда. Онъ потребуетъ отъ изслѣдователя, отъ преподавателя—не только „причинъ и слѣдствій“, но и *сужденія* надъ лицами, учрежденіями и событіями, правдиваго и безпристрастнаго приговора. Онъ захочетъ узнать *отношеніе* изслѣдователя къ изслѣдуемому событію или учрежденію; до извѣстной степени, онъ потребуетъ отъ него отчета въ его личныхъ убѣжденіяхъ. Еще больше: въ такихъ изслѣдованіяхъ онъ будетъ искать началъ воспитательныхъ, истинъ, примѣровъ и фактовъ, укрѣпляющихъ и возвышающихъ наше нравственное сознаніе.

Гдѣ причина этой разницы? Почему задачи химика оканчиваются найденною формулою химическаго соединенія—что бы оно ни дало: ядъ или лѣкарство,—и почему публицистъ или историкъ не можетъ одинаково относиться къ Нерону и къ Траяну, къ Вашингтону и къ Меттерниху, къ Пилю и къ Полиньяку? Отвѣтъ на это ясенъ.

Всѣ изслѣдованія явленій физическихъ направлены къ объясненію того, что̀ *есть*, въ самомъ обширномъ смыслѣ, что̀ *есть*—да простятъ мнѣ грамматическую вольность—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ неизбѣжнаго и неизмѣннаго, что не можетъ не быть. При изслѣдованіи же явленій политическихъ, экономическихъ, общественныхъ—къ этому вопросу, что̀ есть, постоянно, независимо даже отъ воли читателя, слушателя или изслѣдователя, примѣшивается роковой вопросъ — *что должно быть?* Взвѣсимъ всю силу этого вопроса: что должно быть?—Это „должно быть“ не означаетъ простого *послѣдствія* изъ данныхъ причинъ и условій. Медикъ говоритъ, что данная болѣзнь при такихъ-то условіяхъ даннаго организма должна имѣть такой-то исходъ. Онъ *предусматриваетъ* вѣроятные результаты данныхъ условій. Публицистъ не только предусматриваетъ, предсказываетъ: въ дѣлѣ предсказанія будущихъ явленій онъ даже безконечно слабѣе ученыхъ, вращающихся въ кругу знаній точныхъ. Его „должно быть“ имѣетъ иной смыслъ. Оно вытекаетъ изъ цѣлаго нравственнаго міросозерцанія, въ которомъ содержатся чаянія иного порядка, чаянія, которыя онъ хочетъ перевести въ дѣйствительность, сдѣлать практическими правилами жизни.

Вотъ—нѣчто совершенно непонятное для ума послѣдователей наукъ точныхъ; вотъ—съ точки зрѣнія неизбѣжной связи причины и слѣдствія—несообразность, нелѣпость; вотъ—отрицаніе всѣхъ ме-

тодъ строго-научнаго изслѣдованія! Придетъ ли на мысль геологу переставить слои земного шара, иначе расположить части свѣта, дать иное очертаніе материкамъ, увеличить береговую линію, измѣнить почву? Но не станемъ обманывать себя относительно безусловной точности наукъ точныхъ, безусловно объективныхъ, безстрастныхъ, равнодушно внимающихъ добру и злу. Напротивъ, вспомнимъ съ благодарностію о томъ, что усилія гигіены направлены къ увеличенію средняго уровня человѣческой жизни, что нашими путями сообщенія, усовершенствованными жилищами, ассенизаціею городовъ и многимъ другимъ мы обязаны представителямъ наукъ точныхъ, людямъ, въ которыхъ, кромѣ знанія „причинъ и слѣдствій", жила еще любовь къ добру и къ правдѣ. Не изъ устъ ли Бэкона, великаго организатора метода точныхъ наукъ, услышало человѣчество, что назначеніе наукъ—увеличивать счастье человѣка!

Чѣмъ ближе наука точная соприкасается съ жизнью человѣка и общества, тѣмъ сильнѣе къ ея нормальному вопросу: „что есть",— примѣшивается назойливый вопросъ: „что должно быть?" Какому физіологу, какому химику, какому медику чуждъ этотъ вопросъ даже въ сферѣ его ближайшихъ изслѣдованій? Но не станемъ увлекаться и впадать въ заблужденіе. Стремленіе къ идеалу, у лучшихъ представителей наукъ точныхъ, не вытекаетъ, такъ сказать, изъ существа ихъ наукъ. Теорія жизненныхъ процессовъ или химическихъ соединеній остается въ кругу неизмѣнныхъ законовъ, неотвратимой связи причинъ съ послѣдствіями, пока она не соприкасается съ явленіями общественной жизни, лучше сказать съ *приложеніемъ* добытыхъ ею данныхъ къ жизни человѣка отдѣльно и въ обществѣ. Въ области этихъ приложеній проявляется связь между наукою чистою и практическими явленіями; въ кругу этихъ вопросовъ и подъ ихъ вліяніемъ пробуждается общественное, гражданское чувство, стремленіе къ общественному совершенствованію. Здѣсь пробуждается и сознаніе настоящихъ бѣдствій, и стремленіе къ лучшему порядку въ будущемъ.

Науки общественныя, политическія, по существу своему, отличаются отъ наукъ естественныхъ. Это зависитъ отъ *природы изслѣдуемыхъ ими явленій.* Явленія міра физическаго суть результатъ причинъ и условій, независящихъ отъ воли человѣка. Законы ихъ вѣчны и неизмѣнны. Камень всегда падалъ, падаетъ и будетъ падать на землю, со скоростью обратно пропорціональною квадратамъ разстоянія; давленіе воздушнаго столба всегда было и будетъ одинаково; уголъ паденія всегда будетъ равенъ углу отраженія; земля всегда будетъ вращаться около своей оси въ 24 часа. Во всѣхъ этихъ

явленіяхъ мы не участвуемъ и не несемъ за нихъ отвѣтственности.

Напротивъ, въ процессѣ общественнаго развитія, сознаніе и воля человѣка принимаютъ дѣятельное участіе. Формы общественной жизни далеко не неизмѣнны. Общества переходятъ отъ свободы къ рабству, отъ порядка къ анархіи, отъ законности къ деспотизму. Конечно, развитіе общественныхъ установленій зависитъ отъ множества причинъ; конечно, внѣшнія условія—пространство страны, густота народонаселенія, свойства почвы, географическое положеніе и т. д.—имѣютъ на нихъ огромное вліяніе. Политикъ, отвлекшійся отъ этихъ условій, сталъ бы витать въ безвоздушномъ пространствѣ; его планы не имѣли бы практическаго значенія; онъ построилъ бы свое зданіе на пескѣ. Но всѣ внѣшнія условія не создаютъ сами по себѣ общественныхъ формъ. Они нуждаются въ посредствующемъ элементѣ, въ сознательной *волѣ* человѣка, вѣрно понявшаго свое время и облекшаго въ плоть и кровь его требованія. Поэтому, въ жизни общественной мы имѣемъ дѣло не только съ общими *законами* развитія обществъ, но и съ *нормами*, по которымъ должна дѣйствовать воля человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго. Изученіе и познаніе законовъ историческаго развитія обществъ безусловно необходимы. Но эти законы являются лишь внѣшними условіями нашей дѣятельности. Познавъ ихъ, мы еще ничего не сдѣлали для общественнаго устройства, или сдѣлали половину дѣла. Общественный прогрессъ зависитъ отъ *употребленія*, которое мы дѣлаемъ изъ данныхъ условій, изъ нашихъ познаній, внѣшнихъ средствъ и т. д. Въ нашемъ „я“ должно искать истинныхъ мотивовъ общественнаго движенія. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ можетъ смотрѣть на политическія учрежденія, какъ на *свое* созданіе, гордиться ими, или стыдиться ихъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ нести за нихъ отвѣтственность.

Отвѣтственность? — скажутъ намъ. Но какъ можетъ человѣкъ нести отвѣтственность за то, что есть дѣло времени и обстоятельствъ? Каждый политическій строй не соотвѣтствуетъ ли степени нравственнаго, умственнаго и экономическаго развитія народа? Да, это безусловно вѣрно. Политическій и общественный строй народа есть вѣрное отраженіе его нравственности, его экономическаго быта, его умственнаго уровня. Если онъ живетъ въ дурныхъ условіяхъ, то пусть онъ видитъ въ нихъ плодъ своего невѣжества, своей бѣдности, своихъ дурныхъ инстинктовъ. Пусть онъ видитъ самого себя, какъ въ зеркалѣ. Но развѣ это не подтверждаетъ нашу мысль? Развѣ именно это не возлагаетъ на человѣка отвѣтственности за общественный порядокъ, подъ которымъ онъ живетъ?

Нужны ли доказательства? Разсмотримъ, какъ относится человѣкъ (я разумѣю человѣка, привыкшаго жить сознательно) къ бѣдствіямъ физическимъ — съ одной, и къ бѣдствіямъ общественнымъ, съ другой стороны. Чума, тифы, холера, наводненія, градобитія — что̀ вызываютъ они въ сердцѣ человѣка? Жалость, состраданіе, страхъ. Но хищничество, но насилія, обманы, неправосудіе, кромѣ жалости къ страдающимъ, кромѣ страха за себя и за близкихъ, не вызываютъ ли они чувства негодованія на виновниковъ бѣдствій, чувства стыда за общество, въ которомъ они творятся, стыда и за себя, какъ за члена этого общества? Съ другой стороны, примѣры самоотверженія, патріотизма, беззавѣтной преданности идеѣ—не порождаютъ ли они радости и гордости за страну, выработавшую великаго общественнаго дѣятеля, проповѣдника, художника, ученаго? Скажемъ больше. Здравый смыслъ учитъ насъ относиться къ бѣдствіямъ физическимъ съ возможнымъ спокойствіемъ. Послѣ того, какъ градъ выбилъ твое поле, какъ чума унесла близкихъ тебѣ, какъ наводненіе снесло твой домъ, не предавайся отчаянію. Въ первую минуту дай волю твоей печали, но потомъ покорись неизбѣжной судьбѣ, игрѣ слѣпыхъ силъ, которыхъ отвратить нельзя. Наоборотъ, было бы странно гордиться теплымъ климатомъ страны, ея благорастворенными воздухомъ, естественнымъ плодородіемъ, или ставить обществу въ укоръ плохія физическія условія страны, въ которой оно живетъ. Но что̀ скажемъ мы о человѣкѣ, относящемся къ злу общественному такъ, какъ прилично относиться къ бѣдствіямъ физическимъ, къ тому, кто въ первую минуту ограничился бы страхомъ или сожалѣніемъ, а потомъ предалъ бы все забвенію? Что̀ сказали бы мы о человѣкѣ, въ комъ злѣйшая неправда не возбуждала бы негодованія, въ комъ насиліе не вызывало бы желанія защиты слабаго, въ комъ позоръ родины не порождалъ бы стыда? Франція попробовала потерять политическій стыдъ послѣ 2 декабря 1851 года, заснула, убаюкалась „славой“ имперіи — и проснулась подъ Седаномъ. Не показалось ли бы намъ страннымъ безучастное отношеніе къ подвижникамъ общественныхъ интересовъ, къ „добрымъ страдальцамъ за землю“, какъ говорятъ лѣтописи, къ труженикамъ науки, идеи? Не считаемъ ли мы этого равнодушія причиною подавленія таланта, парализированія всякой энергіи?

Не всегда и къ физическимъ бѣдствіямъ должно относиться спокойно. Пусть человѣкъ покоряется „судьбѣ“, пока дѣло можно приписать одной судьбѣ, т.-е. причинамъ невѣдомымъ и неотвратимымъ. Но если человѣкъ, овладѣвъ познаніемъ причинъ и слѣдствій, не противопоставитъ преградъ наводненіямъ, не улучшитъ санитарныхъ условій, не приметъ мѣръ противъ заразительныхъ болѣз-

ней—онъ сознаетъ свою вину, ему станетъ стыдно за толпы, уносимыя холерой, за города, истребленные пожаромъ; а если не станетъ стыдно, то другіе постыдятся за него. Можно гордиться и плодородіемъ почвы, обиліемъ сельскихъ продуктовъ, но тогда, когда почва эта есть, такъ сказать, наше созданіе, результатъ вѣковыхъ усилій общества. Франція, заставившая свои ланды производить хлѣбъ; Голландія, отвоевавшая у моря свои богатые луга; Пруссія, обратившая въ садъ свои скудныя равнины, могутъ съ гордостію оглянуться на свое прошлое.

И такъ, будемъ ли мы признавать отвѣтственность или отвергать ее, она есть, она осуществляется помимо нашей воли, какъ неизбѣжный законъ природы. Мы невольно *вмѣняемъ* обществу его порядокъ, невольно сознаемъ свою собственную отвѣтственность за него, какъ бы, положимъ, ни была мала доля его. Эти чувства стыда, негодованія, отвѣтственности—суть, въ свою очередь, результатъ глубокихъ психическихъ причинъ. Даже при полной общественной вялости и при недостаткѣ собственной энергіи, мы не можемъ однако устранить изъ своего сознанія представленія о совершенствованіи всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ которому призванъ человѣкъ. Мы не можемъ отвергнуть, что человѣкъ способенъ къ совершенствованію; и не только способенъ, но *призванъ* совершенствоваться. Мы глубоко убѣждены, что поколѣнія людей не только смѣняются, но и улучшаются. Совершенствованіе въ глазахъ нашихъ является не только *возможностью*, но и обязанностью; не только обязанностью, но и правомъ, къ осуществленію котораго должны быть направлены всѣ общественныя учрежденія.

Сознанію нашему присуще представленіе о назначеніи человѣка, объ извѣстной долѣ матеріальнаго благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія, необходимой каждому лицу для удовлетворенія его потребностей. Понятіе объ этой долѣ можетъ измѣняться по степени развитія цѣлаго общества или отдѣльнаго лица, но оно живетъ въ сознаніи каждаго. Оно есть первое условіе прогресса; оно есть первое условіе правильнаго *отношенія* къ общественному порядку, и обильно благотворными послѣдствіями.

Сопоставляя наше представленіе о назначеніи человѣка съ дѣйствительнымъ его положеніемъ, мы постоянно раскрываемъ между ними противорѣчіе, несогласіе;—*постоянно*, потому что представленія наши о назначеніи человѣка возвышаются и очищаются, между тѣмъ какъ общественныя установленія, предназначенныя для осуществленія человѣческихъ цѣлей, не могутъ идти рука объ руку съ непрерывно-возвышающимися требованіями къ жизни. Здѣсь источникъ нашего критическаго, иногда отрицательнаго отношенія къ существующему

порядку. Но вмѣстѣ съ отрицаніемъ является и утвержденіе. Мы способны возводить неосуществленныя стремленія и чаянія на степень *практическихъ цѣлей* общества; мы можемъ замѣчать основныя черты того порядка, при которомъ, по убѣжденію нашему, осуществятся эти цѣли; мы указываемъ обществу, чѣмъ оно должно быть, и это „должно быть“ противополагаемъ настоящему—„есть“. Скажемъ больше: мы обязаны, по мѣрѣ силъ своихъ, указывать на эти положительныя цѣли, на эти основныя черты будущаго. Иначе критическое отношеніе къ общественнымъ явленіямъ, присущее человѣку, по указаннымъ выше причинамъ, выродится въ отношеніе отрицательное, въ большинствѣ случаевъ безплодное. Возвышенное критическое настроеніе исказится и выразится въ формѣ дешеваго порицанія, легкаго глумленія, нисколько не препятствующихъ дальнѣйшему развитію общественнаго зла.

Въ этомъ выражается наша способность къ идеализированію, способность, повторяю, являющаяся необходимымъ условіемъ прогресса. Остановимся на значеніи этой способности; изслѣдуемъ ея значеніе для жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества. Такое изслѣдованіе, кажется, будетъ вполнѣ своевременно, такъ какъ, по общему мнѣнію, смыслъ идеаловъ утраченъ современнымъ обществомъ, усвоившимъ себѣ громкое названіе общества „практическаго“. Мы увидимъ, насколько оно въ правѣ носить этотъ титулъ. Теперь повѣримъ ему на слово. Представимъ себѣ, что способность къ составленію идеаловъ не только безполезна, но вредна; предположимъ, что люди въ самомъ дѣлѣ не думаютъ о томъ, чтó „должно быть“, прилѣпились къ тому, что есть, и живутъ изо-дня въ день, давая уродливое толкованіе евангельскому: „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“. Вообразимъ себѣ картину этого общества и живущихъ въ немъ людей. Нарисовать такую картину довольно легко. Сопоставимъ человѣка, способнаго къ идеализированію, живущаго идеалами, съ человѣкомъ, утратившимъ эту способность и отвергнувшимъ всякое значеніе идеаловъ. Результатъ сравненія и будетъ искомая картина.

Не подлежитъ сомнѣнію, что идеализированіе предполагаетъ способность *къ отвлеченію* отъ существующаго. Человѣкъ мысленно создаетъ иной порядокъ, отвлекаясь отъ существующаго, и переносится въ будущее. Мы не говоримъ, что это отвлеченіе состоитъ въ полномъ *отрѣшеніи* отъ условій пространства и времени, въ забвеніи той истины, что настоящее подготовляетъ будущее такъ же, какъ оно, въ свою очередь, подготовлено прошедшимъ. Рѣчь идетъ объ *идеалахъ*, а не объ *утопіи*. Но, во всякомъ случаѣ, идеалъ составляется путемъ абстракціи; въ немъ обществу указывается неосуществленная еще цѣль и несуществующій еще порядокъ вещей, при которомъ эта цѣль

можетъ быть осуществлена. Въ сознаніи этой цѣли и этого порядка человѣкъ находитъ *точку опоры* для своего свободнаго и разумно-нравственнаго отношенія къ существующему общественному порядку. Безъ такой точки опоры онъ относился бы къ существующему какъ къ силѣ физической, т.-е. какъ къ чему-то непреодолимому, неизбѣжному. Онъ подчинялся бы этому внѣшнему авторитету, но не въ сознаніи его пользы или справедливости, а въ силу необходимости, т.-е. пассивно и равнодушно. Такой человѣкъ безразлично относится ко всякому порядку, лишь бы онъ былъ порядкомъ, т.-е. силой. Французскіе публицисты любятъ выставлять на позоръ массу мѣстнаго чиновничества, охотно становящагося на службу всякому правительству—монархіи, республикѣ, имперіи. Эти люди не идеализируютъ. Они служатъ всякой силѣ, но не поддерживаютъ никого; стоитъ сильному сдѣлаться слабымъ, и они устремятся на встрѣчу восходящему свѣтилу, какой бы принципъ оно собою ни представляло. Въ ихъ подчиненіи есть нѣчто предательское, потому что они сами никогда не уясняютъ себѣ его нравственныхъ основаній.

Они незнакомы съ чувствомъ долга, съ высшими требованіями совѣсти, съ тѣми началами, по которымъ сознательная воля человѣка выработываетъ для себя правила дѣятельности. Спокойно и безстрастно плывутъ они по теченію, или бѣгутъ во слѣдъ колесницѣ тріумфатора. Но въ ихъ средѣ не найдется заступника началъ, потерпѣвшихъ крушеніе, или смѣлаго борца новыхъ идей. „Ни впередъ. ни назадъ“,—лучше сказать: „и впередъ, и назадъ“ для мирнаго пользованія благами настоящаго—ихъ неизмѣнный лозунгъ. Они прогрессивны, поскольку служатъ *настоящему* порядку, поскольку они глумятся надъ низвергнутыми богами прошлаго, недавно выслушивавшими ихъ мольбы, ихъ лесть, обонявшими ихъ ѳиміамъ. Они консервативны, поскольку всякая перемѣна тревожитъ ихъ покой; лучше сказать, поскольку властелины настоящаго сильны противъ всякой попытки поколебать ихъ власть. Но при первомъ же колебаніи „покорные слуги“ будутъ искать глазами новый предметъ поклоненія.

Если я подчинюсь существующему, какъ внѣшней и слѣпой необходимости, если условія развитія общества для меня тождественны съ законами естественными, то буду ли я сознавать свою долю отвѣтственности за недостатки и бѣдствія этой страны? Все идетъ, скажу я, своимъ естественнымъ порядкомъ; все совершается по точнымъ и неизбѣжнымъ законамъ. Моя воля можетъ ли измѣнить ихъ? Не долженъ ли я подчинить себя ихъ велѣніямъ? Самая наука, ложно понятая, можетъ послужить на пользу такимъ теоріямъ. Поражается ли общество количествомъ самоубійствъ? Я беру въ

руки статистическія данныя и побѣдоносно доказываю, что самоубійцы не суть жертвы ихъ внутренней пустоты, или ихъ ложнаго нравственнаго развитія, или извѣстныхъ общественныхъ условій, но неизбѣжнаго закона, по которому извѣстный процентъ наличныхъ членовъ общества долженъ кончить жизнь самоубійствомъ, подобно тому, какъ иной процентъ кончитъ смертью естественною, какъ другой процентъ народится вновь, какъ третій вступитъ въ бракъ. Съ этой точки зрѣнія все объяснится и оправдается: проституція, пьянство, взяточничество.

Гдѣ же тутъ мѣсто чувству отвѣтственности, а тѣмъ болѣе, гдѣ поводъ и средство противодѣйствовать злу? Но къ чему говорить объ отвѣтственности! Здѣсь мѣсто иному чувству, — чувству самодовольнаго „примиренія съ жизнью". Все естественно и все законно. Конечно, прогрессъ необходимъ. Но онъ совершается мимо насъ — его покорныхъ орудій и безстрастныхъ зрителей! Оглянитесь на времена прошедшія, на сѣдую древность: какъ невѣжественны были наши предки, какъ дики были ихъ нравы, бѣдна жизненная обстановка, грубы вкусы, скудны средства къ ихъ удовлетворенію! Сравните все это съ комфортомъ нашей жизни, съ нашими утонченными вкусами, изящными наслажденіями, роскошною обстановкою! Юноша, утѣшающійся съ парижскою куртизанкою въ раззолоченномъ ресторанѣ, можетъ съ гордостію сравнить себя съ своими грубыми предками, по свидѣтельству лѣтописца, „умыкивавшими дѣвицъ на игрищахъ у воды".

Къ чему „умыкиваніе", когда деньги и „обоюдное соглашеніе" дѣлаютъ свое дѣло? Иной современный адвокатъ, принимающій своихъ кліентовъ въ роскошномъ кабинетѣ, можетъ съ снисходительной улыбкой вспомнить о площадныхъ подьячихъ временъ московскихъ, писавшихъ свои ябеды въ ближайшемъ кабакѣ. Современный аферистъ съ негодованіемъ вспоминаетъ о временахъ, когда самое слово „спекуляція" было неизвѣстно, и страсть къ легкой наживѣ порождала только грубые типы волжскихъ разбойниковъ и лѣсныхъ искателей приключеній. Какъ не восторгаться временемъ, когда личности и имуществу человѣка только въ рѣдкихъ случаяхъ грозитъ явное насиліе, когда онъ можетъ опасаться только клеветы, интриги. подложныхъ завѣщаній и векселей, фальшивыхъ денегъ, вообще ловкаго перемѣщенія капиталовъ?

Эта блестящая картина имѣетъ, правда, свою оборотную сторону. Не все общество пользуется продуктами цивилизаціи. Есть какія-то темныя массы, живущія не въ XIX, а въ XVII или въ XVI вѣкѣ, безъ знаній, безъ жизненныхъ удобствъ, безъ возвышенныхъ вкусовъ, безъ тонкихъ наслажденій Но солнце цивилизаціи,

подобно солнцу естественному, и такъ же естественно, какъ оно, освѣщаетъ сначала вершины горъ и потомъ уже, постепенно, озаряетъ и долины. Не мы, такъ вѣка отдаленные увидятъ бо̀льшую массу благополучія и въ низменностяхъ. Не нужно только мѣшать естественному теченію дѣлъ и жить настоящимъ, которое одно въ нашей власти. Мудрая природа дала каждому свою роль. Она поставила насъ въ извѣстную среду, отмѣрила намъ извѣстный срокъ жизни: воспользуемся ими и откинемъ всякую заботу о будущемъ. Мы не будемъ зрителями своихъ похоронъ; тѣмъ меньше увидимъ мы то, что̀ совершится послѣ того, какъ тѣло наше обратится въ землю...

Примиреніе съ жизнью состоялось; человѣкъ слился съ природой, сложилъ съ себя всякую отвѣтственность, любуется торжественнымъ и безостановочнымъ ходомъ жизни, любуется самимъ собою, по сравненію съ своими предками. Но есть одна сила, также естественная, также созданная вмѣстѣ съ міромъ и, по словамъ священнаго писанія, для владычества надъ нимъ; эта сила блекнетъ, исчезаетъ и шестой день творенія вычеркивается изъ книги Бытія. Нужно ли говорить, что рѣчь идетъ *о личности человѣческой*, для которой понадобился особый актъ творенія, чтобы создать ее по образу и подобію Божію? Какъ уцѣлѣетъ она въ этомъ добровольномъ отреченіи отъ самой себя? Личность безъ сознанія долга и отвѣтственности, безъ чувства свободы, пассивно равнодушная и самодовольная, это ли личность, это ли образъ Божій, состоящій въ правдѣ и преподобіи истины, какъ говоритъ апостолъ? У нея нѣтъ точки опоры внѣ данныхъ явленій; она ничего не можетъ противопоставить теченію вещей, куда бы ни шло это теченіе; она падаетъ съ своей духовной высоты, становится песчинкой въ общей массѣ песку и носится изъ стороны въ сторону безъ сознанія цѣли и основаній. Личности современнаго человѣка, говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ мыслителей, не хватаетъ на трагедію, даже на комедію; кажется, ея скоро не хватитъ и на водевиль...

Но эта картина вышла слишкомъ лестной. Песчинка—созданіе мирное, спокойно лежащее подлѣ своихъ собратій, не причиняя имъ никакого зла. Личность не такая вещь, которую можно стереть безъ слѣда, причислить къ матеріи. Сознаніе своего „я“ не исчезнетъ въ самой мелкой личности. Но, отвернувшись отъ своего настоящаго назначенія, утративъ свое нравственное достоинство, она извратится, исказитъ свои стремленія и свойства. Человѣческое „я“ будетъ слишкомъ мелко, чтобы воспринять въ себя радости и горести своей страны, усвоить общія стремленія своего времени и народа, уяснить себѣ цѣли общественной жизни, посвятить себя на

служеніе имъ, сдѣлаться нравственнымъ средоточіемъ цѣлаго круга лицъ, идущихъ къ одной общей цѣли. Ей будутъ непонятны идеи долга, акты сомоотверженія, патріотизма. Но тѣмъ сильнѣе, упорнѣе поставитъ она *себя* цѣлью не только своей дѣятельности, но и общественной работы. Она потребуетъ отъ общества быстрыхъ отличій, скорой наживы, легкихъ наслажденій, удобной морали. Соревнованіе на поприщѣ служенія общественнаго замѣнится соперничествомъ изъ-за личнаго благополучія. Въ неугомонной погонѣ за общественнымъ положеніемъ и богатствомъ, человѣкъ перешагнетъ чрезъ всѣ принципы; онъ пройдетъ мимо толпы голодныхъ несчастливцевъ, измученныхъ тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ; онъ не задумается нанести имъ послѣдній ударъ, если это окажется выгоднымъ. А это бываетъ выгодно весьма часто. Въ каждой личности готовъ возродиться миѳологическій Молохъ, требующій человѣческихъ жертвъ. Не вырубливаютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, мелкій лѣсъ, чтобы крупному было больше простора? А въ данномъ случаѣ, каждый радъ причислить себя къ избранникамъ нашего рода. Война всѣхъ противъ всѣхъ, поставленная Гоббесомъ за предѣлами человѣческихъ обществъ, продолжается и въ обществѣ, но съ слѣдующею капитальною разницею.

Въ состояніи первобытномъ насиліе было откровенно; оно считалось даже правомъ. Въ честь ему пѣлись гимны. Боецъ, украшенный кожами, содранными съ головы противниковъ, дѣлался героемъ своего племени. Въ Валгаллу можно было пройти только по трупамъ убитыхъ враговъ. Въ обществѣ, прослушавшемъ десять заповѣдей и разныя другія правила нравственности; въ обществѣ, оффиціально признавшемъ убійство, грабежъ, воровство, обманъ дѣйствіями непохвальными и даже наказуемыми,—положеніе личности, обратившейся къ „естественному“ состоянію, дѣлается трагическимъ. Она ведетъ свою „борьбу“ безъ особеннаго выбора средствъ; въ то же время ей необходимо сохранить хотя бы видъ согласія съ правилами общественной нравственности. Умъ человѣческій изобрѣтателенъ, и извращенная личность завоюетъ себѣ не только безнаказанность, но и почетное общественное положеніе. Во-первыхъ, явится убѣжденіе, что есть область дѣйствій и отношеній, гдѣ личность должна оставаться *безконтрольною*, куда пытливый глазъ общества не смѣетъ проникать. Проводится различіе между жизнью частною и жизнью общественною. Предполагается, что человѣкъ въ одной сферѣ будетъ однимъ, а въ другой—совершенно инымъ. Предполагается, что нравственность, пораженная въ области частныхъ отношеній, изгнанная эгоизмомъ и развратомъ изъ семьи, изъ области всѣхъ гражданскихъ сдѣлокъ, что нравственность эта останется

твердымъ основаніемъ отношеній общественныхъ. И вы думаете, что съ перемѣною *мѣста* дѣятельности эгоистъ сдѣлается самоотверженнымъ гражданиномъ? Fit magna mutatio loci, non ingenii, какъ говорилъ Цицеронъ.

Такъ или иначе, частная жизнь обнесена стѣной; домашній тиранъ, расточитель, игрокъ, гуляка можетъ безпрепятственно взять въ свои руки высшіе интересы страны. Расточитель будетъ превосходно вести общественное хозяйство; игрокъ сбережетъ общественное достояніе; развратный гуляка будетъ охранять общественную нравственность. Но если ожиданія не оправдаются? Если расточитель доведетъ общество до банкротства и станетъ расхищать казну; если гуляка, вмѣсто охраненія общественной нравственности, увеличитъ скандалъ разврата? Человѣческая изобрѣтательность придетъ къ нимъ на помощь. Явится разсужденіе о томъ, что всѣ понятія о нравственности относительны; что каждое время имѣетъ свой нравственный кодексъ и каждый человѣкъ—дитя своего времени; каждый даетъ обществу то, что̀ ему самому дала общественная среда. Пусть и судятъ его въ условіяхъ нашего времени. Притомъ—все ли такъ дурно въ этихъ „дѣтяхъ вѣка“? Не отдаютъ ли и они дани добрымъ принципамъ и хорошимъ чувствамъ? Они расточаютъ казну, но покровительствуютъ искусствамъ; они хищничаютъ, но отдаютъ часть своего достоянія на общеполезныя предпріятія. Они развлекались филантропіей и учреждали благотворительныя общества. Дѣлая зло одной рукой, они другой дѣлали добро. Въ этой смѣси дурного и хорошаго, гдѣ возможность найти основаніе для рѣшительнаго осужденія человѣка? Еще нѣсколько шаговъ на этомъ пути—и мы дойдемъ до утвержденія, что въ хищникѣ есть нѣкоторая доза добродѣтели. Мало того: хищники, достигшіе высокаго общественнаго положенія, потребуютъ для себя титулъ мужей добродѣтельныхъ.

Есть ли, наконецъ, надобность прибѣгать къ искусственному смѣшенію добра со зломъ? При условности всѣхъ нравственныхъ понятій, нельзя ли злу придать видъ добра? Общественные дѣятели изобрѣли способъ совершать преступленія съ видомъ добродѣтели, и требуютъ признанія за ними этого качества. Хищникъ распространяется о своемъ безкорыстіи; грубый эгоистъ твердитъ о своемъ самоотверженіи; свирѣпый олигархъ прикидывается другомъ народа; явный ретроградъ во что бы то ни стало добивается титула друга свободы. Горе тѣмъ, кто откажетъ имъ въ этомъ удовольствіи! Да почему бы и отказать? Понятія о добрѣ и злѣ такъ условны и неопредѣленны; слова: добродѣтель, самоотверженіе, долгъ, нравственность, свобода—до такой степени сдѣлались словами, зву-

комъ, лишеннымъ всякаго смысла, что ихъ можно приложить къ какому угодно дѣйствію, къ какой угодно личности. И общество не останется въ долгу. Оно украситъ счастливца всѣми названіями, которыми преданіе или мода любятъ обозначать лучшія качества человѣческой души. Оно дастъ ему право любоваться самимъ собой въ портретѣ, нарисованномъ лестью и угодливостію. Оно заботливо отгонитъ отъ него всякое сомнѣніе, всякое чувство вины, и дастъ душѣ его миръ, не миръ Божій, конечно, но миръ пресыщенія, нравственнаго отупѣнія и беззастѣнчиваго самодовольства.

Въ итогѣ — *ложь* есть послѣднее слово такого общественнаго развитія. Въ этой лжи исчезаетъ, глохнетъ все, изъ чего слагается нравственная личность человѣка. Нѣтъ недостатка въ громкихъ и парадныхъ фразахъ; но ими прикрываются вопіющія злоупотребленія. Самая добродѣтель теряетъ смыслъ и цѣну. Среди всеобщей лжи, всеобщаго лицемѣрія, въ силу привычки видѣть разладъ между словомъ и дѣломъ, каждый актъ самоотверженія является подозрительнымъ, каждый геройскій поступокъ объясняется низкими побужденіями. Остатки мужества и энергіи пропадаютъ у тѣхъ, въ комъ они уцѣлѣли по непонятнымъ причинамъ. Есть души, не утратившія еще нравственныхъ силъ; чаянія лучшихъ временъ носятся предъ ними, какъ блѣдный и неуловимый призракъ. Но эти свѣтлыя пятна не разгоняютъ всеобщаго мрака. Настроеніе этихъ рѣдкихъ душъ вѣрно угадано поэтомъ:

Далекая звѣзда мелькаетъ точкой бѣлой—
И въ небѣ нѣтъ другихъ свѣтилъ,
Громадный городъ спитъ, въ безпутствѣ закоснѣлый,
И бредитъ, какъ лишенный силъ...
Мысль ищетъ выхода—ее пугаетъ холодъ,
Она мнѣ кажется мечтой;
И не найдутъ ее, когда проснется городъ
Съ его бездушной суетой. *(Я. П. Полонскій).*

II.

Что такое *идеалъ*? Въ чемъ состоитъ это загадочное благо, въ утратѣ котораго многіе обвиняютъ современное общество? Этотъ вопросъ настоятельно требуетъ разрѣшенія. Справедливы или несправедливы упреки, посылаемые намъ лучшими умами нашего вѣка? Въ самомъ ли дѣлѣ наше время такъ бѣдно нравственнымъ содержаніемъ, какъ думаютъ многіе?

На первый взглядъ можетъ показаться, что это „недовольство своимъ временемъ" есть нѣчто напускное, модное, и потому фаль-

шивое. Не въ наше ли время возбуждено множество великихъ и практическихъ вопросовъ всеобщаго благосостоянія? Усилія науки и прикладныхъ знаній не направлены ли къ тому, чтобы увеличить общую сумму средствъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей человѣка? Культура не замыкается уже въ кругу классовъ избранныхъ; съ каждымъ поколѣніемъ она все больше и больше проникаетъ въ массы. Самыя массы эти сдѣлались, повидимому, предметомъ бо́льшаго попеченія, чѣмъ когда бы то ни было. Коротко говоря, если судить о наличности идеаловъ по количеству и широтѣ практическихъ цѣлей, по возвышенности и красотѣ принциповъ, то наше время можетъ гордиться своими идеалами.

Но для всякаго, кто съумѣетъ провѣрить отношеніе этихъ практическихъ цѣлей и высокихъ принциповъ къ *внутренней жизни* человѣка, станетъ ясно, что подъ этимъ шумомъ общественной жизни, подъ этими громкими фразами скрывается нѣкоторая пустота нашего я, слѣдовательно, того творческаго начала, которое одно можетъ создать дѣйствительный идеалъ. Ничто, говорилъ Паскаль, не можетъ привести насъ къ познанію (внутренней) нищеты людей, какъ разсмотрѣніе истинной причины той суеты, въ которой они проводятъ свою жизнь... *Человѣкъ страдаетъ невыносимо, если онъ принужденъ жить съ собой и думать о себѣ.* Вся его забота состоитъ въ самозабвеніи. Вотъ источникъ всѣхъ шумныхъ человѣческихъ занятій, всего, что называется развлеченіемъ или времяпрепровожденіемъ, цѣль которыхъ убить время незамѣтно или, вѣрнѣе, не думая о себѣ, избѣжать, потерявъ эту часть жизни, внутреннюю горечь и отвращеніе, необходимо сопровождающія вниманіе къ самому себѣ.— Радость человѣческой души состоитъ въ этомъ забвеніи: для того, чтобы сдѣлать ее несчастной, достаточно заставить ее увидѣть себя и быть съ собой. Съ дѣтства на людей взваливаютъ заботы—объ ихъ чести, ихъ имуществѣ, даже о благѣ и общественномъ положеніи ихъ родныхъ и друзей. Ихъ обременяютъ изученіемъ языковъ, наукъ, тѣлесныхъ упражненій и искусствъ. Ихъ заваливаютъ дѣлами; имъ внушаютъ, что они не будутъ счастливы, если своими заботами и трудами они не приведутъ въ добрый порядокъ свое состояніе и свое положеніе и даже положеніе и имущество своихъ друзей, и что малѣйшій недостатокъ въ этихъ вещахъ сдѣлаетъ ихъ несчастными. Такъ, имъ даютъ должности и дѣла, заставляющія ихъ метаться съ самой зари. Вотъ, скажете вы, странный способъ дѣлать ихъ счастливыми. Что же сдѣлать лучшаго для ихъ несчастія? Что сдѣлать?— спросите вы. Нужно только отнять у нихъ всѣ эти заботы: тогда они увидѣли бы себя, подумали бы о себѣ. А это для нихъ невыносимо" [1]).

[1]) Pascal: Pensées. 1-re P., Art. VII, I.

Мизантропъ, аскетъ! Да,—но мизантропъ и аскетъ въ выводахъ. а не въ указанiи факта. Религiозный экстазъ, къ которому приходитъ Паскаль, другая крайность, своего рода самозабвенiе. Но вотъ въ чемъ онъ правъ. Всѣ эти шумныя предпрiятiя, рискованныя спекуляцiи, пышныя фразы никакъ не свидѣтельствуютъ о развитiи нашего внутренняго содержанiя. Формы нашей общественной жизни сдѣлались разнообразнѣе, предпрiятiя многочисленнѣе, практическiя цѣли шире, принципы формулируются лучше, но это потому, что самыя *условiя* жизни сдѣлались сложнѣе, запросы разнообразнѣе, орудiя мысли, экономическаго производства, сообщенiя и т. д. лучше. Мы ѣздимъ по желѣзнымъ дорогамъ, пользуемся телеграфомъ, производимъ страшно много на фабрикахъ и заводахъ, устраиваемъ школы, банки, разныя ассоцiацiи и... врядъ ли можемъ отдать себѣ отчетъ въ нашемъ душевномъ настроенiи. Попробуемъ добраться чрезъ весь этотъ „строй экономическихъ предпрiятiй" до внутренняго существа человѣка; допросимъ это прогрессирующее общество, какiе мотивы, какое мiросозерцанiе, какой „нравственный строй" лежитъ въ основанiи всей этой видимой горячки? Молчанiе. Только отъ времени до времени выдаетъ это общество свой грустный секретъ. То лопнувшiй банкъ открываетъ картину невообразимаго хищничества; то страшный застой по желѣзнымъ дорогамъ и „несчастные случаи" вскрываютъ секретъ изворовавшейся желѣзнодорожной администрацiи; то печати удается поймать за руку нечестивыя продѣлки тѣхъ, кому законъ ввѣрилъ защиту чести, имущества и свободы ближнихъ. Наилучшiя общественныя формы дѣлаются орудiемъ своекорыстiя; высокiе принципы вырождаются во фразы, лишенныя смысла; ими прикрываются возмутительнѣйшiе инстинкты, гнуснѣйшiя цѣли. И все это безъ всякаго отпора со стороны общества.

Среди этого хаоса человѣкъ не находитъ точки опоры для разумнаго и здороваго протеста. Онъ не видитъ даже ближайшаго будущаго своей страны; онъ не знаетъ, куда уноситъ его теченiе. Жизнь дѣлается непрiятною и тяжкою обязанностью. Она похожа на длинную, скучную и безсвязную лѣтопись, чтенiе которой можно прервать на любой страницѣ. Оборвалась страница—и человѣкъ сходитъ съ своего поприща безъ сожалѣнiя. Онъ не оставляетъ за собою никакихъ плановъ и надеждъ, достойныхъ того, чтобы оплакивать ихъ утрату. Нарушилось призрачное равновѣсiе жизни—и онъ готовъ покончить съ собою такъ, какъ лучшiе люди нѣкогда кончали съ собою изъ-за бѣдствiй родины, изъ-за крушенiя политическихъ идеаловъ.

Чего недостаетъ этимъ людямъ? Общественныхъ и политическихъ партiй, формулъ, принциповъ? Но и того, и другого, и третьяго они вездѣ могутъ найти въ изобилiи. Любая книга дастъ вамъ десять

формулъ, любой разговоръ подскажетъ вамъ нѣсколько принциповъ. Каждый, по выбору своему, можетъ объявить себя другомъ регламентаціи или защитникомъ свободы, протекціонистомъ или фритредеромъ, защитникомъ крупной или мелкой собственности, общины или участковаго владѣнія, артельнаго начала или частной предпріимчивости, брака церковнаго или брака гражданскаго, единоженства или многоженства, абсолютистомъ или конституціоналистомъ, метафизикомъ или позитивистомъ— языкъ отказывается исчислить всѣ эти заглавія разныхъ принциповъ, умъ не можетъ уловить всѣхъ оттѣнковъ партій. Чего же вамъ нужно, чего нѣтъ, чего мы ищемъ? Почему жизнь наша не является столь же разнообразною, содержательною, заманчивою, какъ содержательны, заманчивы и разнообразны всѣ эти принципы, всѣ эти красивыя формулы?

Потому что всякій принципъ становится дѣйствительно практическимъ мотивомъ жизни только тогда, *когда онъ соотвѣтствуетъ внутреннему настроенію человѣка*, когда онъ *выражаетъ* собою опредѣленную долю нашего дѣйствительнаго міросозерцанія, составляетъ часть нашего „я“. Безъ этой подкладки принципъ—пустая формула, неспособная двинуть людей на подвигъ. При соотвѣтствіи принципа съ внутреннимъ содержаніемъ человѣка, послѣдній способенъ на геройскую смерть, какъ бы ни была бѣдна его жизненная обстановка, какъ бы ни былъ низокъ уровень его умственнаго развитія, какъ бы ни были странны его принципы.

Прослушайте старинную повѣсть о „морскомъ королѣ“ IX вѣка—Рагнарѣ Ладброгѣ. Онъ выросъ въ неприглядной и дикой скандинавской природѣ. Жизнь его ушла на буйные набѣги, сопровождавшіеся грабежами, пожарами и убійствами. Наконецъ онъ попался въ плѣнъ англійскому королю. Король бросилъ его въ темницу, наполненную ядовитыми змѣями. Онъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Но преданіе приписываетъ ему знаменитую смертную пѣснь, въ которой такъ полно выразилось міросозерцаніе норманскихъ викинговъ. Вся она—грозная симфонія на ту тему, что человѣкъ призванъ къ войнѣ и что въ чертогъ Одина проникаютъ только по трупамъ враговъ.

„Мы рубились мечами,—пѣлъ морской король, терзаемый змѣями,—теперь я испытываю, что люди—рабы судьбы: они повинуются приговору фей, властвовавшихъ ихъ рожденіемъ. Когда я пустилъ въ море мои корабли, я думалъ насыщать волковъ, а не встрѣтиться съ концомъ моей жизни. Но радуюсь, вспоминая, что мнѣ приготовлено мѣсто въ чертогахъ Одина. Тамъ, за великимъ пиромъ, будемъ пить пиво полными черепами...

„Мы рубились мечами въ сто-пятидесяти-одной битвѣ. Есть ли въ людяхъ король славнѣе меня? Смолоду я учился обагрять желѣзо

кровью. Нечего плакать о моей смерти: пора мнѣ кончить. Посланныя ко мнѣ Одиномъ богини зовутъ меня и приглашаютъ. Иду. Сяду въ первыхъ рядахъ пить пиво съ богами. Жизнь моя прошла. Умираю, смѣясь".

Попробуйте остановить натискъ людей, предводимыхъ такими викингами! Англія нѣсколько разъ дѣлалась добычей этихъ удальцовъ, франкская монархія зашаталась подъ ихъ ударами и едва отдѣлалась уступкою богатѣйшей провинціи. Чтó составляло ихъ силу, гдѣ источникъ этой дикой отваги? Врядъ ли они съумѣли бы формулировать свои принципы, еще меньше подчинили бы они этимъ принципамъ свои страсти. Но мощный идеалъ владѣлъ всѣмъ внутреннимъ ихъ существомъ, и они шли нá смерть, какъ на пиръ.

Возможность идеала опредѣляется именно извѣстнымъ внутреннимъ настроеніемъ: скажемъ больше: *идеалъ есть опредѣленное настроеніе нашихъ нравственныхъ силъ.* Ошибочно смѣшивать его съ опредѣленною теоріею, даннымъ принципомъ, законченною формулою. Весьма часто подъ именемъ идеала разумѣется отвлеченное представленіе о совершеннѣйшемъ общественномъ, экономическомъ, семейномъ и т. д. устройствѣ. Такъ говорятъ объ общественномъ идеалѣ Т. Мора, Кампанеллы, Фурье, Кабе и другихъ. Такъ говорятъ объ идеальномъ государствѣ Платона, хотя этотъ мыслитель самъ заявилъ, что оно не можетъ получить практическаго осуществленія. Но эти идеалы были только внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго философскаго, нравственнаго, экономическаго и т. д. міросозерцанія, и притомъ выраженія, далеко не исчерпывавшія ихъ. Объ идеалѣ Платона нельзя судить по одному его трактату „О государствѣ". Необходимо принять въ разсчетъ его разговоры о политикѣ и о законахъ, обратиться къ другимъ философскимъ его сочиненіямъ. И здѣсь мы не найдемъ полнаго, исчерпывающаго опредѣленія Книга не выражаетъ всего человѣка, и выражаетъ его не всегда вѣрно— не даромъ Сократъ такъ не любилъ книгъ. Нужно принять въ разсчетъ школу Сократа, изъ которой вышелъ Платонъ, послушать его бесѣды съ учениками и друзьями, присмотрѣться къ его жизненной обстановкѣ, тогда бы поняли мы творческую силу, создавшую эти дивные разговоры, на которыхъ воспиталось столько поколѣній.

Идеалъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, есть неистощимый источникъ всякихъ представленій, всякихъ принциповъ, выражающихъ душевное настроеніе человѣка, воспріявшаго идеалъ. Задача преобразователей человѣческой нравственности заключалась вовсе не въ томъ, чтобы представить людямъ проектъ всесовершеннѣйшаго устройства и планъ наилучшаго образа жизни. Сократъ произвелъ свою философскую революцію, не написавъ ни одной строки и не нари-

совавъ ни одного плана человѣческаго общества. Еще больше: все христіанское ученіе не содержитъ въ себѣ проекта наилучшаго общественнаго устройства.

Христіанская проповѣдь вся разсчитана на внутреннее перерожденіе человѣка; вся она имѣетъ цѣлію вызвать въ человѣкѣ опредѣленное душевное настроеніе. Христосъ рѣшительно отказывался дать видимые знаки приближенія царствія Божія, которое Онъ возвѣщалъ. Не говорите. проповѣдывалъ Онъ, что царствіе Божіе здѣсь или тамъ: *оно внутри васъ.*

Во всемъ Его ученіи не видно ни малѣйшей попытки создать что-нибудь похожее на кодексъ нравственности, на совокупность внѣшнихъ правилъ, которымъ достаточно слѣдовать, чтобы достигнуть полнѣйшаго совершенства. Развѣ Его нагорная проповѣдь есть „совокупность правилъ“ человѣческаго поведенія? Развѣ она призываетъ людей къ какому-нибудь внѣшнему дѣйствію? Нисколько. Она говоритъ о жаждѣ правды, о милосердіи, о готовности претерпѣть гоненіе за истину, о тѣхъ чувствахъ человѣка, при которыхъ онъ можетъ найти внутренній миръ и будетъ готовъ на все. Развѣ Онъ сказалъ людямъ—дѣлайте добро другъ другу? Онъ сказалъ—*люби* ближняго, и зналъ, что за любовью послѣдуютъ добрыя дѣла. Онъ осудилъ фарисея не за что иное, какъ за то, что фарисейство довольствовалось исполненіемъ внѣшнихъ правилъ и въ этомъ полагало всю добродѣтель. Въ глазахъ Христа мытарь былъ выше фарисея потому, что хотя онъ и не исполнилъ ни одного изъ внѣшнихъ правилъ, но внутреннее настроеніе его, въ минуту покаянія, было чище и выше фарисейской гордости. „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда. между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды!“

Вотъ гдѣ сила христіанства. Овладѣйте внутреннимъ человѣкомъ, и вы овладѣете всѣмъ остальнымъ. Христіанство шло именно къ этой цѣли и меньшимъ не довольствовалось. Поэтому оно могло произвести величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ нравственныхъ переворотовъ; поэтому *христіанскій идеалъ* сдѣлался основаніемъ новой культуры. Не выступая впередъ съ законченнымъ и замкнутымъ кодексомъ человѣческой нравственности, оно сдѣлалось обильнымъ источникомъ разнообразныхъ принциповъ, основаніемъ различныхъ культурныхъ типовъ. Христіанская идея выразилась въ православіи, въ католицизмѣ и въ протестантизмѣ. Отъ этого общаго корня пошли разнообразнѣйшія секты въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Общее нравственное основаніе выразилось и въ сонмѣ мучениковъ, отдававшихъ себя на растерзаніе звѣрямъ во имя Христово, и въ аскетѣ Ѳиваидской пустыни, и въ воинѣ-крестоносцѣ, и въ Орлеанской дѣвѣ, поднявшей свое

знамя на защиту родины, и въ суровомъ пуританинѣ, укрѣпившемъ свободу Англіи и основавшемъ новый политическій міръ въ Америкѣ. Какое различіе временъ, обстоятельствъ, уровня образованія, принциповъ, формулъ! И все это проникнуто, въ существѣ, одною мыслью, одухотворявшею цѣлые народы!

Но, скажутъ намъ, примѣръ христіанства можетъ ли быть примѣромъ, рѣшающимъ данный вопросъ? Ученіе христіанское, какъ ученіе религіозное, не могло быть обращено ни къ чему иному, какъ къ человѣку внутреннему. Философія политическая, имѣющая дѣло съ „царствомъ отъ міра сего", не должна ли обращать преимущественное вниманіе на предметы видимые, на вопросы осязаемые, на дѣйствія внѣшнія? Конечно. Но если ея системы, теоріи и принципы не будутъ имѣть никакого воздѣйствія на внутреннее настроеніе человѣка, если они не будутъ разсчитаны на нравственное возрожденіе людей, они останутся безплодною игрою ума, бездушною комбинаціею законовъ и учрежденій.

Одинъ изъ величайшихъ политическихъ мыслителей прошлаго вѣка, умъ геніальный, хотя и парадоксальный, Ж. Ж. Руссо, началъ свое обличеніе современнаго ему общества именно съ нападенія на его нравственную дряблость. Общество, гордившееся великими научными открытіями, изяществомъ своихъ нравовъ, изысканностію обращенія, бесѣдовавшее за веселыми ужинами о системѣ Ньютона и теоріи Кондильяка, о духѣ законовъ Монтескьё и послѣднемъ сочиненіи Вольтера, общество это жило блестящею внѣшнею жизнью. Нужно прочесть современные мемуары, вдуматься въ блестящую характеристику Тэна, чтобы понять жизнь этого „культурнаго слоя", полагавшаго, что онъ довелъ цивилизацію до послѣдней степени совершенства. Часть и органъ этого общества, Дижонская академія, задаетъ на конкурсъ тему слѣдующаго содержанія: „содѣйствовало ли возрожденіе наукъ очищенію нравовъ?" Опасный вопросъ! Можно было подумать, что при одномъ взглядѣ на тотъ просвѣщенный, изящный и учтивый культурный слой, каждый сочинитель падетъ ницъ и пропоетъ гимнъ наукамъ? Но въ правленіи академіи полученъ загадочный пакетъ. Въ немъ содержалась слава неизвѣстнаго еще писателя, но слава эта будетъ пріобрѣтена не на счетъ восхваленія наукъ.

„Какъ пріятно,—писалъ онъ,—было бы жить среди насъ, если бы внѣшнее приличіе было всегда выраженіемъ сердечнаго настроенія, если бы благопристойность была добродѣтелью, если бы наши принципы служили для насъ правиломъ, если бы истинная философія была нераздѣльна съ названіемъ философа!"

Но, увы! страстная и сильная діалектика женевскаго философа

разоблачила, что скрывалось подъ этою блестящею внѣшностью. Если принять въ разсчетъ, что знаменитая „рѣчь“ обращалась къ обществу, унесенному революціею менѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ она была написана; если принять это въ разсчетъ, говорю я, то нельзя читать ее безъ особеннаго ощущенія. Она—точно отходная, написанная заживо и для здороваго, повидимому, человѣка. Гдѣ и въ чемъ искалъ Руссо этихъ симптомовъ смерти? Именно въ этомъ страшномъ несоотвѣтствіи внѣшняго и внутренняго, въ отсутствіи *человѣка*, съ здоровыми и неизвращенными инстинктами, человѣка, возвращеннаго къ природѣ, къ естественному чувству изъ того міра призраковъ, въ которомъ жилъ и глохъ современный ему человѣкъ. Вотъ почему онъ противопоставилъ этому человѣку другого, въ своемъ Эмилѣ. Вотъ почему онъ такъ много писалъ о воспитаніи—гораздо больше, чѣмъ о политикѣ.

Можетъ быть,—старая исторія? Есть примѣры изъ исторіи новой, почти современной. 27 января 1848 года, французская палата депутатовъ была занята бурными преніями по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь. Политика правительства, особенно внутренняя, подверглась строгому разбору. Никто изъ членовъ палаты не полагалъ, однако, что дѣло кончится низверженіемъ іюльской монархіи. Оппозиція мечтала о перемѣнѣ министерства, крайніе изъ крайнихъ не шли дальше „реформы избирательнаго права“. Большинство спокойно и самодовольно держалось за status quo. Пренія благополучно вращались около частныхъ политическихъ вопросовъ. Вдругъ одинъ изъ членовъ палаты, извѣстный Токвиль, перенесъ дѣло на совсѣмъ иную почву. Вмѣсто того, чтобы говорить о финансахъ, объ администраціи и тому подобномъ, онъ повернулъ свою аргументацію противъ палаты, противъ той, въ цензѣ состоявшей Франціи, которая давала странѣ ея представителей.

„Господа,—говорилъ онъ,—быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что нынѣшнее положеніе вещей, нынѣшнее состояніе мнѣнія и умовъ во Франціи способно безпокоить и огорчать. Что касается меня, то я заявляю палатѣ откровенно, что въ первый разъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ я ощущаю нѣкоторый страхъ за будущее. Справедливость моихъ словъ доказывается тѣмъ, что онъ присущъ не одному мнѣ.—Если я вѣрно понялъ сказанное недавно г. министромъ финансовъ,—кабинетъ самъ допускаетъ дѣйствительность впечатлѣнія, о которомъ я говорю. Но онъ приписываетъ его разнымъ частнымъ причинамъ, недавнимъ случаямъ изъ нашей политической жизни, сборищамъ, взволновавшимъ умы, словамъ, возбудившимъ страсти.

„Господа, я боюсь, что, приписывая признанное зло такимъ при-

чинамъ, хватаются не за болѣзнь, а за симптомы. Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что болѣзнь не здѣсь; она глубже и имѣетъ болѣе общій характеръ. Эта болѣзнь, которую нужно излѣчить во что бы то ни стало, иначе она унесетъ всѣхъ насъ, всѣхъ, слышите ли вы; болѣзнь эта—состояніе, въ которомъ находится духъ общественный, общественные нравы".

Здѣсь развертываетъ Токвиль картину этого нравственнаго паденія буржуазіи наканунѣ той революціи, которая дѣйствительно унесла палату, нетерпѣливо слушавшую оратора. Буржуазія, палата и правительство одинаково были привлечены имъ къ отвѣтственности.

„Я убѣжденъ,—говорилъ онъ,—что духъ общественный и нравы общества находятся въ опасномъ состояніи, и думаю, что правительство содѣйствовало и содѣйствуетъ къ увеличенію этой опасности. Вотъ что́ заставило меня взойти на трибуну".

Обращаясь прежде всего къ палатѣ, ораторъ пригласилъ депутатовъ министерскаго большинства сдѣлать небольшой статистическій обзоръ избирательныхъ собраній, пославшихъ ихъ въ палату. „Пусть отнесутъ они къ первой категоріи тѣхъ, кто подаетъ за нихъ голосъ не въ силу политическихъ убѣжденій, но по дружбѣ и сосѣдству; во второй разрядъ пусть поставятъ они тѣхъ, кто вотируетъ за нихъ не во имя интересовъ общихъ, а ради интересовъ чисто мѣстныхъ. Къ этой второй категоріи пусть они прибавятъ лицъ, голосующихъ изъ личныхъ разсчетовъ, и я спрошу ихъ, много ли останется отъ этихъ „категорій"; я спрашиваю ихъ, составляютъ ли лица, вотирующія по безкорыстному общественному чувству, въ силу убѣжденій и политическихъ страстей, большинство избирателей, давшихъ имъ депутатскія полномочія? Я убѣжденъ, что они легко откроютъ противное. Позволю себѣ спросить еще, не возростаетъ ли число лицъ, голосующихъ изъ-за личныхъ и частныхъ интересовъ въ теченіе послѣднихъ пяти, десяти, пятнадцати лѣтъ? Не уменьшается ли число тѣхъ, кто вотируетъ по убѣжденіямъ политическимъ? Пусть скажутъ они, наконецъ, не устанавливается ли вокругъ нихъ, на ихъ глазахъ, въ общественномъ мнѣніи странная терпимость фактовъ, о которыхъ я говорю? Не образуется ли мало-по-малу вульгарной и низкой морали, по ученію которой человѣкъ, обладающій политическими правами, *долженъ* пользоваться ими въ своихъ личныхъ интересахъ, въ интересахъ своихъ дѣтей, жены, родныхъ; не возводится ли это понемногу на степень обязанности отца семейства? Не распространяется ли, не овладѣваетъ ли умами эта новая мораль, неизвѣстная въ великія времена нашей исторіи, неизвѣстная въ началѣ нашей революціи? Спрашиваю ихъ объ этомъ?

„Что же это, какъ не глубокое и послѣдовательное паденіе, полное развращеніе общественныхъ нравовъ?"

Дошла очередь и до министерской скамьи. Токвиль согласился, что правительство Людовика-Филиппа, въ теченіе 18 лѣтъ своего существованія, расширило свою власть больше, чѣмъ этого можно было ожидать. Но какими средствами достигнутъ подобный результатъ? Какъ отразился онъ на общественной нравственности?

„Способъ, которымъ достигнутъ этотъ результатъ,—говорилъ Токвиль,—способъ окольный, до извѣстной степени подложный, нанесъ общественной нравственности гибельный ударъ. Присвоеніемъ старыхъ прерогативъ, которыя считались уничтоженными въ 1830 году; оживленіемъ старыхъ правъ, считавшихся отмѣненными; возстановленіемъ старыхъ законовъ; примѣненіемъ законовъ новыхъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были составлены—этими окольными путями, этимъ ученымъ и выдержаннымъ мастерствомъ (industrie), правительство расширило свое дѣйствіе и вліяніе болѣе, чѣмъ какое бы то ни было французское правительство.

„Вотъ, господа, что̀ сдѣлало правительство и особенно нынѣшнее министерство. Думаете ли вы, что этотъ путь, который я только-что назвалъ окольнымъ и подложнымъ, этотъ путь—пріобрѣтать власть по-немногу, захватывать ее неожиданно, пользуясь не-конституціонными средствами; думаете ли вы, что это страшное зрѣлище ловкости и умѣнья обдѣлывать дѣла, представляемое публично въ теченіе многихъ лѣтъ, на обширномъ театрѣ цѣлой націи, смотрящей на васъ, думаете ли вы. что это зрѣлище способно улучшить нравы?"

Мы знаемъ, чѣмъ кончилось это великое „мастерство". Мы знаемъ даже больше. Намъ извѣстно, что февральская революція унесла актеровъ этой позорной драмы. Она выдвинула впередъ множество великихъ вопросовъ и принциповъ. Кому неизвѣстно, какимъ кукольнымъ и, въ то же время, кровавымъ образомъ разрѣшились эти вопросы. Какъ, пользуясь тою же дряблостью общества, украдкою и насиліемъ утвердилось во Франціи позорнѣйшее изъ правительствъ, подъ которымъ глохла всякая мысль, всякое живое чувство.

„Франція 2 декабря,—писалъ Прудонъ,—не слѣдуетъ ни Евангелію, ни деклараціи правъ; это—ни монархія божественнаго права, ни демократія по революціи, ни правительство среднихъ классовъ съ равновѣсіемъ властей, какъ того желали хартіи 1814 и 1830 годовъ".

И въ этой странной Франціи человѣкъ палъ еще ниже. „Франція,—восклицаетъ тотъ же публицистъ, — утратила свои нравы... Скептицизмъ, опустошивъ религію и политику, опрокинулся на нравственность—въ этомъ состоитъ современное разложеніе. Подъ изсу-

шающимъ дѣйствіемъ сомнѣнія, французская нравственность, въ ея внутреннемъ существѣ, разрушена. Ничто не устояло — разгромъ полный. Никакого понятія о справедливости, никакого уваженія къ свободѣ, никакой солидарности между гражданами. Нѣтъ учрежденія уважаемаго, нѣтъ принципа, который бы не былъ отрицаемъ и осмѣянъ. Намъ нечѣмъ и не о чемъ клясться. Наша клятва не имѣетъ смысла. Подозрѣніе, поражающее принципы, обращается и на людей: не вѣрятъ больше ни въ неподкупность правосудія, ни въ честность власти... Всеобщее направленіе, преданное эмпиризму; аристократія биржи, съ злобою „раздѣльщиковъ“ кидающаяся на общественное достояніе; средній классъ, умирающій отъ трусости и глупости; plebs, погрязшій въ нищетѣ и дурныхъ побужденіяхъ; женщина, воспламененная роскошью и мотовствомъ, безстыдное юношество, старческое дѣтство, духовенство, наконецъ, опозоренное скандаломъ и мщеніемъ, не вѣрящее само въ себя и чрезъ силу нарушающее общественное молчаніе мертво-рожденными догматами— таковъ профиль нашего вѣка“. И Седанъ доказалъ, насколько былъ правъ Прудонъ.

Въ другое время, столь же печальное, Ройе-Колларъ говаривалъ: „Общество обратилось въ прахъ; намъ остаются воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумство и отчаяніе“.

Не свидѣтельствуетъ ли все это, что во всѣ времена возрожденія или упадка человѣческихъ обществъ, его преобразователи и даже просто изслѣдователи обращали свое вниманіе на то, чѣмъ держатся всѣ учрежденія, безъ чего безсильны всѣ внѣшнія правила, самыя точныя и строгія—на складъ нравственныхъ убѣжденій человѣка?

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы убѣжденія не должны были выражаться въ опредѣленныхъ системахъ и принципахъ; чтобы эти системы и принципы не слѣдовало воплотить въ строѣ общественныхъ учрежденій. Хорошія учрежденія—великое воспитательное средство для общества. Во многихъ отношеніяхъ остаются справедливыми слова пиѳагорейца, цитированнаго Гегелемъ: „Хочешь ли сдѣлать своего сына хорошимъ человѣкомъ? Сдѣлай его гражданиномъ хорошаго государства“. Но весь вопросъ въ томъ, въ какомъ духѣ задуманы учрежденія, для какой цѣли совершенствуются внѣшнія условія. Если экономическія реформы задумываются съ тою только цѣлью, чтобы внѣшними способами увеличить матеріальное благосостояніе общества, если онѣ разсчитаны только на стремленіе къ обогащенію, онѣ никогда не достигнутъ цѣли. Онѣ не будутъ полны и никогда не будутъ полны потому, что творческою экономическою силою остается та же человѣческая личность, ея

трудъ; а трудъ есть не только механическое дѣйствіе, но и нравственный актъ, нуждающійся въ нравственныхъ стимулахъ. Голая страсть къ *наживѣ* и къ матеріальнымъ наслажденіямъ способна породить *спекуляцію*, но не дастъ странѣ правильнаго и дѣйствительно производительнаго труда. Поэтому такія реформы не достигнутъ и своей цѣли. Цѣль дѣйствительной экономической реформы— увеличеніе суммы производства и правильное распредѣленіе богатствъ. Но безъ поднятія нравственнаго уровня общества трудъ всегда будетъ обращаться не на тяжкія, хотя и производительныя его отрасли, а на занятія легкія и въ данную минуту наиболѣе прибыльныя съ личной точки зрѣнія. Земледѣліе придетъ въ упадокъ, экстрактивная промышленность будетъ въ застоѣ, мануфактуры заглохнутъ, но процвѣтутъ мелкое торгашество, темныя банковыя операціи, синекуры въ желѣзно-дорожныхъ администраціяхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ результатѣ, вмѣсто типа трудовой личности, общество выработаетъ типъ хищника, обращающаго всѣ усилія общества въ свою пользу.

Для того, чтобы совершилось дѣйствительное экономическое обновленіе, необходимо, чтобы въ сознаніи каждаго вкоренилось убѣжденіе, что общество составляетъ одное цѣлое, солидарное въ своихъ интересахъ; что, поэтому, каждая отрасль труда, каждое частное занятіе имѣютъ не только индивидуальное, но и *общественное* значеніе. Когда каждый придетъ къ сознанію того, въ какой мѣрѣ интересы страны зависятъ оттого, *какъ* онъ будетъ дѣлать *свое* дѣло; когда онъ пойметъ, что его личный трудъ есть часть труда общественнаго, что его занятіе есть частица общей функціи цѣлаго общества,—тогда, говорю я, трудъ получитъ иное значеніе, иное направленіе и другую силу.

Подобное сознаніе, выработанное въ личности, отразится и на общественныхъ воззрѣніяхъ. То же сознаніе солидарности приведетъ общество къ тому, что каждый видъ и отрасль труда нуждаются въ одинаковомъ общественномъ попеченіи; что, слѣдовательно, и каждый классъ, каждая личность, посвятившая свои усилія опредѣленному занятію, имѣютъ право на общественную заботу. Установится твердое убѣжденіе, что образованіе, хорошія санитарныя условія, медицинская помощь и многое другое должны быть распространены на все общество, на всѣ его разряды и уголки. Въ такомъ смыслѣ можетъ установиться общественное равенство, но равенство прочное и дѣйствительное, а не навязанное силой, вслѣдствіе неожиданной катастрофы и потому неустойчивое и оскорбительное въ самомъ своемъ источникѣ.

Я остановился на одномъ примѣрѣ, показывающемъ, въ какомъ

смыслѣ то, что̀ я назвалъ идеаломъ, можетъ вліять на общественное развитіе. Эти примѣры можно бы увеличить до безконечности. Но это увеличило бы размѣры предположенной статьи. Не останавливаюсь на другихъ примѣрахъ еще потому, что мнѣ нужно, въ заключеніе, остановиться на одномъ возраженіи, повидимому, весьма сильномъ.

Наше время принято называть *переходнымъ*. Это слово для значительной части русскаго общества является источникомъ всяческихъ утѣшеній и, что̀ самое главное, средствомъ объясненія многихъ современныхъ явленій. Нужно ли объяснить путаницу понятій, отсутствіе строго-опредѣленной системы, упадокъ литературы, апатію, страсть къ матеріальнымъ утѣхамъ—объясненіе готово: мы живемъ въ переходное время. Старое, говорятъ намъ, отживаетъ свой вѣкъ, новое еще не окрѣпло и едва нарождается, и умъ колеблется между тѣмъ, что̀ проходитъ, и другимъ, что еще виднѣется вдали. Негдѣ образоваться твердому убѣжденію, негдѣ сложиться непреклонному характеру.

Таково общее мнѣніе, скажемъ больше — общій *предразсудокъ*. Возгласы о переходномъ времени уже столько лѣтъ въ ходу, что успѣли стать предразсудкомъ, общимъ мѣстомъ, принимаемымъ всѣми *на вѣру*, безъ размышленія и сомнѣнія. „Переходному времени“ приписывается все, на него сваливается все, такъ же, какъ недавно еще все приписывалось вліянію „среды“, якобы „заѣдающей“ чадъ своихъ наподобіе Сатурна. Этотъ предразсудокъ необходимо изгнать. Это повелѣваетъ намъ долгъ совѣсти.

И вотъ почему на насъ лежитъ этотъ долгъ. Предразсудокъ, о которомъ мы говоримъ, не принадлежитъ къ числу невинныхъ повѣрій, въ родѣ „трехъ свѣчей“ или „тринадцати за столомъ“. Онъ гибельно дѣйствуетъ на весь ходъ нашей общественной жизни. Онъ парализуетъ умъ и волю нашего поколѣнія. Вѣрованіе во всемогущество переходнаго времени снимаетъ съ насъ отвѣтственность за все, что дѣлается вокругъ, какъ бы оно ни было странно и постыдно.

Но, успокоившись на этой формулѣ, мы готовы забыть, *что наше время, какъ и всякое другое, имѣетъ свои опредѣленныя и неотложныя задачи, которыхъ некому выполнить, кромѣ насъ*. Мы говоримъ: старое отживаетъ свой вѣкъ, а новое еще не окрѣпло и едва нарождается. Но на комъ же, спрашиваю я, лежитъ обязанность думать и заботиться о томъ, чтобы старое въ самомъ дѣлѣ отжило и больше не возвращалось, а новое дѣйствительно взросло и окрѣпло. Что, если, благодаря намъ, старое вновь пуститъ ростки, а новое сдѣлается старымъ и отойдетъ въ вѣчность? Мы способны забыть

что нѣкоторыя задачи должны и могутъ быть разрѣшены именно теперь; что для будущаго онѣ могутъ сдѣлаться тяжкимъ бременемъ и источникомъ великихъ бѣдствій. Будемъ помнить еще, что каждое поколѣніе, независимо отъ своихъ обязанностей предъ потомствомъ, живетъ еще и для себя. Или мы собрались умирать завтра? Или въ нашихъ рукахъ готовъ уже ядъ или револьверъ для прекращенія нашего бѣдственнаго существованія въ „переходное время“? Мы сходимъ съ ума, мы топимся и стрѣляемся, мы попросту складываемъ руки, превращаясь въ живыхъ мертвецовъ. Не настало ли время оглянуться на себя и провѣрить хоть часть своихъ предразсудковъ?... Оно настало!

Можно обсуждать послѣднее современное оживленіе нашего общества съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но вотъ что кажется мнѣ несомнѣннымъ. Общество наше поняло, что восточный вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, къ которымъ можно относиться равнодушно, ссылаясь на „переходное время“. Такія тяжбы, какъ тяжба славянскаго міра съ міромъ мусульманскимъ, нельзя внести въ „очередной списокъ“. Онѣ слушаются и рѣшаются безъ очереди. Исторія идетъ своимъ порядкомъ, и мы не можемъ остановить ее, какъ когда-то Іисусъ Навинъ остановилъ теченіе солнца. Вотъ первый симптомъ здраваго отношенія къ дѣлу. Стану ли я прибавлять къ этому изслѣдованіе мотивовъ, вызвавшихъ движеніе? Стану ли говорить объ этомъ взрывѣ всѣхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, о негодованіи на вѣковую неправду, о самоотверженіи, о крови нашихъ соотечественниковъ, пролитой въ защиту праваго дѣла, о добровольномъ налогѣ въ пользу славянъ, принятомъ на себя нашимъ обществомъ, о пожертвованіяхъ, гдѣ сотенныя бумажки богатыхъ сходились съ грошами крестьянскими, объ этомъ единодушіи, обратившемъ дѣло славянское въ русское, земское дѣло? Хвалить народовъ нельзя—они сама знаютъ себѣ цѣну. Но нельзя не придти къ убѣжденію, что въ этомъ движеніи—залогъ нашего внутренняго развитія. Кто разъ принималъ участіе въ великихъ національныхъ движеніяхъ, кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратится къ своей „злобѣ дня“ не прежнимъ человѣкомъ, а человѣкомъ просвѣтленнымъ и нравственно-обновленнымъ.

ЗАДАЧА РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ [1]).

Primum discere, deinde vivere, denique philosophare.

Cartesius.

Чрезъ нѣсколько дней начнется новый учебный годъ. Тысячи молодыхъ людей соберутся въ разные учебные центры. Независимо отъ занятій науками, начнутся жаркія бесѣды, споры „отъ зари до зари“, составленіе плановъ на будущее, рѣшеніе разныхъ задачъ человѣчества. Все это всегда было. Каждый годъ румяный августъ собиралъ не менѣе румяную молодежь въ разные центры, гдѣ она пребывала до теплыхъ іюньскихъ дней. Всякій изъ такихъ сборовъ былъ похожъ на другой: въ общемъ теченіи нашей общественной жизни онъ не составлялъ событія, ни даже происшествія.

Но въ теченіе послѣднихъ лѣтъ августъ пріобрѣлъ особенное значеніе. Прежде, съ наступленіемъ его, учащій и учащійся міръ чувствовалъ, что пора кончить лѣтній отдыхъ да браться за работу—и только. Теперь начало „учебнаго года“ возбуждаетъ иныя, болѣе тревожныя чувства, ставитъ очень серьезный вопросъ. Его можно выразить въ двухъ словахъ: *благополучно ли пройдетъ новый учебный годъ?* Каждый понимаетъ, чтò хотимъ мы сказать. Каждый знаетъ, что сердца родителей и тѣхъ, кто призванъ наставлять молодежь, болѣзненно сжимаются при мысли, что новый годъ, подобно всѣмъ послѣднимъ годамъ, принесетъ съ собою разныя происшествія, имѣющія часто своимъ послѣдствіемъ гибель многихъ десятковъ молодыхъ людей.

Понятно, отчего сжимаются сердца родителей и наставниковъ. Родители страшатся гибели своей надежды, своей опоры, того, на чтò положена была вся ихъ любовь, всѣ лучшія ихъ чувства. Педагогическій міръ сознаетъ свою тяжелую отвѣтственность предъ обществомъ. Онъ понимаетъ, что родители ввѣряютъ ему своихъ дѣтей *счетомъ* и имѣютъ право получить ихъ счетомъ же, „да не по-

[1]) „Голосъ“, 1 августа 1879 г.

гибнетъ ни одинъ отъ малыхъ сихъ". И родители, и наставники понимаютъ, наконецъ, что въ лицѣ гибнущей молодежи отечество лишается части своихъ живыхъ силъ.

Но какъ предупредить эти прискорбныя происшествія и еще болѣе прискорбный исходъ ихъ? Задача въ высшей степени сложная и требующая самыхъ разнообразныхъ средствъ. Намъ кажется, что однимъ изъ такихъ средствъ можетъ быть посильное разъясненіе молодежи ея задачъ, ея призванія, какъ будущему элементу русскаго образованнаго общества.

Для этого необходимо, прежде всего, выяснить ея дѣйствительное положеніе, указать въ этомъ положеніи такія стороны, которыхъ молодежь, вѣроятно, сама не видитъ и не можетъ видѣть. Положеніе это опредѣляется однимъ фактомъ, бьющимъ въ глаза всякому опытному наблюдателю, но мало замѣтнымъ тому, кто находится подъ его дѣйствіемъ, въ качествѣ наковальни.

Вотъ въ чемъ заключается этотъ фактъ. Въ странахъ, гдѣ политическая и общественная жизнь болѣе развита, гдѣ всѣ элементы общества обладаютъ бо̀льшими условіями и способностью самодѣятельности, тамъ всякая *агитація*, политическая и неполитическая, обращается непосредственно къ тѣмъ элементамъ, на которые она желаетъ опереться. Соціалисты обращаются къ рабочимъ массамъ, либералы къ буржуазіи, консерваторы къ землевладѣльцамъ и другимъ консервативнымъ классамъ и т. д. Во всякомъ случаѣ, агитація обращается къ людямъ взрослымъ, самостоятельнымъ въ гражданскомъ и общественномъ отношеніи. Но она оставляетъ въ сторонѣ школу, не дѣлаетъ изъ учащагося юношества судьи политическихъ принциповъ и направленій, не обращаетъ его въ орудіе для своихъ цѣлей. Молодые люди доучиваются спокойно и примыкаютъ къ разнымъ партіямъ только по достиженіи совершеннолѣтія, сознательно и согласно сложившимся уже убѣжденіямъ.

У насъ, при иныхъ условіяхъ, агитація всею своею силою обрушивается именно на школу, находитъ себѣ въ воспріимчивой и увлекающейся молодежи почву, какой она не можетъ найти въ другихъ элементахъ нашего общества. Она обращаетъ семнадцатилѣтнихъ юношей въ политическихъ дѣятелей, возводитъ мальчиковъ на степень Марксовъ, Бебелей, Барбесовъ, Робеспьеровъ и Мирабо̀. Не легко бороться съ нею на этой почвѣ, потому что агитація имѣетъ здѣсь великаго пособника: легко возбуждающееся самолюбіе молодежи. Кого не увлечетъ роль коренного преобразователя родины, могучаго политическаго дѣятеля — роль, которую, притомъ, можно взять на себя безъ всякой подготовки, безъ всякаго опыта, безъ сложившагося характера и даже безъ полной силы разумѣнія?

Вотъ фактъ, надъ которымъ можно скорбѣть, по поводу котораго можно и должно негодовать, но который слѣдуетъ признать во всей его печальной опредѣленности. Онъ указываетъ каждому, имѣющему прямое или косвенное отношеніе къ судьбѣ молодого поколѣнія, его задачи и даже средство къ ихъ выполненію; онъ опредѣляетъ тяжущіяся стороны въ великой тяжбѣ за молодежь, самое существо этой тяжбы и способы ея веденія.

Для того, кто можетъ дѣйствовать только духовнымъ оружіемъ — словомъ, и, притомъ, въ ограниченныхъ предѣлахъ школы, существо вопроса опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Агитація старается вкоренить въ молодежи мнѣніе, что задача ея заключается въ созиданіи новаго общественнаго строя, покоящагося исключительно на элементахъ народныхъ (крестьянство и рабочіе). Поэтому, она должна разорвать всякія связи съ „обществомъ“, какъ съ скопищемъ „эксплуататоровъ“, обреченныхъ на гибель въ день великаго народнаго суда. Для устраненія этихъ связей она должна сбросить съ себя нравственный и матеріальный обликъ человѣка изъ общества: прочь старую, буржуазную науку, заковывающую умъ человѣка въ узкія формы сгнившей логики! прочь нравы, обычаи, привычки „цивилизованнаго“ общества! прочь самая одежда его! Будущій реформаторъ долженъ обратиться въ человѣка народнаго, усвоить себѣ его умственный складъ, его нравы, его образъ жизни и одежду. Тогда народъ увидитъ въ немъ настоящаго своего руководителя и пойдетъ за нимъ на дѣло всеобщаго разрушенія.

Дѣйствительно ли въ этомъ состоитъ задача *учащейся* русской молодежи? Если да, то ей, прежде всего, слѣдуетъ перестать быть *учащеюся*, т.-е. немедленно оставить учебныя заведенія съ ихъ мундирною буржуазною наукою, и броситься въ народный океанъ. Иные такъ и поступаютъ. Но мы обращаемся къ тѣмъ, которые видятъ въ ученіи дѣло, если не „серьезное“, то, во всякомъ случаѣ, такое, которое слѣдуетъ кончить, пробывъ въ учебномъ заведеніи опредѣленное число лѣтъ.

На что̀ уйдутъ эти годы? Что̀ будетъ дѣлать молодой человѣкъ въ учебномъ заведеніи? Здѣсь возможны два выхода. Если онъ проникнется идеями и программою агитаціи, то онъ станетъ относиться къ наукѣ совершенно *формально*, смотрѣть на нее, какъ на необходимое зло, усвоивать себѣ кое-какія свѣдѣнія для благополучнаго прохожденія экзаменовъ, въ ожиданіи того блаженнаго времени, когда ему можно будетъ взяться за „настоящее“ дѣло. Въ результатѣ получится неучъ, пробѣжавшій, такъ сказать, чрезъ учебное заведеніе, не вынесшій изъ него ни свѣдѣній, ни привычки къ

труду, а потому неспособный ни къ какому дѣлу, кромѣ жалкихъ и нелѣпыхъ „протестовъ“. Напротивъ, если онъ отнесется къ ученію, какъ къ серьезному дѣлу, то... Впрочемъ, безполезно говорить, что̀ изъ этого выйдетъ; безполезно повторять азбучныя истины, которыя, замѣтимъ, вовсе не исчерпываютъ дѣла.

Рѣчь идетъ не о похвалѣ ученію, не о развитіи темы: „ученье свѣтъ, а неученье тьма“, а о чемъ-то болѣе важномъ. Въ данную минуту, когда все „ученіе“ взято въ подозрѣніе, когда его стараются низвести на степень пустой и даже вредной забавы, необходимо дать молодежи, такъ сказать, *дерзость науки*; необходимо показать, что человѣкъ, желающій учиться, имѣетъ священное, неотъемлемое *право* на ученіе, что онъ имѣетъ право требовать, чтобъ никто и ни подъ какимъ предлогомъ — хотя бы то былъ предлогъ народнаго благополучія — не отвлекалъ его отъ науки.

Нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи аргументація въ пользу ученія немного хромаетъ. Она имѣетъ въ виду подѣйствовать на такія струны молодой души, которыя оказываются наименѣе отзывчивыми. Молодому человѣку говорятъ: „учись, и ты устроишь свою личную судьбу; дипломъ откроетъ тебѣ дорогу ко всѣмъ профессіямъ и карьерамъ“. Ничто не можетъ быть недостаточнѣе, даже фальшивѣе такого аргумента. Онъ бьетъ на своекорыстіе юноши, положимъ законное, но, все-таки, своекорыстіе. Агитація выбьетъ этотъ аргументъ изъ идеальной души юноши однимъ щелчкомъ. „Можно ли думать о своей личной судьбѣ—скажетъ она — когда милліоны братьевъ находятся въ горѣ и въ нищетѣ? Можно ли думать о своемъ личномъ благополучіи, когда, *при современныхъ условіяхъ*, благо одного достигается насчетъ несчастій десятковъ другихъ лицъ? Не значитъ ли это подготовлять себя къ роли эксплуататора?“ Что̀ можно сказать противъ такой реплики? Но это не все. Призывъ къ личному благополучію не возбудитъ въ молодой душѣ духовной, неудержимой жажды ученія. Напротивъ, онъ обратитъ ученіе въ какое-то экономическое предпріятіе, которое будущій карьеристъ постарается осуществить по экономическому же правилу: достигнуть наибо̀льшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями, т.-е., въ переводѣ получить дипломъ съ наименьшею затратою силъ на „экзамены“. Такіе типы существуютъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ; смѣемъ думать, что они очень непригляды и неспособны нравственно дѣйствовать на массу учащихся.

Второй аргументъ: „учись, сиди спокойно, и ты избѣгнешь всякихъ увлеченій, столь гибельныхъ въ настоящее время“. Нечего доказывать, что онъ столь же несостоятеленъ, какъ и первый, если не больше. Первый обращается къ чувству своекорыстія, второй къ

чувству *страха*, т.-е. къ чувству, наиболѣе противному для молодой души. Этотъ второй аргументъ достигнетъ результатовъ, прямо противоположныхъ предположенной цѣли. Неученье, презрѣніе къ учебнымъ работамъ, легкое обращеніе съ наукой и ея представителями сдѣлаются признакомъ молодечества, благороднаго и отважнаго настроенія молодежи, готовности ея воспріять „высшіе идеалы", распространяемые контрабандною печатью.

Третій аргументъ, повидимому, неизмѣримо выше двухъ предъидущихъ. Если первые два бьютъ на личныя чувства каждаго, то послѣдній обращается къ ихъ общественному чувству. Онъ гласитъ: „учись, и ты принесешь пользу обществу на поприщѣ избранной тобою дѣятельности — какъ судья, какъ администраторъ, какъ земскій дѣятель, какъ врачъ и т. д.". Нечего говорить, что аргументъ этотъ, при *нормальномъ* состояніи общества, при правильно установившихся воззрѣніяхъ на общество и государство, неотразимъ, какъ самъ здравый смыслъ. Но, къ сожалѣнію, дѣйствіе его у насъ и въ наше время парализуется извѣстными условіями. Во-первыхъ, при данныхъ условіяхъ, онъ построенъ на нѣкоторой petitio principii. Мы говоримъ—учись, чтобъ принести пользу обществу, дѣйствуя въ той или другой профессіи; но для доказательности нашего аргумента необходимо, чтобъ молодой человѣкъ былъ *убѣжденъ* въ правильности того общественнаго строя, въ которомъ современемъ ему придется дѣйствовать. Иначе, какъ онъ будетъ желать приносить пользу обществу, строй котораго онъ ненавидитъ? Между тѣмъ, „стороннія вліянія" поселяютъ въ немъ ненависть не только къ данному порядку вещей, но и ко всякому „порядку" вообще. Съ этой точки зрѣнія, чтó же значитъ быть *хорошимъ* судьею, *хорошимъ* администраторомъ и т. д.? Это значитъ *поддерживать* несимпатичный порядокъ, служить ему, скрашивать его, т.-е. идти прямо противъ революціоннаго правила—„чѣмъ хуже, тѣмъ лучше".

Еще одно обстоятельство, независимое отъ „пропаганды". Не должно забывать, что, при сравнительно низкомъ культурномъ уровнѣ Россіи, самый запросъ на образованныхъ дѣятелей по разнымъ поприщамъ довольно слабъ. При самой доброй волѣ иногда довольно трудно доказать, что если молодой человѣкъ пріобрѣтетъ отличныя свѣдѣнія по той или иной отрасли, то онъ непремѣнно будетъ и дѣятелемъ по соотвѣтствующей профессіи, что практическая жизнь непремѣнно призоветъ его въ качествѣ давно желаннаго гостя. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ вопросѣ (давно уже поставленномъ нашею печатью), тѣмъ болѣе, что онъ выходитъ за предѣлы чисто школьныхъ соображеній. Но о немъ не мѣшаетъ подумать каждому, кому дороги судьбы „ученія" въ Россіи.

Итакъ, аргументація на пользу ученія, при данныхъ условіяхъ, должна идти дальше. Мы должны обобщить вопросъ, обратиться къ его идеальной сторонѣ, наиболѣе близкой душѣ молодежи. Мы должны отбросить всякія соображенія о „непосредственныхъ пользахъ“, личныхъ и общественныхъ, потому что эти пользы чужды уму молодежи, еще незнающей жизни съ ея неотразимыми требованіями. На ученіе необходимо взглянуть со стороны его общаго культурнаго и общественнаго значенія, посмотрѣть на него, какъ на самостоятельную и общую силу, независимо отъ приложенія ея къ отдѣльнымъ профессіямъ и занятіямъ.

Съ этой точки зрѣнія мы говоримъ: *задача учащейся молодежи состоитъ въ увеличеніи объема русской интеллигенціи.* Молодежь не должна бросаться въ „народный океанъ“, но должна увеличивать мыслящую, разумную и нравственную часть русскаго общества, потому что только здѣсь можетъ она принести пользу и народу.

Ясно, что, съ нашей точки зрѣнія, задача молодежи прямо противоположна той, которая рекомендуется такъ-называемою агитаціей. Агитація рекомендуетъ отреченіе отъ „ложной“ культуры и превращеніе въ народъ. Мы рекомендуемъ проникновеніе началами этой культуры, проникновеніе полное, до мозга костей.

Постараемся доказать правильность нашего взгляда. Прежде всего, приведемъ аргументъ отрицательный. Возможно ли обращеніе человѣка, уже вкусившаго ученіе, „въ народъ?“ Когда Бакунинъ изрекъ этотъ лозунгъ, онъ, вѣроятно, не подозрѣвалъ, какая нелѣпость въ немъ заключается. Обратиться въ народъ! Но какъ? Если дѣйствительно, то это значитъ усвоить себѣ его вѣрованія, его нравы, его взгляды на семью и на государство, на Бога, на иконы и святыхъ угодниковъ, на церковь и священника, на міръ, на старшину и старосту, на вселенную, на луну, солнце и звѣзды, на грозу, на лѣсъ и поле. Этого ли вы хотите? Но какъ же это сдѣлать, если вы „идете въ народъ“ съ глубочайшимъ убѣжденіемъ, что всѣ его взгляды дики и преисполнены „предразсудковъ“, если вы обыкновенно не умѣете сказать съ мужикомъ ни одного слова, не оскорбивъ какого-нибудь задушевнаго его убѣжденія? Нѣтъ, въ лозунгѣ „идите въ народъ“ кое-чтò не досказано. Въ немъ есть одинъ плюсъ, пройденный молчаніемъ. Нужно было сказать, идите въ народъ съ тѣмъ, чтобъ *его обратить въ себя,* пересоздать его по вашему образу и подобію; для этого примите его внѣшность: надѣньте его скромную сермягу, возьмите въ руки заступъ, плугъ, молотъ, топоръ, дѣлайтесь кузнецами, плотниками, пахарями, фабричными. И вы пошли. Чтò же изъ этого вышло? Вышло или горе отъ „неразвитости“ народа, или скорбное удивленіе, что онъ слушаетъ полупьянаго отставного солдата

больше, чѣмъ васъ, или, наконецъ, необходимость увѣрять себя и другихъ, что народъ живетъ вашими идеалами,—идеалами пугачовщины и разинщины. Вѣдь, вы сами знаете, что это не такъ. Нѣтъ, можно одѣваться, какъ народъ, голодать, какъ онъ, пить, какъ онъ, ругаться, какъ онъ, работать, какъ онъ, и, все-таки, не попасть въ его святая святыхъ, въ его душу, наивную, но крѣпкую, закаленную вѣковымъ трудомъ, воспитанную въ дѣйствительномъ горѣ и въ настоящей, хотя и скромной жизни.

Предположимъ, однако, что вамъ удалось бы „сблизиться" съ народомъ, что онъ принялъ бы васъ, какъ своихъ. Чтó могли бы вы ему дать? къ чему стали бы вы взывать? Плановъ будущаго устройства общества у васъ нѣтъ, и вы сами говорите, что ихъ не нужно, потому что ваша задача—разрушеніе. Для цѣлей „разрушенія", вы, обойдя всѣ нравственныя понятія крестьянина, какъ они ни грубы, всѣ благородныя его чувства, какъ ни мало они развиты, вы воззвали бы, да и взывали уже—къ его страстямъ, къ его кровавымъ инстинктамъ, къ его зависти, мести, злобѣ. Убивъ человѣка, вы выпустили бы на свѣтъ Божій чудовище, кое-какъ сдерживаемое религіей, нравами и духовными понятіями крестьянства. Чтó надѣлало бы это чудовище, можно предположить изъ того, чтó оно дѣлало уже при разныхъ обстоятельствахъ. Вы произвели бы даже не „революцію", а просто русскій бунтъ, „безсмысленный и безпощадный", какъ говорилъ Пушкинъ.

Оставаясь на почвѣ „народничества", вы не можете быть ничѣмъ другимъ, какъ *переряженными* агитаторами, немогущими дать народу ничего, кромѣ „пропаганды", т.-е. воззванія къ грубѣйшимъ и кровавѣйшимъ инстинктамъ человѣческой природы, которыми не можетъ быть создано „народное благо". *Вы можете принести пользу народу, только оставаясь самими собою,* т.-е. частью русской интеллигенціи, постепенно увеличивая число образованныхъ, разумныхъ и нравственныхъ русскихъ людей.

Для того, чтобъ слова наши были понятны, необходимо объяснить, чтó понимаемъ мы подъ словомъ „интеллигенція". Мы называемъ интеллигенціей совокупность такихъ умовъ, въ которыхъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается разумѣніе всѣхъ потребностей цѣлой страны, отъ верхняго ея слоя до нижняго, всѣхъ ея стремленій и задачъ, которыя умѣютъ дать разумную формулу всякому движенію, указать исходъ всякому замѣшательству и нравственному вліянію которыхъ подчиняются всѣ дѣйствующія силы страны.

Мы не смѣшиваемъ интеллигенціи съ такъ-называемымъ „обществомъ". Общества вездѣ достаточно, и оно можетъ быть весьма неинтеллигентно. Въ Россіи, спеціально, „общества" предостаточно,

а интеллигенціи почти нѣтъ. Между тѣмъ, всякая страна шла впередъ постольку, поскольку въ ней выработалась эта неуловимая, но всемогущая сила. Она является какъ бы душою общества. Въ средніе вѣка такою душою было духовенство. Не думайте, чтобъ его вліяніе было построено исключительно на религіозномъ фанатизмѣ массъ— нѣтъ! загляните въ эту кажущуюся глушь, и вы увидите „докторовъ", жадно изучающихъ тайны природы, вопросы политическіе, нравственные и экономическіе, наряду съ вопросами богословскими; сочиненія ихъ являются какъ бы энциклопедіями современнаго имъ знанія. Они давали отвѣтъ на всѣ вопросы, волновавшіе умъ и душу средневѣкового человѣка. Горожане, дворянство и прелаты, государи и папы прислушивались къ тому, что̀ говорилъ Альбертъ-Великій, или Ѳома Аквинскій, или Оккамъ; ихъ слова и писанія находили отзвукъ во всѣхъ слояхъ общества, на высотѣ и дблу; они давали направленіе умамъ и даже стремленіямъ человѣка и общества.

Настала очередь другой интеллигенціи, постепенно сломившей средневѣковой порядокъ и положившей основаніе новому европейскому обществу. Вы думаете, что эта роль досталась ей даромъ, что она добилась своихъ цѣлей путемъ нехитраго „отрицанія" такъ называемыхъ „предразсудковъ?" Разверните исторію, и вы увидите, что это не такъ. Вы увидите, какъ интеллигенція, положившая начало новому умственному движенію, впитала въ себя всю философію, политическую литературу, права и поэзію древняго міра; какъ усилія гуманистовъ закрѣпили за Европой великій умственный капиталъ Греціи и Рима, какъ потомъ началось приращеніе процентовъ на пріобрѣтенный капиталъ трудами Бэконовъ, Декартовъ, Лейбницевъ, Ньютоновъ, Локковъ, Лапласовъ, Лавуазье—цѣлымъ легіономъ великихъ умовъ, благородныхъ сердецъ и стойкихъ характеровъ, какъ эти труды перерабатывали человѣка въ его міросозерцаніяхъ, въ его понятіяхъ и чувствахъ и постепенно обращали средневѣкового рыцаря и бюргера въ гражданина современнаго государства. И никто изъ этихъ двигателей человѣчества не старался обратиться въ „Жака Бонома", во французскаго или въ нѣмецкаго крестьянина. Они возвышали его до себя, въ этомъ полагали свою честь, и дѣйствительно облагородили человѣка.

Думаете ли вы, что теперь, на Западѣ Европы, сила такъ-называемаго *общественнаго мнѣнія* покоится исключительно на преобладаніи физической силы „массъ" надъ правительственными учрежденіями? Но „масса" обладала физическою силою вездѣ и во всѣ времена; между тѣмъ, она не представляла „мнѣнія" въ эпохи невѣжества. Физическая сила не даетъ мнѣнія и не образуетъ его. Значеніе общественнаго мнѣнія зависитъ именно отъ количества интел-

лигенціи, умѣющей синтетически, такъ сказать, выразить стремленія и понятія цѣлаго общества въ данную минуту его развитія. Оно является центромъ, къ которому тяготѣютъ всѣ стремленія и интересы, гдѣ они находятъ свою гармонію и примиреніе. Интеллигенція не отождествляетъ себя ни съ какимъ классомъ общества; поэтому ее и нельзя опредѣлить ни графически, ни юридически. Нельзя сказать, что она дворянство, или духовенство, или буржуазія. Это еще можно было сказать въ средніе вѣка, когда духовенство было главнымъ представителемъ духовной и умственной жизни общества. Да и тогда интеллигентная часть духовенства представляла интересы цѣлаго. Теперь, когда просвѣщеніе сдѣлалось общимъ удѣломъ, интеллигенція составляется изъ разныхъ элементовъ, и тѣмъ шире ея стремленія, тѣмъ полнѣе ея вліяніе. Она понимаетъ и умѣетъ выразить интересы крестьянина и фабричнаго рабочаго точно также же, какъ интересы другихъ, высшихъ классовъ общества, и, притомъ, выразить ихъ въ гармоніи, въ соотвѣтствующей каждому интересу мѣрѣ, въ степени, согласной съ благомъ цѣлаго. Она является и пружиной, и регуляторомъ общественнаго движенія, ведетъ общество впередъ и не даетъ интересамъ одного восторжествовать надъ законными интересами другихъ, не допускаетъ подчиненія общаго блага частнымъ пользамъ. Отъ этого всѣ слои общества считаютъ представителей интеллигенціи одинаково своими, вѣрятъ имъ, идутъ за ними. Англія шла за своими Питтами, Каннингами, Пилями, Гладстонами, Италія за Кавурами, Пруссія за Штейнами именно потому, что ихъ слова и дѣла раздавались одинаково симпатично и въ хижинѣ бѣдняка, и въ палатахъ богача, что эти слова и дѣла были настоящими сигналами примиренія „интересовъ" и „партій", символами великаго, всенароднаго братства.

Оглянитесь на Россію. Въ ней, какъ уже сказано, „общества" довольно, интеллигенціи же почти нѣтъ. Отъ этого мы и разсыпаны какъ песокъ морской, разбиты на сословія и классы, на города и сельскія общества, на дворянство и духовенство, безъ всякаго центра единенія, безъ дѣйствительнаго пониманія общественныхъ цѣлей и безъ умѣнья вести какое бы ни было общественное дѣло. Русская земля жаждетъ, какъ хлѣба насущнаго, настоящихъ *русскихъ людей*, которые умѣли и хотѣли бы говорить и дѣйствовать за всю землю, въ которыхъ частные типы нашего общества—купца и мѣщанина, крестьянина и дворянина, духовнаго и разночинца—слились бы въ цѣльный, всеобъемлющій типъ мыслящаго, нравственнаго, трудолюбиваго и стойкаго русскаго человѣка.

Выработайте этотъ желанный, этотъ трижды благословенный типъ!

Не оставляйте родной земли безпомощною, живущею безъ разумѣнія и безъ нравственности!

Мы живемъ безъ разумѣнія. Мы громко кричимъ о міровыхъ задачахъ, на дѣлѣ же мы не умѣемъ учить и воспитывать дѣтей, едва справляемся съ нехитрыми земскими задачами, живемъ въ нестерпимыхъ условіяхъ, даемъ водить себя за носъ первому проходимцу-строителю или подрядчику, не имѣемъ ни дорогъ, ни сносно устроенныхъ жилищъ.

Мы живемъ и безъ нравственности. Въ грубомъ, малопросвѣщенномъ обществѣ, разбитомъ на „группы", несознающія своей взаимности, господствуютъ грубѣйшіе матеріальные интересы, а при господствѣ ихъ все считается дозволеннымъ и прекраснымъ. „На то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ". Васъ справедливо возмущаетъ жалкая участь обездоленныхъ и погибающихъ. Но чѣмъ думаете вы пособить горю? Возбужденіемъ самыхъ звѣрскихъ, самыхъ кровожадныхъ инстинктовъ въ тѣхъ массахъ, которыя вы сами желаете призвать къ новой, лучшей и человѣческой жизни.

Прекрасное зрѣлище представитъ родная страна! Съ одной стороны, отвратительное чавканіе звѣрей, насыщающихся всѣми способами, а съ другой—грозный ревъ звѣрей голодныхъ, раздраженныхъ, разъяренныхъ также всякими способами; въ перспективѣ—всеобщее растерзаніе, какое міръ видѣлъ въ миньятюрѣ въ римскихъ амфитеатрахъ...

Нѣтъ, не будить звѣря, а выгнать его, чтобъ дать мѣсто человѣку: не продолжать деморализацію общества, разжигая и поощряя животные инстинкты, а морализовать его—такова задача, налагаемая на васъ Россіей и дѣйствительными пользами русскаго народа.

Но вы не можете выполнить ее, не давъ нашему обществу людей разумѣнія и правды, которые пришли бы на смѣну типу ветхихъ людей, изъ которыхъ составлено наше „общество". Этими людьми должны быть вы сами, потому что для васъ открываются двери учебныхъ заведеній, вамъ даются средства плодотворной научной работы. Если вы не выполните этой задачи, кто же другой можетъ ее выполнить? Каждый изъ васъ есть величина, которая можетъ прибавиться къ небольшой пока суммѣ мыслящаго, разумѣющаго и нравственнаго въ Россіи. Но эта величина можетъ и не попасть въ число „слагаемыхъ", а напротивъ, сдѣлаться минусомъ, и не невиннымъ ариѳметическимъ минусомъ, а отрицательною величиною изъ крови и мяса, изъ страстей и похотей, вносящею раздоры, вражду, насиліе, убійство и хищничество въ общество.

Неучащееся поколѣніе есть минусъ въ народной жизни: не учась, оно губитъ себя, а, губя себя, оно убавляетъ количество тѣхъ здоро-

выхъ, дѣятельныхъ силъ, на которыя каждое общество не только в правѣ, но обязано разсчитывать для своего успѣшнаго движенія впередъ. Какая реформа, какое новое учрежденіе, какое серьезное національное предпріятіе осуществимы, если народъ не будетъ имѣть возможности разсчитывать, что для этихъ предпріятій и учрежденій найдутся люди, способные вести и поддерживать ихъ не только в данную минуту, но и впослѣдствіи?

Много и много лѣтъ на Руси раздается горькая жалоба: „людей нѣтъ". Замѣтьте себѣ, именно *людей* нѣтъ. „Принциповъ" и разныхъ „идей" у насъ очень довольно: но людей, въ которыхъ эти принципы и идеи воплотились бы, въ которыхъ они сдѣлались бы второю натурою, получили бы плоть и кровь, т.-е. дѣйствительную *жизнь*- нѣтъ! Вотъ что̀ печально и страшно. Отъ этого у насъ можно видѣть консерваторовъ разрушающихъ, либераловъ, гнетущихъ ближняго, благородныхъ „дѣятелей" расхищающихъ. Хуже того—мы слышим пѣсни *труду*, „святому труду". труду „возвышающему и облагораживающему", словомъ, труду, воспѣваемому такъ, какъ воспѣвается пасха въ свѣтлое воскресеніе. Но *люди* трудящіеся отсутствуютъ, всякое дѣло возбуждаетъ къ себѣ отвращеніе—точно трудъ и дѣло не одно и то же.

Давно уже русская земля тревожно ждетъ этого трудящагося, этого обновляющаго родную страну поколѣнія. Ждетъ она его, как спящая царевна ждала избавителя съ живою водой. Ждетъ не дождется. Годы проходятъ за годами, и Богъ знаетъ, когда покажется этотъ свѣтлый обновитель. Пристально высматриваетъ старуха Россія желаннаго сына, какъ мать тревожно вглядывается въ ряды возвращающихся изъ похода солдатъ. Не онъ ли? Нѣтъ, все не онъ—все чужіе да ненужные, все не такіе, чтобъ ее успокоили, да хату починили, да въ хозяйствѣ порядокъ завели, да отъ сосѣдей оборонили. Жить ей, вѣрно, одной, коротая съ грѣхомъ пополамъ свой вѣкъ въ обидѣ да въ тѣснотѣ... А пора бы какому-нибудь поколѣнію и начать настоящее дѣло. „Исторія не ждетъ опоздавшихъ", какъ сказалъ знаменитый нашъ историкъ. И насъ не будутъ ждать другіе народы

ПАМЯТИ ЮРІЯ ѲЕДОРОВИЧА САМАРИНА.

Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ умеръ; онъ умеръ въ Берлинѣ, возвращаясь изъ-за границы, гдѣ только что окончился печатаніемъ послѣдній выпускъ его „Окраинъ России". Въ этомъ фактѣ, можно сказать, вся исторія, весь смыслъ его жизни. Онъ умеръ, свершая свое служеніе Россіи, защищая тѣ начала, за которыя ему не разъ пришлось терпѣть невзгоду, но которымъ онъ всегда оставался вѣренъ. Будетъ ли онъ понятъ теперь, тотчасъ послѣ смерти? Въ этомъ мы сомнѣваемся. Чтò такое былъ Самаринъ для массы общества? Для однихъ—блестящій ораторъ, умѣвшій говорить просто и занимательно; для другихъ — оригиналъ, съ разными „отсталыми" идеями; для третьихъ—очень умный и образованный человѣкъ; для четвертыхъ—человѣкъ, нѣсколько „пикантный", потому что писанія и рѣчи его отличались такъ-называемымъ у насъ „оппозиціоннымъ" духомъ.

Исторія объяснитъ его иначе и отведетъ ему иное мѣсто. Она распознàетъ въ немъ рѣдкій, даже странный типъ *русскаго гражданина*. Удивительно, можетъ быть, непонятное для многихъ слово! Между тѣмъ, безъ него мы не поймемъ Самарина. Все, чтò было въ Юріи Ѳедоровичѣ—возвышенный и тонкій умъ, образованіе научное и философское, даръ слова, блестящій слогъ, сила характера, все это было побочными только качествами, такъ сказать, служебными средствами для главнаго его дѣла, для основной черты этого замѣчательнаго типа.

Самаринъ былъ очень богатъ, имѣлъ большія связи въ высшемъ свѣтѣ; привлекательная наружность, даръ слова, отличное свѣтское образованіе обезпечивали ему успѣхъ и въ свѣтѣ, и на службѣ. Приманка, соблазнительная въ тѣ времена, когда всѣ видѣли въ службѣ едва ли не цѣль жизни. Юрій Ѳедоровичъ началъ служить, кажется, по настоянію родныхъ; но служба пошла особымъ порядкомъ. Очевидцы, познакомившіеся съ Самаринымъ въ первый пріѣздъ его въ Петербургъ, съ любопытствомъ смотрѣли на этого блестящаго юношу, спрашивали себя, чтò выйдетъ изъ него, разбираемаго нарасхватъ на

всѣ вечера, во всѣ гостиныя. Они ждали недолго. Самаринъ остался въ министерствахъ; онъ уѣхалъ въ прибалтійскія губер съ генераломъ-губернаторомъ Головинымъ. При новомъ генералѣ-і бернаторѣ служба Самарина кончилась катастрофой...

Катастрофу не трудно было предвидѣть тому, кто хоть немн зналъ коренныя убѣжденія молодого Самарина, ту среду, въ котор онъ выросъ. Юрій Ѳедоровичъ выросъ и воспитался среди люд окрещенныхъ именемъ „славянофиловъ". Здѣсь не мѣсто перебир и оцѣнивать всѣ ихъ воззрѣнія. Въ данномъ случаѣ достаточно у зать на одну отличительную черту этой школы: она первая у на оцѣнила и выдвинула впередъ значеніе *народности*, какъ норма наго основанія историческаго развитія каждаго народа. Въ то вре какъ Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковы старались примѣнить с начала къ вопросамъ чисто культурнымъ (религія, наука, искусст философія), Самарину пришлось приложить ихъ къ вопросамъ по тическимъ и, притомъ, не въ теоріи только, а на практикѣ.

Въ умѣ человѣка, усвоившаго себѣ начала народности, естествен долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ относятся прибалтійскія берніи къ Россіи? Составляютъ ли онѣ, должны ли онѣ составл часть одного органическаго цѣлаго, или это особый край, отличн отъ Россіи, только связанный съ нею общимъ подчиненіемъ одн власти? Съ чисто чиновничьей точки зрѣнія такой вопросъ предс влялся, пожалуй, празднымъ. Не все ли равно, во имя чего русск администрація распоряжается въ краѣ? Не все ли равно, во и чего жители края, въ данную минуту, повинуются администраці Но Самарину, усвоившему себѣ иныя воззрѣнія и знакомому съ ис ріей „края", дѣло представлялось въ иномъ видѣ. Онъ зналъ, ч элементъ административный самъ по себѣ неспособенъ слить въ од цѣлое всѣ части государства; что прибалтійскія губерніи бывали по „властью" Швеціи и въ зависимости отъ Польши, но благополуч „отваливались" отъ нихъ въ благопріятную минуту. Единство пол тическое, т. е. механическое, будетъ миражемъ безъ единства наро наго. Поэтому, задача каждой администраціи, дѣйствующей на окра нахъ — поднять и укрѣпить *общественные* элементы, дружествен расположенные къ основному населенію государства. Головинъ и е сподвижники хорошо видѣли эти элементы: латыши и эсты долж быть эмансипированы изъ-подъ нѣмецкаго вліянія и воспитаны интересахъ Россіи. Но для этой цѣли необходимо было коснут тѣхъ средневѣковыхъ привилегій, благодаря которымъ не только л тышъ, но даже русскій, вступавшій на остзейскую почву, былъ б *правенъ*. Необходимо было измѣнить городское устройство, въ си котораго никакой торговецъ, никакой ремесленникъ не былъ огр

жденъ въ своихъ интересахъ, если онъ не принадлежалъ къ привилегированной и чисто нѣмецкой корпораціи. Необходимо было подумать о положеніи русскихъ элементовъ, русской церкви въ Прибалтійскомъ Краѣ; напрашивался вопросъ о крестьянахъ, „устроенныхъ" въ 1819 году...

Старые принципы, скажутъ намъ: Divide et impera! Нѣтъ, не старые, а очень новые. Подивимся же этому юношѣ, который, при полномъ господствѣ крѣпостного права въ Россіи, понялъ естественный союзъ своей страны съ низшими классами населенія во всѣхъ окраинахъ; въ чиновникѣ рижскаго генерала-губернатора проглядывалъ уже видный дѣятель по крестьянскому дѣлу въ Россіи. Мало того: во время полной административной опеки въ Россіи, когда народность понималась развѣ въ однѣхъ пѣсняхъ, молодой чиновникъ вдругъ заговорилъ объ интересахъ этой народности въ спеціально и особенно привилегированномъ краѣ.

Такіе голоса были слишкомъ новы, и дѣло должно было кончиться катастрофой. Нѣмцы поняли своего врага—это неудивительно и понятно. Администрація не могла еще понять своего истиннаго друга—это также неудивительно. Самаринъ написалъ нѣсколько писемъ объ истинномъ положеніи края. Письма были признаны неблагонамѣренными, и съ авторомъ поступили, какъ съ человѣкомъ безпокойнымъ. Самъ Юрій Өедоровичъ относился къ катастрофѣ безъ всякой горечи. Онъ понималъ, что, по *тогдашнимъ* понятіямъ, съ нимъ было поступлено даже снисходительно. „Недавно опредѣлившійся на службу титулярный совѣтникъ,—писалъ онъ,—осмѣлившійся, не будучи къ тому призванъ своимъ начальствомъ, произнести осужденіе высшаго управленія, не могъ избѣгнуть наказанія; но, по крайней мѣрѣ, искренность и намѣренія провинившагося остались незаподозрѣнными". Это большое утѣшеніе. Имъ онъ обязанъ покойному Государю, который самъ разсматривалъ дѣло Юрія Өедоровича и призывалъ его къ себѣ для объясненій. „Едва ли нужно прибавлять,—продолжаетъ Юрій Өедоровичъ,—что я вспоминаю теперь (въ 1867 году) объ этомъ давно прошедшемъ времени не только безъ горечи, но и безъ сожалѣнія. Напротивъ, я очень благодаренъ судьбѣ, доставившей мнѣ случай видѣть покойнаго императора съ глазу на глазъ, слышать прямодушную рѣчь его и унести изъ кратковременнаго съ нимъ свиданія образъ историческаго лица, неожиданно передо мною явившагося въ строгой и благородной простотѣ своего обаятельнаго величія"...

Тѣмъ, кто зналъ Юрія Өедоровича, едва ли нужно доказывать, что приведенная нами выписка не есть риторическій оборотъ, театральная поза. Одно изъ замѣчательныхъ качествъ покойнаго—не-

обыкновенная терпимость чужихъ мнѣній и умѣнье различать и цѣнить хорошее въ другихъ. Этимъ объясняется странное, повидимому, обстоятельство. Самаринъ, догматикъ и строгій хранитель славянофильской теоріи, *лично* могъ сближаться искренно и сердечно съ людьми иного образа мыслей. Онъ, представитель очень опредѣленной доктрины, никогда не былъ человѣкомъ кружка. Мнѣ часто приходилось слышать теплые отзывы его о Грановскомъ, Чаадаевѣ и другихъ, даже болѣе жаркихъ его противникахъ. До послѣдняго времени я любовался чувствами дружбы и уваженія, соединявшими Самарина—бойца славянофильской идеи, съ К. Д. Кавелинымъ, ветераномъ школы „родового быта". Смотрѣть на эти чистыя отношенія двухъ чистыхъ людей было для меня истиннымъ наслажденіемъ; они составятъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей собственной жизни...

Итакъ, въ 1847 году Самаринъ принялъ свое крещеніе. Исторія увидитъ въ этомъ крещеніи немаловажный фактъ нашей общественной жизни. „Недавно поступившій на службу титулярный совѣтникъ", бесѣдующій съ императоромъ объ интересахъ Россіи въ Прибалтійскомъ Краѣ—явленіе для 1847 года немного новое, даже исключительное въ своемъ родѣ... Катастрофа кончилась благополучно. Чрезъ нѣсколько времени мы застаемъ Юрія Ѳедоровича правителемъ канцеляріи у кіевскаго генерала-губернатора, Д. Г. Бибикова. Здѣсь для Самарина дѣла было больше. Д. Г. Бибиковъ, какъ извѣстно, энергически взялся за устройство южнорусскихъ крестьянъ и, при дѣятельномъ участіи Ю. Ѳ., сдѣлалъ для нихъ все, что̀ было въ его силахъ по тому времени.

Наконецъ, послѣ новыхъ „катастрофъ" для Самарина, настала пора и для отмѣны крѣпостного права въ Россіи. Юрій Ѳедоровичъ былъ призванъ къ участію въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, гдѣ онъ засѣдалъ въ административномъ и хозяйственномъ отдѣленіяхъ, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, княземъ В. А. Черкасскимъ, С. М. Жуковскимъ, Я. А. Соловьевымъ и другими. Нужно ли говорить, ка̀къ отнесся онъ къ новымъ своимъ обязанностямъ? Отмѣна крѣпостного права была привѣтствована людьми всѣхъ направленій (не говоримъ о разныхъ уродствахъ). Но для Самарина и его друзей смыслъ освобожденія народа не исчерпывался провозглашеніемъ человѣческихъ правъ двадцатимилліонной массы и обезпеченіемъ экономическаго ея быта. Для славянофиловъ крѣпостные не были только массой угнетенныхъ; они видѣли въ крестьянствѣ хранителя національныхъ преданій, русской „пошлины". Въ крестьянскомъ „мірѣ", въ общинѣ они видѣли нетронутые зачатки общественныхъ идеаловъ. Пустить народъ на волю, дать ему землю и самоуправленіе значило внести въ наше „администрированное", такъ сказать, общество новый эле-

ментъ — элементъ будущаго его земскаго перерожденія. Исторіи еще предстоитъ оцѣнить вліяніе славянофильскихъ идей въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій и выработанныхъ ею началъ крестьянскаго самоуправленія.

Самаринъ былъ призванъ въ коммиссію не въ качествѣ служащаго. По освобожденіи крестьянъ, онъ не занималъ никакого служебнаго положенія. Онъ снова попыталъ свои силы на поприщѣ литературномъ Его мысли снова обратились къ вопросу объ окраинахъ Россіи. Раскрыть элементы, противодѣйствующіе русскимъ интересамъ, указать элементы намъ дружественные и уяснить ихъ значеніе—такова общая цѣль его публицистической дѣятельности. Для достиженія ея онъ обращался и къ исторіи, и къ современнымъ явленіямъ. Всѣ помнятъ его письма объ іезуитахъ; но скоро Самаринъ сталъ извѣстенъ, какъ авторъ знаменитыхъ „Окраинъ Россіи", вполнѣ уяснившихъ его политическое міросозерцаніе. Намъ не удалось видѣть Юрія Өедоровича послѣ закрытія рижскаго генералъ-губернаторства, этого мудраго и своевременнаго правительственнаго акта. Можетъ быть, въ письмахъ его найдутся отзывы объ этой мѣрѣ.

Не одна, однако, публицистика занимала его время. Свободный отъ службы, онъ посвящалъ себя дѣятельности общественной. Труды его раздѣлялись между народными школами, которыми онъ усердно занимался у себя въ деревнѣ, и занятіями по земскимъ и городскимъ дѣламъ въ Москвѣ. Городская дума и земское собраніе, вѣроятно, долго будутъ помнить этого усерднаго труженика, безъ устали работавшаго въ разныхъ коммиссіяхъ, тщательно изслѣдовавшаго самые спеціальные вопросы городского и земскаго хозяйства и благоустройства. Юрій Өедоровичъ не зналъ отдыха. Мысль его работала постоянно. Иногда онъ предавался *видимому* бездѣйствію, посѣщалъ общества, ораторствовалъ въ гостиныхъ. Но внимательный наблюдатель могъ всегда подсмотрѣть эту неустанную работу мысли, выражавшуюся въ замѣчательныхъ публицистическихъ трудахъ. И не въ одной публицистикѣ. Первоначальныя занятія философіей наложили на него свой отпечатокъ. Привычка къ отвлеченному мышленію не оставляла его до конца. „Васъ,—писалъ ему Хомяковъ въ своемъ философскомъ письмѣ, — я смѣло могу приглашать на крутыя высоты философскаго мышленія". Недавно еще мы узнали о его полемикѣ съ К. Д. Кавелинымъ по поводу книги г. Кавелина „Задачи психологіи". Хомяковъ могъ смѣло примѣнить къ нему слова Шеллинга: „Счастливы государства, гдѣ люди, зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ философіи, чтобъ освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобъемлющими началами, которыя дѣйствительно управляютъ

міромъ и связують какъ бы неразрывными узами всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи въ полномъ смыслѣ слова, способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе неспособные положить оружіе предъ мелочностью и невѣжествомъ даже тогда, когда, какъ нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества".

Таковъ дѣйствительно былъ Самаринъ, „мужъ" въ полномъ смыслѣ этого слова. Теперь невозможно оцѣнить всѣ его сочиненія, обнять всю его дѣятельность. Онъ нуждается въ подробной біографіи. Но, въ общихъ чертахъ, смыслъ его дѣятельности уже опредѣлился.

Самаринъ не былъ реформаторомъ, желавшимъ подчинить теченіе жизни какому-нибудь отвлеченному принципу. „Какъ русскій,—писалъ онъ про себя,—желающій служить *моей* родинѣ и въ *мое* время, я не принадлежу ни къ какой политической партіи, даже не признаю разумной причины къ образованію въ современной Россіи какихъ-либо партій свойства *политическаго*, въ серьезномъ значеніи этого слова. Я—не революціонеръ и не консерваторъ, не демократъ и не аристократъ, не соціалистъ, не коммунистъ и не конституціоналистъ". Онъ понималъ очень хорошо, что всѣ наши такъ-называемыя партіи суть отблескъ и отзвукъ иноземныхъ явленій; что идеи этихъ партій, понятныя на своей почвѣ, у насъ становятся безпощаднымъ и грубымъ „принципомъ" и, притомъ, отвлеченнымъ. Съ безпощадною ироніей осмѣялъ онъ нашихъ „охранителей" въ своемъ отвѣтѣ генералу Фадѣеву. Послѣ его аргументаціи поразительно ясна мысль, что все пресловутое „охраненіе" желаетъ идти путемъ *революціоннымъ*, т. е. безпощадно ломая общественную жизнь во имя отвлеченнаго принципа. „Для меня,—говорилъ Самаринъ,—все равно, откуда идетъ революція—съ улицы или изъ бель-этажей".

Противникъ ломки во имя идей, взятыхъ на прокатъ, Самаринъ былъ горячимъ адвокатомъ *жизни*. Онъ не касался ни принциповъ, ни правъ власти, но всѣми силами доказывалъ необходимость *довѣрія* между властью и обществомъ. „Неисправимый славянофилъ" (по его собственнымъ словамъ), онъ глубоко вѣрилъ, что правительственное довѣріе къ обществу, выражавшееся въ современныхъ реформахъ, вызоветъ въ обществѣ всѣ силы, нужныя для обновленія родины. Самаринъ не былъ реформаторомъ, но онъ былъ *человѣкомъ реформы*, т. е. горячимъ защитникомъ того, что̀ пріобрѣтено обществомъ съ 1861 года. Какъ человѣкъ земскій, онъ видѣлъ въ „землѣ", въ земскомъ самоуправленіи, въ зачаткахъ печатнаго слова, въ но-

вомъ судѣ не только уступку принципамъ свободы, но условія, способныя поднять нашъ народный духъ, сообщить нашей политикѣ болѣе національный характеръ, стало быть, и разрѣшить вопросъ объ „окраинахъ“ въ пользу Россіи. Вотъ почему онъ возставалъ противъ нашей охранительной „пугачовщины“, т. е. клики, поставившей себѣ цѣлью запугать правительство и подвигнуть его на ломку всего, созданнаго съ 1861 года. Всѣ эти „проекты“ производили на него болѣзненное ощущеніе. Ему казалось, что онъ присутствуетъ при совѣщаніи незванныхъ врачей, желающихъ насильственно сдѣлать операцію здоровому человѣку...

Не довѣряя никакимъ вывѣскамъ, какого бы онѣ ни были цвѣта, не вѣруя ни въ какое регламентированное благополучіе, онъ съ тѣмъ бо̀льшимъ жаромъ отстаивалъ все, въ чемъ проявляется нравственная жизнь человѣка и общества.

Онъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, старался устранить начало оффиціальности тамъ, гдѣ оно является началомъ не только безполезнымъ, но и мертвящимъ. Всѣ, вѣроятно, помнятъ его знаменитое предисловіе къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова. Вся сила его аргументаціи направлена къ уясненію истинныхъ отношеній вѣры къ политическому порядку, церкви къ государству. Изслѣдуя причины упадка вѣры, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно указывалъ, въ чемъ состоятъ условія обновленія церковной жизни и церковной проповѣди. Конечно, при жизни своей, онъ не имѣлъ многихъ утѣшеній. Но его предисловіе останется серьезнымъ предостереженіемъ для всякаго, кому до̀роги интересы церкви.

Не съ меньшею заботливостью относился онъ и къ тому, при помощи чего выражается внутренній міръ человѣка, его идеалы и стремленія, т. е. къ слову. Вся дѣятельность Самарина была практическимъ примѣненіемъ формулы, высказанной К. Аксаковымъ: „правительству сила власти, народу сила мнѣнія“. Самаринъ глубоко *вѣрилъ* въ силу слова и желалъ для него возможно бо̀льшаго простора. По своей природѣ, по своему широкому философскому образованію, онъ не могъ пугаться никакихъ мнѣній, самыхъ крайнихъ. Онъ сознавалъ пользу элемента недовольства, присущаго умамъ лучшихъ людей. „Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, — говорилъ онъ,—въ законахъ и пріемахъ правительства, словомъ, въ томъ, что̀ обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для честной критики и законнаго осужденія. Пока люди, подъ этимъ порядкомъ живущіе, дѣйствительно живутъ, развиваются и идутъ впередъ, лучшіе передовые люди никогда не находятъ въ немъ *полнаго* удовлетворенія всѣхъ, разумѣется, разумныхъ своихъ потребностей; въ этомъ не-

удовлетворенiи и въ исканiи лучшаго—начало политическаго, правильнаго прогресса". Такъ далекъ былъ Юрiй Өедоровичъ отъ „китайскаго самодовольства", которое приписывалось ему и всей школѣ его противниками!

Вѣруя въ силу слова, Юрiй Өедоровичъ пользовался этимъ орудiемъ съ большимъ достоинствомъ. Въ его писанiяхъ нельзя найти ни одной строчки, въ которой проглядывалъ бы духъ мелкой и рисующейся оппозицiи, желанiе уязвить противника, выставиться насчетъ другихъ. Онъ часто прибѣгалъ къ иронiи, но иронiи возвышенной, художественной, такъ сказать, напоминающей иронiю Паскаля. Читая и перечитывая его произведенiя, нельзя не придти къ заключенiю, что онъ относился къ слову, какъ человѣкъ свободный, считавшiй своимъ правомъ и обязанностью говорить, когда того требовали насущные интересы родины.

Повторяемъ, Самаринъ нуждается въ бiографiи. Она выяснитъ всѣ стороны его характера и дѣятельности. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, откроются и нѣкоторые его недостатки. Но я твердо убѣжденъ, что правдивая и подробная бiографiя, въ общемъ результатѣ, дастъ намъ типъ общественнаго дѣятеля, съ убѣжденiями твердыми и неподкупными, съ стремленiями чистыми и безкорыстными. Вотъ почему въ такой бiографiи нуждается не столько покойный Юрiй Өедоровичъ, сколько общество наше, гдѣ типы, подобные Самарину, должны имѣть высокое воспитательное значенiе.

Самаринъ скончался въ полномъ цвѣтѣ своихъ силъ. Ему было всего 58 лѣтъ. При сильной организацiи покойнаго, смерть его можетъ быть названа преждевременною. Почитатели и друзья поражены неожиданнымъ горемъ. Но дѣло, которому служилъ Юрiй Өедоровичъ, не проиграетъ отъ этой кончины. Изъ рядовъ небольшого кружка *настоящихъ* охранителей русской земли выбылъ еще одинъ сильный боецъ: нѣтъ Самарина живого—остался Самаринъ умершiй, но непережившiй своей репутацiи, во всей прелести своего благороднаго характера, возвышенныхъ стремленiй, своей истинно гражданской доблести. Воспоминанiе о немъ будетъ вдохновлять и давать силы многимъ и многимъ. Юрiю Өедоровичу выпала счастливая доля: онъ скончался, но не *отжилъ*. Онъ продолжаетъ жить съ тѣми, для кого величiе Россiи, нравственное достоинство человѣка, вѣра въ силы и въ будущее родного народа—не пустыя слова. Нѣсколько десятковъ лѣтъ стоялъ Юрiй Өедоровичъ на своемъ посту и ни разу не спустилъ флага, не уступилъ ни одной iоты изъ того, что̀ онъ считалъ истиной. При жизни своей Самаринъ могъ примѣнить къ себѣ слова поэта:

Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ,
И гордо станетъ онъ въ вѣкахъ.

Рѣзецъ смерти совершилъ этотъ послѣдній взмахъ. Намъ остается бережно сохранить его память и передать ее нашимъ потомкамъ.

ГРАФЪ КАВУРЪ [1]).

(Le comte de Cavour, par Charles de Mazade, Paris, 1877).

I.

Мы переживаемъ великую и тревожную эпоху. Каждый день приноситъ намъ извѣстія, заставляющія насъ то радоваться, то печалиться, то съ гордостью смотрѣть на будущее, то сомнѣваться въ немъ. Пора спокойствія и равнодушія миновала. Но и въ это тревожное время, когда каждый изъ насъ живетъ не вчерашнимъ, даже не нынѣшнимъ днемъ, а трепетно ждетъ утра съ его новостями, нельзя иногда не уйти мыслью въ прошедшее, особенно если въ этомъ прошедшемъ можно найти подобіе настоящему. Примѣръ другихъ народовъ и другихъ людей, переживавшихъ такія же тревоги, какъ и мы, освѣжаетъ мысль и укрѣпляетъ волю. Скажемъ больше: такіе примѣры необходимы. Переживая тревоги настоящаго, мы невольно приковываемъ наше вниманіе къ массѣ отдѣльныхъ событій, смѣняющихъ другъ друга, и рѣдко способны возвыситься до созерцанія идеи, двигающей событіями. Современные дѣятели представляются намъ во всѣхъ ихъ подробностяхъ, съ ихъ будничною обстановкой. Для характеристики ихъ мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше „слуховъ" и даже сплетенъ, чѣмъ крупныхъ и достовѣрныхъ фактовъ. Напротивъ, въ событіяхъ прошедшаго, подробности отступаютъ на второй планъ, идея выдвигается на первый. Въ дѣятеляхъ прошлаго стираются второстепенныя черты, но возстановляются общіе контуры, и фигура предстоитъ предъ потомствомъ подобно мраморному изваянію, воплощающему опредѣленную идею.

Національное движеніе, охватившее Европу съ 1848 г., выразилось въ различныхъ формахъ, совершилось при различныхъ условіяхъ и разными средствами, трудно повторимыми въ другихъ странахъ.

---

[1]) Написана въ 1877 году, не задолго до взятія Плевны.

Стоитъ сравнить процессъ объединенія Германіи съ такимъ же процессомъ въ Италіи, чтобъ убѣдиться, въ какой степени „время и мѣсто“ отражаются на характерѣ событій и на типахъ дѣятелей. Но, хотя бы въ интересахъ „сравнительной методы“, полезно останавливаться на этихъ различныхъ процессахъ и представителяхъ различныхъ политическихъ системъ. Какимъ образомъ маленькое, небогатое государство могло сдѣлаться центромъ соединенія для цѣлаго полуострова, сломить силу громадной Австрійской Имперіи и свѣтскую власть главы католическаго міра? Какимъ образомъ одинъ человѣкъ, располагавшій силами небольшого народа и однимъ только союзникомъ, да и то ненадежнымъ, успѣлъ осуществить то, чего не могли сдѣлать усилія цѣлыхъ поколѣній?

Книга г. Мазада въ этомъ отношеніи довольно интересна. Правда, она даетъ менѣе фактовъ, чѣмъ книга Массари. Она имѣетъ характеръ апологіи, написанной съ точки зрѣнія довольно узкаго круга идей. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ популярной біографіи Кавура, она смѣло можетъ быть рекомендована вниманію читающаго общества.

Не останавливаясь на дальнѣйшей оцѣнкѣ книги, обратимся къ событіямъ и къ человѣку, ихъ вызвавшему.

Идея національнаго единства Италіи и освобожденія ея отъ ига чужеземцевъ не принадлежала, конечно, Кавуру, да и никому изъ его современниковъ. Зародышъ ея должно искать очень далеко. Восходя отъ столѣтія къ столѣтію, можно остановиться на Маккіавели, въ твореніяхъ котораго эта мысль выражена съ поразительною ясностью и энергіей. Въ самомъ XIX столѣтіи она жила первоначально въ тайныхъ обществахъ, прорывалась въ литературныхъ и научныхъ произведеніяхъ. Но характеристическія черты Кавура и его политики опредѣляются условіями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, и способами, при помощи которыхъ онъ достигъ своей цѣли.

Маккіавели страстно любилъ Италію и все готовъ былъ принести въ жертву ея единству. Но онъ взывалъ къ деспотическому „государю“, самъ предложилъ ему теорію строгаго деспотизма и вѣроломной политики. Онъ разсчитывалъ прежде всего на внѣшнюю силу государственной власти и на ея политическое искусство. Кавуру пришлось разсчитывать на силу нравственнаго примѣра государства, къ управленію которымъ онъ былъ призванъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличается, напримѣръ, отъ князя Бисмарка, дѣйствовавшаго при иныхъ условіяхъ. „Желѣзный канцлеръ“ отвѣчалъ въ свое время либераламъ прусскаго ландтага: „Германія смотритъ не на либерализмъ, а на могущество Пруссіи. Баварія и Баденъ могутъ потакать либерализму, но зато они и не призваны ни къ

чему великому". Кавуръ не могъ произнести этихъ словъ. Пьемонтъ былъ не больше Баваріи и бѣднѣе ея. Вліяніе его могло быть основано прежде всего на нравственныхъ силахъ, уважаемыхъ какъ въ Италіи, такъ и въ Европѣ. Бисмаркъ задавилъ своихъ противниковъ прежде всего въ Германіи, потомъ въ Европѣ. Кавуръ силою вещей долженъ былъ очаровывать либеральное большинство въ Италіи и европейскіе дворы. Фигура князя Бисмарка перейдетъ въ потомство въ видѣ бронзоваго изваянія со всѣми чертами грозной энергіи и несокрушимой силы воли. Въ фигурѣ Кавура гораздо больше граціи, добродушія и нѣкотораго лукавства. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ у этого итальянца, добродушно потирающаго руки и отпускающаго остроты, было меньше энергіи, чѣмъ у знаменитаго канцлера. Бисмаркъ, обыкновенно, былъ хозяиномъ положенія вещей. Онъ шелъ впередъ и останавливался, когда считалъ это нужнымъ. Врядъ ли у него были такія трагическія минуты, какія пережилъ Кавуръ, напримѣръ, послѣ заключенія вилла-франкскаго перемирія, когда его почти безъ чувствъ вывели изъ комнаты Виктора-Эммануила. Князь Бисмаркъ могъ опираться, главнымъ образомъ, на силы Пруссіи; Кавуръ призывалъ къ участію силы посторонния и обыкновенно своекорыстныя. Тѣмъ затруднительнѣе было его положеніе, тѣмъ больше умѣнья „создавать обстоятельства" требовалось отъ него.

Начало политическаго поприща Кавура относится къ самому тяжелому для Италіи и Пьемонта времени. Либеральное движеніе, охватившее Италію съ 1846 года, побудившее сардинскаго короля Карла-Альберта дать странѣ конституцію, стать во главѣ войска противъ Австріи, кончилось плачевно. Власть папы была возстановлена въ Римѣ французскими войсками; въ Верхней Италіи, Австрія, управившись съ венгерскою революціей, возстановляла „порядокъ" и сокрушила слабый Пьемонтъ. Въ Неаполѣ кровавая реакція „отрезвляла" людей, увлекшихся либеральными идеями. Во всей Европѣ торжество реакціи было несомнѣнно. Во Франціи іюньскіе дни подготовили диктатуру Наполеона; въ Германіи Пруссія должна была расплатиться за кратковременное увлеченіе „національною идеей" униженіемъ предъ Австріей. Притомъ, сама либеральная Германія подозрительно относилась къ итальянскому движенію, въ которомъ она видѣла угрозу для германскихъ интересовъ. Всякое движеніе въ Италіи было сдавлено съ двухъ сторонъ и во имя двухъ принциповъ. Во-первыхъ, во имя началъ реакціонныхъ, Австрія, какъ въ своихъ итальянскихъ провинціяхъ, такъ и чрезъ послушныхъ ей „потентатовъ" Средней Италіи подавляла всякія мечты объ освобожденіи, увѣривъ, притомъ, Германію, что единство Италіи будетъ гибельно для нѣмецкихъ интересовъ. Во-вторыхъ, національное дви-

женіе въ Италіи вызывало всеевропейскую панику во имя интересовъ католицизма, тѣсно связанныхъ, будто бы, съ свѣтскою властью папы.

Самъ Пьемонтъ представлялъ зрѣлище мало утѣшительное. Новорожденной конституціи грозила серьезная опасность. Разгромъ пьемонтской арміи подъ Наварой (23 марта 1849 года) повелъ къ дезорганизаціи страны, выдвинулъ впередъ самыя крайнія партіи. Въ то время, какъ реакціонеры кричали о необходимости возстановить старый порядокъ, Броферіо предлагалъ организовать всеобщую революцію, учредить „комитетъ общественнаго спасенія", генуэзская демагогія произвела возстаніе, съ трудомъ подавленное Ламарморою.

Положеніе молодого короля Виктора-Эммануила было въ высшей степени затруднительно, и только его честной натурѣ Пьемонтъ обязанъ сохраненіемъ „статута". Но статутъ не могъ оставаться буквою: нужны были еще люди, умѣющіе править по статуту. На первый разъ онъ собралъ вокругъ себя людей, способныхъ сохранить равновѣсіе. Таковы были Азеліо, Сиккарди, Палеокопа, Ламармора, Нигра. Но только въ 1850 году въ составъ министерства Азеліо вошелъ человѣкъ, способный не только къ равновѣсію, но и къ дѣйствію—Кавуръ.

Ему было въ это время сорокъ лѣтъ. Его характеръ и убѣжденія опредѣлились окончательно. На поприщѣ сельскаго хозяйства и разныхъ промышленныхъ предпріятій, въ качествѣ журналиста и члена парламента, онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ громкую извѣстность и укрѣпить связи съ либеральною партіей. Какія идеи внесъ этотъ человѣкъ въ правительство? Предоставимъ слово ему самому.

Въ 1848 году онъ рѣзко отвернулся отъ мадзинизма съ его революціонною программою дѣйствій. Его смѣшали съ реакціонерами (codino) и забраковали на выборахъ 1849 года въ палату депутатовъ. Что же отдѣляло его отъ этой партіи и отъ практики „тайныхъ обществъ"? „Что всегда губило, — говорилъ онъ, — самыя лучшія и справедливѣйшія революціи? Страсть къ революціоннымъ средствамъ людей, мечтавшихъ освободиться отъ естественныхъ законовъ. Учредительное французское собраніе, создающее ассигнаціи, вопреки природѣ и экономическимъ законамъ — революціонное средство, убившее кредитъ и породившее разореніе! Конвентъ, думавшій потопить въ крови сопротивленіе своимъ честолюбивымъ замысламъ — революціонное средство, породившее директорію, консульство и имперію! Наполеонъ, все подчинявшій своему капризу и полагавшій, что „можно съ одинаковою легкостью побѣдить при Лоди и стереть одинъ изъ законовъ природы" — революціонное средство, которое повело къ Ватерлоо и къ св. Еленѣ! Іюньскіе

сектаторы (1848 года), стремившіеся навязать при помощи желѣза демократическую и соціальную республику—революціонное средство, породившее осадное положеніе въ Парижѣ и реакцію повсюду. Подождемъ еще минуту и мы увидимъ послѣднее дѣйствіе революціоннаго средства—Людовика-Наполеона на престолѣ!"

Кавуръ не хотѣлъ этихъ „средствъ", особенно въ виду того обстоятельства, что Пьемонту приходилось удерживать свой „статутъ" и служить всей Италіи среди всеевропейской реакціи. Но рѣзкія черты отдѣляли его отъ „правой стороны". Его политическая точка опоры, его cogito, ergo sum, ясно выражено въ письмѣ къ Сальваньйоли, написанномъ послѣ бѣдствій 1848 года: „До тѣхъ поръ,— писалъ онъ,—пока свобода существуетъ въ одномъ углу Итальянскаго полуострова, не слѣдуетъ отчаяваться въ будущемъ! Пока Пьемонтъ сохранитъ свои учрежденія отъ деспотизма и анархіи, мы будемъ имѣть средство съ пользою трудиться надъ возрожденіемъ отечества".

Слово „свобода" означаетъ иногда очень многое, иногда пустую форму, пригодную для прикрытія разныхъ человѣческихъ глупостей. Поэтому, важно знать, чтó означало оно въ устахъ такого серьезнаго и практическаго человѣка, какъ графъ Кавуръ. Вотъ чтó говорилъ онъ въ палатѣ, въ 1850 году, по поводу церковной реформы. „Реформы, произведенныя вовремя, не ослабляютъ власти — онѣ укрѣпляютъ ее и обезсиливаютъ революціонный духъ. Я говорю министрамъ: подражайте откровенно Уэллингтону, Грею, Пилю... идите смѣло по пути реформъ, не страшась, что онѣ будутъ преждевременны. Не думайте, чтобъ тронъ отъ того поколебался; напротивъ, онъ укрѣпится, пуститъ въ нашей почвѣ такіе глубокіе корни, что въ тотъ день, когда революція поднимется вокругъ насъ, онъ будетъ не только въ состояніи владычествовать надъ нею, но соберетъ вокругъ себя всѣ живыя силы Италіи и поведетъ націю къ ожидающимъ ее судьбамъ".

Кавуръ какъ бы предсказалъ то, чтó случилось въ 1859 году: революціонныя силы пошли тогда на службу Виктору-Эммануилу. Интересно, что князь Бисмаркъ въ свое время высказалъ ту же мысль. Обращаясь, незадолго до войны 1866 года, къ германскимъ правительствамъ съ предложеніемъ реформы союзнаго устройства, ради предупрежденія революціи, онъ говорилъ: „силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ея вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, неосуществленныхъ въ свое время".

Два великіе политика и знатока человѣческаго сердца сказали одно и то же. Масса народа никогда не можетъ жить крайними и утопическими стремленіями „лѣвыхъ". Ведите ее по пути реформъ,

выполняйте то, что всѣми признано за всеобщую и неотложную нужду, и вы навсегда отдѣлите ее отъ партіи революціонной. Успѣхъ французской революціи зависѣлъ вовсе не отъ того, что масса народа хотѣла красной шапки, казни короля, религіи разума, террора и комитета общественнаго спасенія, а потому, что въ свое время Тюрго не могъ добиться необходимыхъ экономическихъ и общественныхъ реформъ.

Для Кавура такая теорія реформы имѣла особенное значеніе въ виду исключительнаго положенія Пьемонта. Маленькое королевство не имѣло ни сильной арміи, ни благоустроенныхъ финансовъ, ни могущественныхъ союзниковъ. Оно могло взять только нравственнымъ вліяніемъ на Европу и Италію. Вотъ почему Кавуръ говорилъ: „Правительство не можетъ вести національную, итальянскую политику по отношенію къ иностраннымъ державамъ, не будучи либеральнымъ и преобразовательнымъ внутри; точно также намъ невозможно быть либеральными внутри, не будучи національными въ нашихъ внѣшнихъ сношеніяхъ“.

Но успѣхъ такой политики требовалъ невѣроятныхъ усилій. Либеральный Кавуръ видѣлъ въ „статутѣ“ не цѣль, а средство вызвать къ жизни всѣ нравственныя и экономическія силы своей родины, страшно истощенной и деморализованной послѣдними событіями. „Мы что-нибудь сдѣлаемъ“, говорилъ онъ своему другу Манцони, лукаво потирая руки.

„Дѣлать“ было, однако, трудно. Съ 1848 года долгъ Пьемонта возросъ съ 5 на 30 милліоновъ ренты; бюджетъ возросъ съ 80 на 189 милліоновъ (въ 1850 году). При этихъ условіяхъ Кавуръ сдѣлался, въ 1850 году, министромъ торговли, а въ 1852 году первымъ министромъ. Сознаніе тяжкаго бремени проглядываетъ въ его письмахъ. Въ 1853 году, онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Женеву:

„Политика запутывается все больше и больше; мы должны бороться съ неурожаемъ, съ новыми налогами, съ попами и ретроградами... Но я, все-таки, не отчаяваюсь...“

Послѣдуемъ за нимъ па это поприще. Кавуръ пріобрѣлъ себѣ наибольшую извѣстность своими дипломатическими способностями. Но дипломатія Кавура только увѣнчала усилія его внутренней политики, имѣвшей въ виду экономическое возрожденіе Пьемонта. Здѣсь особенно развернулась его энергія и огромныя способности финансиста и экономиста. Кавуръ не испугался тяжкаго бремени долговъ и налоговъ, уже лежавшаго на странѣ; онъ заставилъ ее пуститься въ трудныя финансовыя реформы, началъ рядъ общественныхъ сооруженій; принялся за преобразованіе арміи, за улучшеніе крѣпостей. Вмѣсто того, чтобъ замкнуться въ „строгую экономію“,

онъ призывалъ страну сдѣлать новыя усилія и развернуть свои производительныя силы. Страна слушала его неохотно. Ему приходилось дѣлать предъ палатою математическія выкладки, убѣждать ее, что если предполагаемыя затраты будутъ велики, то онѣ будутъ и производительны, что онѣ съ избыткомъ возвратятся странѣ. Ему приходилось доказывать, что затрата двухъ милліоновъ на улучшеніе портовъ дастъ 500,000 годового дохода; что гарантія савойской желѣзной дороги привлечетъ въ эту страну отъ 40 до 50 милліоновъ капиталовъ, въ которыхъ она такъ нуждается, и т. д.

Но экономическія реформы Кавура имѣли въ виду и другую цѣль—главную цѣль его политики и всей его жизни. Построенныя на началахъ экономической свободы, онѣ должны были привлечь къ Пьемонту симпатіи двухъ сильнѣйшихъ державъ Запада—Англіи и Франціи. Недаромъ австрійскій министръ говорилъ, нахмурившись: „Кавуръ хочетъ купить поддержку Англіи своею торговою политикою". Такова, конечно, не была главная цѣль Кавура. Его торговая и экономическая политика казалась ему выгодною прежде всего для Пьемонта. Но онъ понималъ хорошо, что она полезна и для упроченія связи съ великими державами Запада. „Англія,—говорилъ онъ (хотя невполнѣ вѣрно),—не выступаетъ больше въ качествѣ поборника абсолютизма на континентѣ, и англійскому министерству будетъ трудно соединиться съ Австріею для угнетенія Италіи". Заключая коммерческій трактатъ съ Франціею (1851 года), онъ прямо заявлялъ, что ищетъ поддержки этой страны въ виду грядущихъ событій. „Не можетъ ли,—говорилъ онъ,—произойти такой компликаціи между всѣми окружающими насъ народами, которая раздѣлила бы на два лагеря Востокъ и Западъ? И въ этомъ случаѣ не желали ли бы мы быть съ Франціею?" Не трудно догадаться, какую „компликацію" предусматривалъ Кавуръ: восточная война 1853 года оправдала его.

Но пока мы дойдемъ до этого событія, которымъ такъ ловко воспользовался Кавуръ для своихъ цѣлей, нужно сказать нѣсколько словъ о церковной политикѣ Кавура. До полнаго рѣшенія этого труднаго вопроса онъ не дошелъ, потому что не дошелъ до Рима. Но законъ 1871 года, опредѣляющій отношеніе римской куріи къ государству, держится на идеяхъ Кавура, выраженныхъ въ его извѣстной формулѣ: Libera chiesa in libero stato (свободная церковь въ свободномъ государствѣ). Съ этими словами онъ умеръ, пожимая руку своему духовнику, фра-Джіакомо. Онъ проводилъ это начало въ отдѣльныхъ мѣрахъ и отстаивалъ его со всею энергіей. Эта идея не была общею формулою либерализма, потому что либерализмъ можетъ дойти и до иныхъ требованій, напримѣръ, до требованія строгаго государственнаго надзора въ дѣлахъ церковныхъ, ради

обезпеченія интересовъ свѣтскаго общества. Формула Кавура вытекала изъ глубокаго пониманія взаимнаго отношенія церкви и государства именно въ Италіи. Здѣсь римская курія не является внѣшнимъ и постороннимъ установленіемъ для страны, какъ, напримѣръ, во Франціи. Она составляетъ одинъ изъ историческихъ элементовъ національной жизни Италіи. Были минуты, когда отъ папскаго престола, за неимѣніемъ другой точки опоры, надѣялись національнаго возрожденія Италіи. Не дальше, какъ въ 1846 году, такія надежды были возложены на Пія IX. Надежды эти не оправдались, даже были посрамлены; но національная партія еще не видѣла иной точки опоры. Попытка Пьемонта кончилась новарскимъ разгромомъ. Странѣ нужно было начинать дѣло снова и завоевать себѣ почетное положеніе въ Италіи.

При такихъ условіяхъ, Кавуру необходимо было прежде всего денаціонализовать, такъ сказать, римскую курію, устранить ее отъ всякаго вліянія на государственную и національную жизнь Италіи, обратить ее въ космополитическое учрежденіе, поставить ее во главѣ католическаго міра, но не Италіи. Добиться этого можно было только однимъ путемъ: полнымъ разграниченіемъ церковной и политической областей. Уничтоженіе свѣтской власти папы, освобожденіе свѣтскаго общества отъ опеки духовныхъ властей и каноническихъ правилъ—таковы были условія, необходимыя для свободы государственной власти въ ея національной политикѣ. Отмѣна старыхъ орудій государственнаго вмѣшательства въ дѣла церковныя, полная независимость папы, какъ главы католической церкви—таковы условія свободы церкви. Папѣ—весь католическій міръ, во всѣхъ частяхъ свѣта; королю—Италія, въ ея національномъ единствѣ.

Таковы практическія и мѣстныя основанія знаменитой формулы: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“—формулы, получившей значеніе безсодержательнаго восклицанія въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Для Кавура она имѣла очень опредѣленное значеніе; но осуществить ее онъ могъ только въ отдаленномъ будущемъ.

Окончательное и откровенное соглашеніе съ римскимъ престоломъ въ данную минуту было невозможно. Римская курія являлась однимъ изъ сильнѣйшихъ препятствій къ объединенію Италіи, открыто стала на сторону всѣхъ реакціонныхъ элементовъ и враждебно относилась къ „вольнодумному“ Пьемонту. Поэтому, съ политической точки зрѣнія, было гораздо выгоднѣе оставить папство на этой дорогѣ. Шествуя свободно по пути реакціи, папскій престолъ дискредитировалъ себя въ національномъ отношеніи и увеличивалъ популярность Пьемонта. Такъ, въ 1855 году онъ заключилъ извѣстный конкор-

датъ съ Австріей, ясно доказавшій двѣ вещи: во-первыхъ, чего можно ожидать отъ папской власти въ смыслѣ общегосударственнаго развитія и, во-вторыхъ, что власть эта сблизилась со злѣйшимъ врагомъ Италіи — съ державою, наиболѣе заинтересованною раздробленіемъ этой страны.

Кавуръ зналъ, что̀ дѣлалъ, уклоняясь отъ прямыхъ сношеній съ Римомъ. „Если мы вступимъ въ прямыя сношенія съ Римомъ,—писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей,—мы разрушимъ до основанія политическое зданіе, воздвигаемое нами съ такимъ трудомъ. Намъ будетъ невозможно сохранить наше вліяніе въ Италіи, если мы войдемъ въ соглашеніе съ первосвященникомъ. Пусть не заходятъ въ борьбѣ слишкомъ далеко; но пусть не дѣлаютъ ни одного шага назадъ! Вы знаете, что я не попоненавистникъ (prêtrophobe), что я хотѣлъ бы дать церкви бо̀льшія вольности, чѣмъ тѣ, какими она пользуется нынѣ, что я былъ бы готовъ отказаться отъ exequatur, отъ университетской монополіи и т. д.; но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, я убѣжденъ, что всякая попытка къ соглашенію обратилась бы противъ насъ".

II.

Пятилѣтняя работа Кавура надъ „возрожденіемъ" Пьемонта дала извѣстные „нравственные" плоды. Въ Англіи и Франціи съ любопытствомъ и даже съ сочувствіемъ смотрѣли на маленькую страну, смѣло пускавшуюся на путь широкихъ внутреннихъ преобразованій и свободныхъ учрежденій. Но этихъ плодовъ было, конечно, мало для того, чтобъ Пьемонтъ могъ такъ или иначе поднять итальянскій вопросъ. Симпатіи къ Пьемонту и къ его „премьеру" ничего не говорили еще въ пользу Италіи. Италія, въ глазахъ большинства европейскаго общества, оставалась и должна была остаться „географическимъ терминомъ". Одни не хотѣли Италіи во имя католическихъ интересовъ, другіе во имя интересовъ „порядка", третьи во имя своихъ худо или слишкомъ широко понятыхъ національныхъ интересовъ. Кавуру нужно было нетолько „зарекомендовать" Пьемонтъ, но и помирить общественное мнѣніе Европы съ итальянскимъ вопросомъ. Этого онъ могъ достигнуть двумя путями: ему предстояло дать Пьемонту всеевропейское значеніе; онъ долженъ былъ заставить Европу признать итальянскій вопросъ за насущный и неотложный вопросъ общеевропейской политики. Задача нелегкая для министра небольшой державы.

Какимъ образомъ Пьемонтъ могъ съиграть роль „первоклассной" европейской державы, стать на ряду съ Англіей, Франціей, Россіей,

Пруссіей и Австріей? Здѣсь намъ приходится говорить объ одномъ эпизодѣ изъ политики Кавура, съ виду неособенно пріятномъ для нашего національнаго самолюбія — именно объ участіи Пьемонта въ крымской войнѣ 1853 — 1856 годовъ и притомъ во враждебномъ къ намъ лагерѣ. Но событія 1859 года раскрыли истинные мотивы этого участія, и мы можемъ относиться къ нему вполнѣ „объективно", даже безучастно. Политика Кавура въ 1855 году была направлена не столько противъ Россіи, сколько противъ державы, враждебной намъ во время крымской войны—именно противъ Австріи.

Кавуру не было особенной выгоды умалить могущество Россіи; но ему было важно стереть воспоминанія новарскаго погрома. Онъ хлопоталъ не столько о томъ, чтобъ выступить врагомъ Россіи, сколько о томъ, чтобъ явиться самостоятельнымъ союзникомъ Англіи и особенно Франціи. Разумѣется, въ ту минуту, когда Кавуръ замышлялъ такой союзъ, никто ни понималъ истинной его цѣли, кромѣ Австріи и нѣсколькихъ людей въ Пьемонтѣ. Въ самой палатѣ онъ долженъ былъ бороться съ могущественною оппозиціей, видѣвшей въ новомъ военномъ предпріятіи плодъ фантастическихъ стремленій, весьма обременительныхъ для Пьемонта.

Но геніальный дипломатъ не хотѣлъ упустить удобнаго случая. Австрія, 2-го декабря 1854 года, заключила съ Англіей и Франціей довольно двусмысленный договоръ, ни къ чему ея необязывавшій. Она, очевидно, хотѣла продать свое участіе въ войнѣ за европейскую гарантію ея итальянскихъ владѣній. Въ эту минуту Кавуръ рѣшился прямо и открыто стать на сторону союзниковъ и тѣмъ опередить Австрію. Чрезъ мѣсяцъ послѣ заключенія австрійскаго договора, 10-го января 1855 года, былъ подписанъ союзный трактатъ Пьемонта съ Англіей и Франціей. Прусскій уполномоченный, Узедомъ, назвалъ его „пистолетнымъ выстрѣломъ надъ ухомъ Австріи".

Но оппозиція въ пьемонтской палатѣ была иного мнѣнія. Пьемонтъ вмѣшивается въ дѣло, по которому ему придется идти вмѣстѣ съ Австріей! Развѣ это національно? Развѣ это либерально? Вожакъ лѣвой стороны, Броферіо, восклицалъ: „съ экономической точки зрѣнія, союзъ великое легкомысліе, съ военной—безуміе, съ политической—дурной поступокъ". „Поклянемся, — говорили другіе, — сражаться только за единство Италіи и за народы, стремящіеся къ возстановленію своей національности".

Восклицаніе, вполнѣ достойное сочувствія. Дѣйствительно, роль Пьемонта, выступающаго въ роли защитника „правъ" Турціи надъ угнетенными славянскими народностями, была неособенно красива, и некрасива именно съ точки зрѣнія главной цѣли пьемонтской политики: національной независимости Италіи. Гарибальди не заклю-

чилъ бы подобнаго союза. Нѣтъ сомнѣнія, что самъ Кавуръ, в 1877 году, не разыгралъ бы роли г. Лайарда.

Но плохія времена кладутъ свой отпечатокъ на лучшихъ людей особенно на политическихъ дѣятелей, принужденныхъ „сообразоватьс съ обстоятельствами". Къ чести Кавура должно сказать, что онъ н только не терялъ изъ вида своей главной цѣли, но, подписывая тра татъ 15-го января 1855 года, руководствовался именно ею. Вот кàкъ онъ оправдывалъ свой поступокъ предъ палатою:

„Мы вступили въ союзъ, не отказываясь ни отъ нашихъ внѣш нихъ симпатій, ни отъ нашихъ внутреннихъ принциповъ. Мы н скрыли нашей заботы о будущности Италіи и желанія улучшить е участь. Но кàкъ, спросятъ меня, трактатъ можетъ служить дѣл Италіи? Онъ послужитъ ему способомъ, единственно возможнымъ пр нынѣшнемъ положеніи Европы. Опытъ послѣднихъ лѣтъ и вѣков показалъ, кàкъ мало пользы принесли Италіи тайныя общества, за говоры, революціи, безпорядочныя движенія. Они не только не улуч шили ея положенія, но были однимъ изъ величайшихъ бѣдствій, по стигшихъ эту прекрасную часть Европы, и это не только въ силу безчисленныхъ личныхъ несчастій, ими порожденныхъ, но потому что эти вѣчные заговоры, эти возмущенія, эти безпорядки умалили уваженіе и симпатію другихъ народовъ къ Италіи... Теперь главное условіе улучшенія участи полуострова—поднять его репутацію... Для этого нужно двѣ вещи: намъ нужно доказать Европѣ, что Италія имѣетъ достаточно гражданской мудрости для свободныхъ учрежденій что она въ состояніи выработать для себя наиболѣе совершенную форму правленія; во-вторыхъ, мы должны доказать, что ея военная доблесть такова, какова она была при нашихъ предкахъ. Въ теченіе семи лѣтъ вы много сдѣлали для Италіи. Вы показали Европѣ, что итальянцы умѣютъ мудро управлять собою... Но вы должны сдѣлать больше. Наша страна должна снова показать, что ея сыны умѣютъ доблестно сражаться на поляхъ битвы. Повѣрьте, что слава, которую наши солдаты съумѣютъ принести съ береговъ Востока, сдѣлаетъ для будущности Италіи больше, чѣмъ всѣ возгласы".

Въ переводѣ на обыденный языкъ рѣчь эта означала, что Кавуръ смотрѣлъ на союзъ, какъ на средство ввести Пьемонтъ въ кругъ великихъ европейскихъ державъ въ качествѣ полноправнаго ихъ члена и здѣсь поднять итальянскій вопросъ. Поэтому, мы не станемъ слѣдить за тѣмъ, чтò дѣлали солдаты Кавура въ Крыму. Союзники были ими довольны, и этого было для него достаточно. Важнѣйшій моментъ наступалъ съ открытіемъ переговоровъ о мирѣ. Въ эту минуту начало обрисовываться положеніе европейскихъ державъ, важное не для прошедшаго, а для будущаго—показался профиль войны

1859 года. Кавуръ понималъ то, чего никто не понялъ въ то время— что парижскій миръ будетъ горекъ для Россіи, но что болѣе всѣхъ проиграетъ отъ него Австрія, торжествовавшая въ 1856 году. Кавуръ понималъ, что для его страны нѣтъ выгоды въ униженіи Россіи, но что онъ долженъ въ эту минуту положить начало будущему разгрому Австріи. Австрія также хорошо понимала, что ловкій сардинскій министръ явится въ Парижъ вовсе не для „восточнаго вопроса", и потому рѣшилась употребить всѣ усилія, чтобъ не допускать его на конгрессъ.

Доводы Австріи заключались въ томъ, что европейскія дѣла должны быть, по старому обычаю, рѣшены великими державами, на сонмѣ которыхъ нечего дѣлать ничтожной Сардиніи. Она могла быть „припущена" къ войнѣ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ державы обязаны были дать ей голосъ на конгрессѣ. Доводы эти не подѣйствовали, однако, на великія державы. Франція, Англія и Россія настояли на допущеніи сардинскаго уполномоченнаго. Этимъ уполномоченнымъ былъ Кавуръ.

Онъ тотчасъ понялъ свое положеніе среди другихъ дипломатовъ. Въ сущности, онъ относился къ восточному вопросу, какъ человѣкъ чужой. Поэтому въ его лицѣ конгрессъ пріобрѣлъ нѣкоторую нейтральную силу, полезную для „соглашеній" разныхъ интересовъ. На этомъ поприщѣ развернулись великія дипломатическія способности Кавура. Всѣ восхищались его любезностью, спокойствіемъ, здравымъ смысломъ и разнообразными свѣдѣніями. Если въ этомъ дипломатическомъ букетѣ и была нѣкоторая „игла", то она готовилась не для Россіи.

Поведеніе двухъ уполномоченныхъ, австрійскаго и сардинскаго, относительно Россіи представляло странный контрастъ. Австрія, не участвовавшая дѣятельно въ войнѣ, не пролившая ни капли крови, напрягала всѣ свои усилія, чтобъ сдѣлать условія мира тягостными для Россіи; Кавуръ былъ на сторонѣ мягкихъ мѣръ и умѣлъ сблизиться съ графомъ Орловымъ. Старинный союзъ Россіи съ Австріей во имя „консервативныхъ интересовъ", уже разстроенный крымскою войною, долженъ былъ рухнуть на парижскомъ конгрессѣ—вотъ что̀ понималъ Кавуръ. Однажды австрійскій уполномоченный съ особенною силою говорилъ объ „исправленіи границъ" со стороны Бессарабіи. Князь Орловъ, видимо раздраженный, сказалъ, обращаясь къ Кавуру: „Австрійскій посолъ не знаетъ, сколько слезъ и крови будетъ сто̀ить его отечеству это исправленіе границъ!"

Кавуръ не терялъ времени. Онъ успѣлъ завоевать себѣ расположеніе Наполеона, лордовъ Коулея и Кларендона и русскихъ уполномоченныхъ. При всемъ этомъ, ему трудно было найти предлогъ къ

возбужденію итальянскаго вопроса на парижскомъ конгрессѣ. Конгрессъ этотъ имѣлъ спеціальную задачу: выработать условія мирнаго трактата между державами, воевавшими въ 1853—1856 годахъ. Но война, прекращаемая на одномъ концѣ Европы, не могла ли вспыхнуть на другомъ? Положеніе Италіи не представляло ли серьезныхъ поводовъ опасаться нарушенія европейскаго мира, въ ближайшемъ будущемъ? Ненормальность этого положенія доказывалась очевидными фактами. Что свѣтская власть папы не держалась уже сама собою— это доказывалось присутствіемъ французскихъ войскъ въ Римѣ и австрійскихъ въ Болоньѣ. Въ Моденѣ, Пармѣ и въ Тосканѣ правительство держалось австрійскою поддержкой; въ Неаполѣ „порядокъ" поддерживался страшными полицейскими преслѣдованіями. Все это, вмѣстѣ взятое, питало революціонныя стремленія, и Пьемонтъ не могъ отвѣчать ни за одинъ часъ спокойствія въ Италіи. Война могла вспыхнуть даже противъ его желанія.

Вотъ фундаментъ, на которомъ Кавуръ построилъ всю систему своихъ переговоровъ. Правда, оффиціально онъ не добился ничего, кромѣ нѣкотораго „обмѣна мыслей" на дополнительномъ засѣданіи конгресса, 8-го апрѣля 1856 г. Но нравственная его побѣда была значительна. Вотъ какъ онъ самъ опредѣлялъ положеніе вещей: „Мы не достигли, правда, никакихъ положительныхъ результатовъ, но мы выиграли двѣ вещи: во-первыхъ, несчастное и ненормальное положеніе Италіи было заявлено Европѣ не демагогами, не пылкими революціонерами, не страстными журналистами, но представителями первоклассныхъ европейскихъ державъ, государственными людьми, управляющими величайшими націями, людьми, привыкшими слѣдовать внушенію разсудка больше, чѣмъ движенію сердца. Во-вторыхъ, эти державы объявили, что, въ интересахъ не-только Италіи, но и Европы, слѣдуетъ облегчить бѣдствія Италіи... Въ первый разъ въ теченіе нашей исторіи, итальянскій вопросъ былъ поднятъ и разсмотрѣнъ на европейскомъ конгрессѣ не такъ, какъ нѣкогда въ Лайбахѣ и Веронѣ, ради усиленія бѣдствій Италіи, но въ ясно выраженномъ намѣреніи найти лѣкарство отъ болѣзни и заявить о симпатіи къ ней всѣхъ великихъ націй. Конгрессъ конченъ, и дѣло Италіи отдано теперь на судъ общественнаго мнѣнія. Быть можетъ, процессъ будетъ длиненъ, перипетіи многочисленны... Но мы ждемъ его исхода съ полнымъ довѣріемъ".

Три года, однако, прошло до начала „процесса". Но въ эти три года только Кавуръ могъ приготовить Пьемонту то положеніе, какое онъ занялъ въ 1859 году. Время отъ 1856 до 1859 года было временемъ полной нравственной диктатуры Кавура въ Пьемонтѣ. Въ Туринѣ говорили: „Мы имѣемъ правительство, палаты и конституцію;

все это называется Кавуръ". Но рѣдко человѣкъ лучше пользовался своимъ вліяніемъ для болѣе великихъ цѣлей. Развернуть и увеличить, насколько это возможно, военныя силы Пьемонта и вооружить его крѣпости; дисциплинировать старую партію „движенія" и заставить ее отказаться отъ революціонныхъ средствъ, приготовить Италіи могущественныхъ союзниковъ—вотъ что̀ предстояло сдѣлать пьемонтскому министерству.

Для воинскихъ дѣлъ Кавуръ нашелъ солиднаго помощника въ лицѣ Ламарморы, и вообще это дѣло встрѣчало немного препятствій. Труднѣе было привлечь на свою сторону старую національную партію, воспитанную на практикѣ заговоровъ и другихъ неудобныхъ средствъ. Либеральная политика Пьемонта дѣлала свое дѣло. Съ каждымъ годомъ кредитъ старыхъ вожаковъ падалъ, и вскорѣ послѣ крымской войны возникло и быстро развилось новое общество подъ руководствомъ сицилійскаго эмигранта Ла-Фарина, „національное общество", не имѣвшее ничего общаго съ мадзинизмомъ. На сторону Кавура сталъ и доблестный эксдиктаторъ Венеціи, Даніилъ Манинъ, помогавшій ему изъ своего изгнанія въ Парижѣ. Любя „Италію больше республики", онъ увѣщевалъ всѣхъ патріотовъ стать на сторону пьемонтской монархіи.

Но труднѣе всего было справиться съ европейскими союзниками. Кавуръ могъ разсчитывать на одну Францію, но и въ этой Франціи трудно было найти точку опоры. Французское общество ласкало Кавура, но врядъ ли было расположено къ войнѣ за Италію; министерство, особенно министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Валевскій, подозрительно относилось къ либеральному Пьемонту. Оставался Наполеонъ III. Мечты объ освобожденіи Италіи были грѣхомъ его молодости. Онъ самъ принималъ участіе въ болонскомъ возстаніи 1831 года. Затѣмъ, все, что̀ клонилось къ отмѣнѣ трактатовъ 1815 года, было ему по душѣ. Но освобожденіе Италіи подъ главенствомъ либеральнаго Пьемонта, образованіе сильнаго государства на границахъ Франціи, не согласовалось съ общею политикою диктатора Франціи. Сверхъ того, полное единство Италіи съ Римомъ могло поссорить его съ клерикальною партіей, вызвать противодѣйствіе Германіи. Что̀ происходило въ душѣ этого загадочнаго человѣка? Кавуръ понялъ его тайну и сообразилъ, что у императора, должно быть, двѣ политики—одна оффиціальная, о̀рганомъ которой былъ Валевскій, другая чисто личная, державшаяся пока въ секретѣ. На эту „вторую" политику и направилъ Кавуръ всѣ свои усилія. Другой надежды на помощь Италіи не было.

Англія, представители которой говорили Кавуру столько любезностей въ Парижѣ, не была расположена ни къ какому серьёзному

дѣйствію въ пользу Италіи. Напротивъ, Пальмерстонъ читалъ сардинскому посланнику въ Лондонѣ наставленія о необходимости „соглашенія“ и „совокупнаго дѣйствія“ Пьемонта съ Австріей по итальянскимъ дѣламъ. Сардинскій посланникъ (маркизъ Азеліо) легко могъ принять эти лекціи за насмѣшку. Онъ не упустилъ случая показать благородному лорду все бездушное суемудріе его словъ. „Вы забываете, милордъ,—говорилъ онъ, — что мы не добьемся согласія Австріи для улучшенія участи Италіи. Она имѣетъ за себя правительства, мы—народы. Она говоритъ правительствамъ: „Хотите моего покровительства? Я даю вамъ его; не забывайте, что я представляю абсолютизмъ, правительство меча и католическую нетерпимость“. Мы говоримъ народамъ: „Слѣдуйте за нами; въ нашихъ жилахъ течетъ итальянская кровь; мы высоко держимъ знамя независимости, вѣротерпимости, свободныхъ учрежденій, нравственнаго и матерьяльнаго прогресса“. Остается узнать, которую изъ двухъ политикъ Англія намѣрена поддерживать?“

Благородный лордъ увернулся отъ прямого отвѣта. Но его политика имѣла и свою закулисную сторону. „Одобряя“ либеральную политику Кавура, онъ косо смотрѣлъ на хорошія его отношенія къ русскому двору, на то, что онъ содѣйствовалъ нѣкоторому сближенію Россіи съ Франціей, что̀ уже совершенно было противно „британскимъ интересамъ“. Словомъ, единственною точкою опоры для Кавура оставалась „вторая“ политика Наполеона. Два года работалъ онъ на этомъ полѣ; но къ концу второго года, когда онъ могъ уже разсчитывать на полный успѣхъ, неожиданное „приключеніе“ едва не разстроило всѣхъ его плановъ. 14-го января 1858 года, группа заговорщиковъ произвела свое знаменитое покушеніе на жизнь императора. Заговорщики были итальянцы и между ними находился извѣстный Орсини. Кавуръ ахнулъ отъ ужаса: „первая“ политика Наполеона могла восторжествовать надъ „второю“...

Во всякомъ случаѣ, первыя недѣли послѣ покушенія были тяжелы для Кавура. Папскій нунцій немедленно доложилъ императору, что все дѣло идетъ изъ Пьемонта. Австрійскій посланникъ пояснилъ, что настало время для тѣснаго сближенія Франціи съ Австріей. Французское правительство потеряло голову. Начались укрощенія печати, высылка подозрительныхъ, Валевскій писалъ въ Лондонъ, въ Брюссель, въ Бернъ, въ Туринъ, требуя „мѣръ“ противъ политическихъ эмигрантовъ, противъ печати. Самъ Наполеонъ „переговорилъ“ довольно крупно съ сардинскимъ посланникомъ. Но Кавуръ рѣшился выждать нѣкоторое время, и время принесло свои плоды.

Наполеонъ понемногу успокоился. Если въ одно ухо ему говорили, что всѣ заговоры идутъ отъ Кавура, то въ другое ему твердили,

что „пока австрійцы будутъ въ Италіи, въ Парижѣ будутъ заговоры, что Кавуръ правъ и его должно поддерживать". Кончилось тѣмъ, что императоръ написалъ успокоительное письмо къ Виктору-Эммануилу. Для „успокоенія" французскаго двора, отъ Пьемонта добились нѣкоторыхъ „гарантій": новаго закона относительно покушеній на жизнь иностранныхъ государей и апологіи политическихъ убійствъ и новыхъ правилъ о составѣ присяжныхъ по дѣламъ печати.

Возможность союза съ Франціей была спасена. Скоро наступило и время практическаго его осуществленія. Дѣло ускорилъ, какъ предполагаютъ, самъ Орсини. Предъ казнью онъ написалъ свое знаменитое письмо къ императору, гдѣ предостерегалъ его, что пока Италія не свободна, Европа не будетъ имѣть спокойствія. Письмо оканчивалось заявленіемъ раскаянія въ покушеніи на жизнь императора и осужденіемъ политическихъ убійствъ. Дѣло, конечно, не въ содержаніи этого письма, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго, а въ употребленіи, сдѣланномъ изъ него и изъ прочихъ бумагъ Орсини.

Сардинскій посланникъ, г. Вилламарина, неожиданно получилъ, отъ уполномоченнаго императоромъ лица, письмо Орсини и всѣ его бумаги для передачи Кавуру. Письмо Орсини было уже напечатано въ „Монитерѣ". Кавуръ отнесся къ этой мѣрѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Но когда онъ получилъ отъ Вилламарины еще болѣе странную „посылку" отъ императора, недоумѣніе его прекратилось. Императоръ, очевидно, подавалъ ему нѣкоторый „сигналъ".

Напечатаніе письма Орсини, во французскомъ „Монитерѣ", и всѣхъ его бумагъ, въ оффиціальной туринской газетѣ, могло имѣть одинъ смыслъ: оправданіе „второй" политики императора, объясненіе всего, чтó онъ намѣревался сдѣлать для своего союзника. Послѣ этого переговоры между Парижемъ и Туриномъ продолжались съ особеннымъ оживленіемъ. Условія будущаго союза уже были въ общихъ чертахъ опредѣлены при свиданіи Наполеона съ Кавуромъ въ Пломбьерѣ (20-го іюля 1858 года). Здѣсь Кавуръ прикрѣпилъ императора къ его „второй", т.-е. личной политикѣ. Въ концѣ 1858 г., Европа уже предчувствовала новую бурю. Италія была въ огнѣ...

III.

Событія войны 1859 года такъ извѣстны, что нѣтъ надобности передавать ихъ здѣсь. Предсказаніе Кавура исполнились. Всѣ живыя силы Италіи сгруппировались подлѣ Виктора-Эммануила. Волонтеры стекались со всѣхъ сторонъ Италіи. Между ними рѣзко выдѣлялись красныя рубашки гарибальдійцевъ... Прокламація Наполеона

возвѣщала Италіи, что она должна быть свободна до Адріатическаго моря. Вся центральная Италія возстала и примкнула къ Пьемонту. Властители Модены, Пармы и Тосканы были изгнаны; Австрія была принуждена вывести свои войска изъ Романьи, которая также присоединилась къ движенію. Затѣмъ, что̀ особенно важно, движеніе это было организовано и поставлено подъ руководство Пьемонта. Министерство послало въ Парму графа Паньери, въ Модену—Фарини, во Флоренцію—Бонакомпаньи, въ Болонью—Массимо Азеліо. Кавуръ могъ, повидимому, сказать свое „нынѣ отпущаеши".

Но ему пришлось пережить тяжелую, горькую минуту. Онъ сдѣлалъ все, что̀ можно было сдѣлать дипломатіей. Слабый Пьемонтъ заручился содѣйствіемъ Франціи, нейтралитетомъ Англіи и Россіи; Кавуръ „уединилъ" Австрію такъ, какъ Бисмаркъ изолировалъ Францію въ 1870 году. Но великій политикъ, опиравшійся, главнымъ образомъ, на дипломатію, да еще на „вторую", интимную и личную политику Наполеона, не могъ владѣть всѣми картами въ игрѣ. Притомъ, не всѣ карты были въ рукахъ Наполеона: Берлинъ выдвигался уже на первый планъ.

Пруссія, помнившая Шварценберга и Ольмюцъ, не могла выступить въ качествѣ дѣятельнаго союзника Австріи. Австрія агитировала между „малыми и средними" германскими державами, побуждая ихъ ополчиться на защиту нѣмецкихъ интересовъ въ Италіи. Государства эти понемногу волновались. Но Берлинъ оставался холоденъ къ этимъ возгласамъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ тамъ уже понимали значеніе этой минуты. Только два человѣка, различнаго типа, понимали, что̀ нужно бы сдѣлать—Бисмаркъ и Лассаль. Но Бисмаркъ былъ еще посланникомъ въ Петербургѣ, а Лассаль, конечно, не могъ имѣть вліянія на правительство. Но нейтралитетъ Пруссіи въ первое время войны казался обезпеченнымъ. Все перемѣнилось послѣ быстрыхъ успѣховъ франко-итальянской арміи. Послѣ битвы подъ Сольферино до императора дошли слухи о мобилизаціи прусской арміи. Война грозила принять новые и неожиданные размѣры. Не было недостатка и въ представленіяхъ со стороны французскаго министерства. Наполеонъ сразу оборвалъ войну; 11-го іюля уже были подписаны предварительныя условія мира въ Виллафранкѣ. Ломбардія отходила къ Пьемонту, но Венеція оставалась за Австріей; потомъ владѣтелей Тосканы, Модены и Пармы предполагалось „возвратить" на мѣсто. Италія должна была образовать нѣкоторую федерацію подъ „почетнымъ" предсѣдательствомъ папы. Такъ сбылось обѣщаніе Наполеона освободить Италію до „Адріатическаго моря!"

Викторъ-Эммануилъ былъ принужденъ подписать эти условія,

придуманныя двумя императорами мимо его желанія и воли. По очень понятнымъ причинамъ, онъ не могъ взять на одного себя всю тяжесть войны съ Австріей. Но какъ сообщить объ этихъ „условіяхъ" Кавуру, еще ничего незнавшему о сюрпризѣ въ Виллафранкѣ?

Король пріѣхалъ въ свою главную квартиру съ мрачнымъ выраженіемъ лица, сбросилъ мундиръ и, въ присутствіи Кавура, Ламарморы и двухъ другихъ лицъ, велѣлъ прочесть виллафранкскія условія. Южная натура проснулась въ Кавурѣ. Его гнѣвъ не зналъ предѣловъ. Король отдалъ его на попеченіе Ламарморы. Оставалось знать, что̀ дѣлать дальше. Кавуръ не могъ подписать этихъ условій, не отказываясь отъ всей своей политики. Онъ не могъ закрѣпить своею подписью то, что̀ противорѣчило всѣмъ его убѣжденіямъ, рѣчамъ и обѣщаніямъ. Онъ подалъ въ отставку и оставался не у дѣлъ до 20-го января 1860 года, когда ему суждено было нанести владычеству иноземцевъ новый и тяжкій ударъ.

Все ли было потеряно послѣ виллафранкскаго перемирія? Условія мира имѣли бы для Италіи роковое значеніе, еслибъ они были осуществимы. Но врядъ ли можно было разсчитывать на ихъ практическое значеніе. Въ условіяхъ значилось, что тосканскій, моденскій и пармскій владѣтели возвратятся въ свои владѣнія. Но какъ? Съ помощью французскихъ или австрійскихъ штыковъ? Но Наполеонъ не былъ расположенъ сражаться за право этихъ лицъ и тѣмъ менѣе дозволилъ бы онъ сдѣлать это Австріи. Легатства предполагалось возвратить папѣ, но подъ условіемъ реформъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ времени. Согласится ли папа на такія „реформы?" Затѣмъ, государи, договаривавшіеся въ Виллафранкѣ, какъ бы не приняли въ разсчетъ одного важнаго обстоятельства—народнаго движенія, окончательно организованнаго въ Тосканѣ, въ Моденѣ и въ Пармѣ, движенія, получившаго оффиціальное, такъ-сказать, признаніе, подъ руководствомъ уполномоченныхъ пьемонтскаго правительства. Объединеніе верхней и центральной Италіи могло совершиться само-собою, вопреки всякимъ мирнымъ условіямъ.

Кавуръ, оправившійся послѣ виллафранкскаго сюрприза, понималъ это. „Одинъ путь закрытъ,—говорилъ онъ,—но остались другіе". Самъ Наполеонъ сдѣлалъ Виктору-Эммануилу тонкій намекъ при отъѣздѣ изъ Италіи: „Посмотримъ,—сзазалъ онъ,—что̀ итальянцы съумѣютъ сдѣлать одни". Но итальянцы были не „одни". Они остались подъ руководствомъ сильныхъ руководителей. Бывшіе „уполномоченные" Пьемонта въ центральной Италіи остались на мѣстѣ, но уже не въ качествѣ уполномоченныхъ, а въ качествѣ диктаторовъ, опиравшихся на волю мѣстнаго населенія. Фарини сдѣлался

диктаторомъ Модены и Пармы. Во Флоренціи мѣсто Бонакомпаньи занялъ энергическій и умный диктаторъ—баронъ Рикасоли. Въ Болоньѣ дѣйствовалъ Чипріани. Всѣ эти лица вовсе не были расположены уступать мѣсто папѣ и герцогамъ. Они, какъ и мѣстное населеніе, жили однимъ лозунгомъ—„Италія и Викторъ-Эммануилъ!"

Съ такою точкою опоры можно было сдѣлать много. Кавуръ „не у дѣлъ" оставался, однако, центромъ движенія. Его совѣты руководили пьемонтскимъ министерствомъ; съ нимъ сносились „диктаторы"; онъ вдохновлялъ разныхъ лицъ, бросившихся къ европейскимъ дворамъ ходатайствовать за Италію, графа Линати, маркиза Лайятико, Біанки, Перуцци, Матеуччи.

Время отъ іюля 1859 до января 1860 года представляетъ двойственное движеніе. Въ то время, какъ оффиціальная дипломатія шествуетъ по пути, указанному виллафранкскими прелиминаріями, и старается закрѣпить ихъ мирными условіями въ Цюрихѣ, центральная Италія подготовляетъ свое возсоединеніе съ Пьемонтомъ. Которое изъ этихъ двухъ движеній восторжествуетъ?

Съ самаго начала оказалось, что почва дипломатіи крайне неустойчива. Въ Англіи торискій кабинетъ Дерби былъ свергнутъ, и министерство снова досталось въ руки Пальмерстону и Джону Росселю. Въ то время, какъ Наполеонъ предоставлялъ Италію ея собственной судьбѣ, англійскій кабинетъ круто поворачивалъ на сторону Италіи. Конечно, онъ не обѣщалъ ничего, кромѣ „нравственной поддержки". Но поддержка эта на этотъ разъ одобряла національную программу Италіи и спеціально мысль о присоединеніи центральныхъ государствъ къ Пьемонту. Самъ Наполеонъ долженъ былъ отступить шагъ за шагомъ. Послѣ виллафранкскаго перемирія, горячій представитель „первой" политики Наполеона, Валевскій, заговорилъ громко. Онъ „изумлялся", почему средняя Италія упорствуетъ и не желаетъ возвращенія герцоговъ, усматривалъ въ этомъ дѣлѣ руку и деньги Пьемонта, коварство Рикасоли и т. д. Не разъ онъ дѣлалъ серьезныя внушенія сардинскому посланнику, заканчивая ихъ угрозами. Но Наполеонъ не могъ освободить себя отъ нравственной отвѣтственности за движеніе, имъ же поднятое въ Италіи, онъ не могъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать цюрихскій миръ. Онъ самъ „уронилъ" одну фразу по поводу ходатайствъ г. Перуцци. Замѣтивъ, что оффиціально не можетъ сказать ничего, кромѣ того, что́ уже сказано, онъ прибавилъ: „Но пусть народонаселеніе вотируетъ, и когда будетъ доказано, что виллафранкскія условія не могутъ быть осуществлены безъ нарушенія народнаго права, отъ котораго я самъ получилъ власть, я могу измѣнить мнѣніе".

Итальянцамъ открывался широкій путь. Кавуръ хорошо пони-

малъ все значеніе плебисцита для Наполеона. Но приступить къ такому голосованію можно было только при извѣстныхъ условіяхъ. Ихъ предстояло найти и опредѣлить. Въ ожиданіи, положеніе вещей было довольно неопредѣленно. Средняя Италія продолжала „упорствовать“ и понемногу организовалась; нравственная поддержка Англіи была достаточна для воздержанія Австріи отъ враждебныхъ дѣйствій. Наполеонъ понемногу отступалъ отъ виллафранкскихъ условій; Пруссія оставалась холодна къ Австріи. Въ концѣ 1859 г. дѣло созрѣло настолько, что одинъ энергическій шагъ могъ привести его къ концу.

Для этого шага и понадобился Кавуръ. Въ январѣ 1860 года, онъ снова сдѣлался первымъ министромъ. Онъ засталъ среднюю Италію готовою къ плебисциту, Англію расположенною къ присоединенію этихъ областей къ Пьемонту. Но главное препятствіе было, все-таки, во Франціи, и не столько въ Наполеонѣ, сколько въ общественномъ мнѣніи этой страны, съ опасеніемъ смотрѣвшемъ на ростъ Италіи. Франція нуждалась въ нѣкоторой уступкѣ, Италія—въ жертвѣ, Кавуръ понималъ, въ чемъ должна состоять эта жертва... Уже во время переговоровъ съ Наполеономъ въ Пломбьерѣ рѣчь шла объ уступкѣ Ниццы и Савойи Франціи въ обмѣнъ за свободу Италіи. Программа не была выполнена и виллафранкское перемиріе устраняло это условіе. Теперь Кавуръ, ради Средней Италіи, самъ пошелъ на встрѣчу „жертвѣ“ съ крайне стѣсненнымъ сердцемъ, зная, какія нападки ожидаютъ его въ парламентѣ, но съ полнымъ сознаніемъ долга. Краснорѣчиво защищалъ онъ свою мѣру передъ палатою. Но истинныя его чувства выразились не въ пространной рѣчи, а въ короткой фразѣ, сказанной имъ французскому посланнику Талейрану. Предъ подписаніемъ тяжелаго условія, онъ задумчиво ходилъ по кабинету, слушая чтеніе трактата. Подписавъ его молча, онъ съ выразительною улыбкою сказалъ Талейрану: „Теперь вы наши сообщники!“

Дѣйствительно, послѣ этого Франція должна была молча смотрѣть на все совершавшееся въ Италіи. Ея долгъ передъ Италіей былъ уплаченъ не въ одной Флоренціи, но и въ Неаполѣ.

Условившись съ Франціей относительно Ниццы еще до подписанія трактата, Кавуръ наносилъ ударъ за ударомъ. 11-го марта послѣдовалъ плебисцитъ въ центральныхъ областяхъ, 18-го марта „возсоединеніе“ ихъ было утверждено декретомъ, 24-го марта былъ подписанъ трактатъ объ уступкѣ Савойи, 25-го марта уже происходили выборы въ первый итальянскій парламентъ. Предъ нимъ Кавуръ хотѣлъ дать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Сессія была бурная. Члены опозиціи, особенно Гверацци и Ра-

тацци съ жаромъ напали на уступку Савойи, „колыбель династіи“ и самого Пьемонта. Гверацци сравнивалъ Кавура съ англійскимъ министромъ Кларендономъ, продавшимъ Франціи Дюнкирхенъ, Ратацци говорилъ объ уклоненіи отъ національной программы. Кавуръ настаивалъ на необходимости уступки, въ виду болѣе тѣснаго союза съ Франціей, не какъ съ правительствомъ, а какъ съ народомъ. Во Франціи всѣ издавна были убѣждены, что Савойя принадлежитъ французамъ. Отказывать въ уступкѣ этой области значитъ отталкивать союзъ съ Франціей, необходимой для будущаго. „Истинная и единственная для насъ выгода отъ трактата — это утвержденіе союза не столько двухъ правительствъ, сколько двухъ народовъ. Вы, народъ итальянскій, не становитесь въ противорѣчіе съ французскими интересами. Если столкновенія и пререканія неизбѣжны — сбрасывайте ихъ на правительство. Если въ этомъ дѣлѣ есть что̀-нибудь неблаговидное, пусть это „неблаговидное“ падетъ на насъ, я согласенъ. Мы любимъ популярность, какъ никто, и часто я и мои товарищи пили изъ этой опьяняющей чаши. Но мы умѣемъ устранить ее, когда этого требуетъ долгъ. Подписывая трактатъ, мы знали, какая непопулярность ожидаетъ насъ, но мы знали также, что работаемъ для Италіи, для этой Италіи, которая не есть „здоровое тѣло“, какъ выразился одинъ депутатъ. Италія, Италія имѣетъ еще большія раны на тѣлѣ. Посмотрите въ сторону Минчіо, посмотрите за предѣлы Тосканы и скажите, находится ли Италія внѣ опасности?“

Кавуръ увлекъ палату; 229 голосовъ противъ 33-хъ (23 депутата воздержались отъ подачи голоса) утвердили трактатъ. Дѣйствительно, Италіи скоро пришлось имѣть дѣло съ „вопросомъ“ поважнѣе Савойи — съ Ниццою. Кавуру недолго пришлось безмятежно пить изъ „чаши популярности“. 5-го мая 1860 года, изъ виллы Кварто, близъ Генуи, отплыли два корабля „Piemonte“ и „Lombardo“. На нихъ находилась „дружина“ Гарибальди. Доблестный старецъ отправился „воевать“ королевство обѣихъ Сицилій и выгонять Бурбоновъ изъ ихъ послѣдняго убѣжища. Предпріятіе было задумано втайнѣ. Гарибальди отправился въ Сицилію, сильно раздраженный противъ Кавура за уступку французамъ Савойи и Ниццы — его родины. „Кавуръ сдѣлалъ меня иностранцемъ въ моемъ отечествѣ“, говорилъ онъ. Отъѣзжая, онъ написалъ къ королю письмо, въ которомъ сильно досталось Кавуру. Тѣмъ не менѣе, оба соперника должны были идти вмѣстѣ.

Этотъ послѣній періодъ дѣятельности Кавура — можетъ быть, самый драматическій въ его жизни. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Мазада онъ воспроизведенъ въ видѣ нѣкоторой защитительной рѣчи въ пользу Кавура, слѣдовательно, съ значительнымъ предубѣжденіемъ противъ

...рибальди. Трагедія замаскирована всякими разсужденіями о дипло-...тическихъ удобствахъ, о политическомъ благоразуміи и т. д.

Трагизмъ положенія Кавура заключался именно въ томъ, что ему ...ишлось воспользоваться экспедиціей Гарибальди, организоватъ ...бѣду, устроить сліяніе Неаполитанскаго королевства съ сѣверною ...аліей, минуя всякія подводные камни, устраняя возможность евро-...йскаго вмѣшательства. Нѣтъ сомнѣнія, что Гарибальди и Кавуръ ...ѣлали одно дѣло. Безъ Гарибальди Неаполитанское королевство не ...ло бы завоевано—онъ далъ своему отечеству „совершившійся фактъ". ...о Кавуръ возвелъ фактъ на степень права. Мало того: свобода дѣй-...вія Гарибальди обезпечивалась покровительствомъ Кавура, который ...вко парировалъ всѣ „протесты" разныхъ европейскихъ дворовъ. ...тѣмъ, благодаря его содѣйствію, отрядъ Гарибальди могъ попол-...яться новыми волонтерами, снабжаться всѣмъ необходимымъ. Нако-...нецъ, въ самую рѣшительную минуту, когда Гарибальди былъ уже ...ъ Неаполѣ, когда Францискъ II съ остатками своей арміи заперся ...ъ Гаэтѣ, когда все королевство находилось въ полномъ безначаліи ... всѣ европейскіе дворы приняли угрожающее положеніе, въ виду ...ромко заявленнаго намѣренія Гарибальди идти въ Римъ и выгнать ...ранцузовъ, Кавуръ быстро вмѣшался въ дѣло, ввелъ войска сначала ...ъ Мархію, потомъ въ Неаполитанскія владѣнія и тѣмъ ввелъ дви-...женіе въ тѣ границы, какія оно могло имѣть въ 1861 году.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Гарибальди и Кавуръ встрѣти-...лись въ Неаполѣ, какъ два соперника, даже какъ два врага. Орга-...низація всякаго движенія предполагаетъ извѣстныя ограниченія, ...опредѣляемыя условіями времени. Пылкій темпераментъ Гарибальди ...не хотѣлъ считаться ни съ какими условіями. Народный герой пред-...авлялъ національное право во всей его чистотѣ, безъ всякихъ ...омпромиссовъ. „Франція должна отдать намъ Римъ, потому что онъ ...тальянскій городъ", говорилъ онъ лорду Элліоту въ Неаполѣ. Ка-...ръ понималъ, что пока Италія не организована, она не можетъ ...рогать ни римскаго, ни венеціанскаго вопросовъ. Вотъ почему онъ ...читалъ своимъ долгомъ сдержать Гарибальди. И два человѣка, ...динаково любившіе Италію, одинаково хотѣвшіе всей Италіи, съ ...имомъ и съ Венеціей, встрѣтились какъ два врага въ новомъ пар-...ламентѣ, составленномъ на этотъ разъ изъ представителей сѣвера и ...га. Здѣсь произошла прискорбная для двухъ соперниковъ сцена ...8-го апрѣля 1861 года, послѣ которой здоровье Кавура въ первый ...азъ пошатнулось.

Работа по организаціи новаго королевства превысила даже атле-...ическія силы Кавура. Ему приходилось держать „открытыми" во-...росы римскій и венеціанскій, не давая, однако, никакого повода къ

15

